

Год добровольца



и волонтера

# IV Толстовские правовые чтения

## Сборник докладов

19 апреля 2018 года



Тульское региональное отделение  
общероссийской общественной организации  
«Ассоциация юристов России»



Государственный мемориальный и  
природный заповедник «Музей-усадьба  
Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»



Муниципальное учреждение  
культуры «Тульская библиотечная  
система», Центральная городская  
библиотека им. Л.Н.Толстого



Институт законовeдения и управления  
Всероссийской полицейской ассоциации

## Оглавление

Вступление.....	3
Музей-усадьба Л.Н. Толстого "Ясная Поляна" .....	4
Яковлев В.Ф. Приветственное слово .....	11
Бурнашёва Н.И. Об энциклопедии «Лев Толстой и его современники».....	12
Милякова Л.В. Книги с дарственными надписями юристов в библиотеке Л.Н. Толстого.....	18
Житин Р.М., Имение Б.Н. Чичерина в селе Караул Тамбовской губернии...	35
Карачевцев И.Е. "Дом Давыдова" на улице Гоголевской.....	43
Осипов М. Ю. К вопросу о понимании права в творчестве Л.Н. Толстого...	53
Чисников В.Н. Представители охранных структур и царской администрации в свете толстоведческой биографистики.....	58
Труфанова М. И. Правовое положение незаконнорождённых детей во второй половине XIX века (по роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстого).....	88
Сафонов В. А., Юрашевич Д.А. О некоторых особенностях уголовного процесса российской империи во второй половине XIX века на примере романа Л.Н. Толстого "Воскресение".....	93
Гасанов Р. Н., Суровикина А. В. Влияние Д.И. Мейера на личность Л.Н. Толстого.....	100
Дудорова А. В. "Золотая молодежь". Вчера, сегодня... Завтра?.....	105
Полонская И. Е. Жизнь Толстого как пример добровольческой деятельности.....	111
Луневская К. И., Чеботов Е. П. Влияние российской правовой науки на творческую деятельность Л.Н. Толстого.....	122
Сафонов В. А. Личность Л.Н. Толстого в формировании правосознания...	126
Стародубцева Ю. А., Пармухина К. В. Влияние деятельности Н.В. Давыдова на литературное творчество Л.Н. Толстого.....	132
Тулаева О.О., Кальтюгина П.С. Право в понимании Л.Н. Толстого.....	137
Ягубова А. А. Рассказ Л.Н. Толстого « После бала» (История смертной казни в России в отношении военнослужащих).....	142

## Вступление

Уважаемые читатели!

В юбилейный для Л.Н. Толстого год – год 190-летия со дня рождения писателя - 19 апреля 2018 года в Ясной Поляне состоялись 4 Толстовские правовые чтения. Инициаторами их проведения выступили Тульское региональное отделение Ассоциации юристов России, музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна», МУК «Тульская библиотечная система», Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула), Центральная городская библиотека им. Л.Н.Толстого (г. Тула).

Эти чтения можно назвать и международными, поскольку в них приняли участие не только представители Москвы, Тамбова, Тулы, но и Украины.

В данном издании содержатся материалы докладов, прозвучавших на Четвертых Толстовских правовых чтениях, в том числе и присланных для заочного участия. Надеемся, они представляют интерес для всех, кого волнует правовой аспект творческой и общественной деятельности Л.Н. Толстого.

## Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»

В самом центре средней России с ее неброской, но удивительно трогательной природой, расположена яснополянская усадьба – такая же скромная, но прекрасная и величественная в своей простоте.

В Ясной Поляне родился и прожил большую часть своей жизни Лев Николаевич Толстой. Здесь начинался его собственный мир, здесь рождался мир его произведений и героев. Здесь были написаны многие главы романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», повести «Поликушка», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Хаджи-Мурат», многочисленные статьи и рассказы.

Первые сведения о Ясной Поляне относятся к 1652 году. С середины XVIII века усадьба принадлежала предкам писателя по материнской линии князьям Волконским. На протяжении XVIII и XIX столетий здесь создавался уникальный усадебный ландшафт – парки, сады, живописные аллеи, пруды, богатая оранжерея, был создан архитектурный ансамбль, включавший большой барский дом и два флигеля. Решающую роль в развитии усадьбы сыграл дед Льва Николаевича князь Николай Сергеевич Волконский.

Дочь и наследница князя Мария Николаевна после смерти отца вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого. В их семье родилось пятеро детей: сыновья Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и дочь Мария. Младший из сыновей и будущий писатель появился на свет 28 августа 1828 года по старому стилю. И отец, и мать будущего писателя рано ушли из жизни. Мария Николаевна Толстая умерла в 1830 году, через девять лет скончался Николай Ильич. Опекуншей детей сначала стала жившая с ними тетушка, сестра Николая Ильича Александра Ильинична Остен-Сакен, а после ее смерти в 1841 году – другая тетушка, Пелагея Ильинична Юшкова. Она увезла племянников в Казань, где жила со своим мужем. В Ясную Поляну Толстой вернется – уже хозяином – лишь в 1847 году, оставив учебу в Казанском университете.

В 1847 году произошел раздел родительских имений между братьями Толстыми. *«По обычаю как младшему в семье мне отдали имение, в котором жили – Ясную Поляну»*, – пишет Лев Николаевич. Он сразу же решает круто изменить свою жизнь и обосноваться у себя в деревне. Как и герой повести «Утро помещика» Дмитрий Нехлюдов, девятнадцатилетний Толстой всей душой стремится *«посвятить себя жизни в деревне»*, потому что чувствует, что *«рожден для нее»*.

Но уже первые предприятия вызывают разочарования. Все получается не так, как он ожидал, и крестьяне с недоверием относятся к начинаниям молодого барина. Разочаровавшись в стремлении делать добро, он отправляется на военную службу.

В конце 1850-х годов Толстой вышел в отставку и вернулся в Ясную, хотя и не жил там постоянно, много времени проводя в Петербурге и Москве. Он поселился в одном из флигелей, ставшем со временем домом для него и его семьи – в нем он прожил более 50 лет. Вместе с ним в новый дом переехали старая мебель, книги, прадедовские зеркала XVIII века, фамильные портреты.

Именно этот дом сегодня известен как Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Все предметы здесь являются подлинными. Личная библиотека Толстого, насчитывающая более 22 тысяч книг, находится под охраной ЮНЕСКО.

23 сентября 1862 года Лев Николаевич женился на дочери московского гоф-медика Софье Андреевне Берс. Жизнь молодых большей частью проходила в Ясной Поляне, где молодой графине поначалу было нелегко освоиться. Постепенно она сумела стать настоящей хозяйкой усадьбы, и вскоре женская рука стала чувствоваться здесь во всем: дом стал уютнее и удобнее, вокруг него появились нарядные цветники.

Все больше внимания хозяйству уделял и Лев Николаевич. Он расширил дедовский яблоневый сад. Постепенно площадь яснополянских садов выросла в 4 раза и превысила 40 гектаров. Всего в Ясной Поляне было посажено пять садов: Красный, Молодой и Старый, а также сады у Дома Волконского и у Большого пруда.

Сады давали устойчивый доход имению. Их всегда сдавали в аренду съемщикам за цену от двух до пяти тысяч в год, а часть яблок по условиям договора оставляли себе.

Еще более масштабными оказались лесные посадки Толстого. До него яснополянские леса представляли собой участки старого лесного массива. Их старинные названия сохранились до сих пор: Чепыж, Старый заказ, Арковский верх. Лесоводческая деятельность Толстого значительно расширила лесные массивы Ясной Поляны; вновь появившиеся леса не только украсили собой усадьбу, но и принесли несомненную практическую пользу: закрепили расползающиеся склоны многочисленных оврагов. Кроме того, земли в районе Ясной Поляны были весьма бедными, и выгоднее было посадить здесь леса. В общей сложности лесные посадки в Ясной Поляне занимают огромную площадь – 254 гектара.

С 1860-х годов начал изменяться и яснополянский дом Толстых: отныне он рос вместе с семьей. За годы брака у Толстых родилось 13 детей. Пятеро из них умерли в раннем детстве, до зрелого возраста дожили восемь – сыновья Сергей, Илья, Лев, Андрей, Михаил и дочери Татьяна, Мария и Александра. К центральной части дома – несколькими комнатами, расположенными анфиладой – в разные годы добавлялись пристройки.

В 1881 году Толстые купили дом в Москве. Выросли старшие дети, им нужно было продолжать образование, дочерям нужно было выезжать. Теперь зима семья проводила в Москве. Однако город тяготил писателя, ему была необходима «ванна деревенской жизни». Весной он стремился поскорее вернуться в Ясную Поляну, где ему так хорошо дышалось и работалось. В последние годы Толстой уже не переезжал на зиму в Москву, предпочитая покой и уединение Ясной.

К тому времени яснополянская усадьба уже не принадлежала Льву Николаевичу. Еще в 1892 году он, в соответствии со своими взглядами, отказался от собственности и разделил все, чем владел, между наследниками. Ясную Поляну получили Софья Андреевна и совсем еще маленький младший

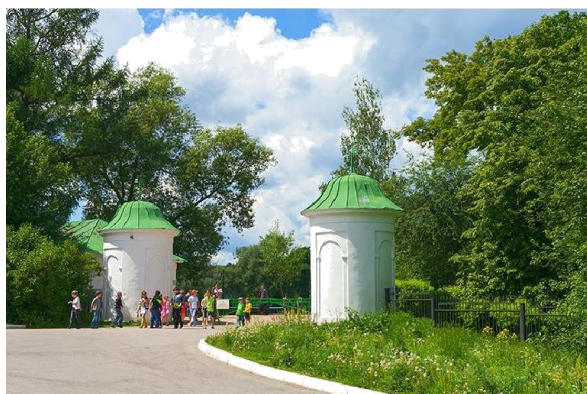
сын Ванечка, впоследствии умерший от скарлатины (в 1895 году, в семилетнем возрасте).

В последние годы жизни Толстого атмосфера дома изменилась; семейный разлад омрачил жизнь его обитателей. 28 октября 1910 года Лев Николаевич покинул Ясную Поляну навсегда. 9 ноября 1910 он был похоронен на краю оврага в лесу Старый Заказ.

После смерти Толстого хозяйкой Ясной Поляны до 1919 года оставалась Софья Андреевна. В 1911 г. она дважды обращалась к Николаю II с просьбой принять Ясную Поляну под охрану государства, но получала отказ. Было решено назначить вдове писателя пенсию, которая отчасти шла на содержание усадьбы. С. А. Толстая всеми силами и средствами старалась хранить Ясную Поляну, оберегая неприкосновенность кабинета и спальни мужа, обстановки всего дома; ею были сделаны многочисленные записи на предметах быта и фотографиях, при ее участии началось описание личной библиотеки Л. Н. Толстого. Она привела в систему хранившиеся в усадьбе письма и оказывала помощь исследователям, работавшим над биографией писателя.

В 1921 году в Ясной Поляне был открыт музей, основной миссией которого является распространение творческого наследия писателя. Музей входит в число особо ценных объектов культурного наследия Российской Федерации и, безусловно, является одним из уникальнейших мемориальных музеев мира.

На данный момент Ясная Поляна – это крупный музейный комплекс, признанный культурный центр мирового значения. Помимо толстовского музея, в него входит целая сеть филиалов. Но его центром по-прежнему остается усадьба – настоящая, «живая», именно такая, какой ее знал и любил Толстой. Здесь сохраняются многие виды хозяйственной деятельности: в огромных садах собирают яблоки, пасека приносит мед, радуют глаз грациозные лошади...



*Башни въезда*



*Аллея Прешпект*



*Дом Волконского*



*Большой пруд*



*Дом Л.Н. Толстого*



*Флигель Кузминских*



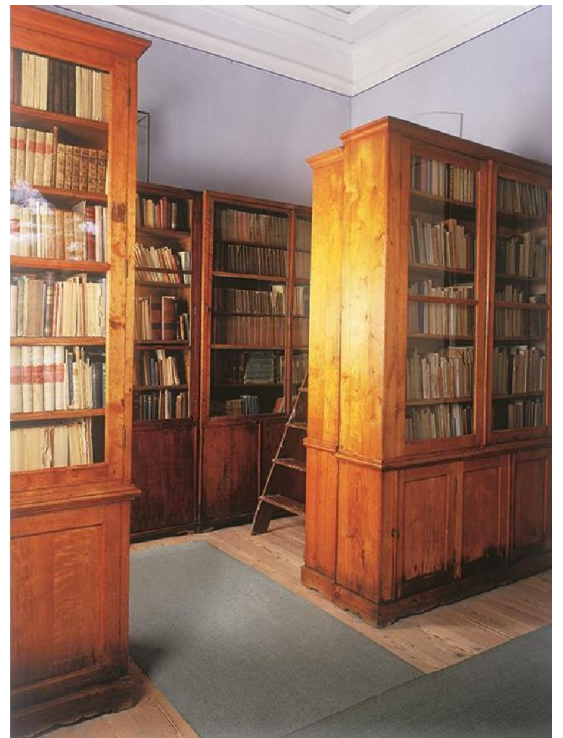
*Кучерская изба*



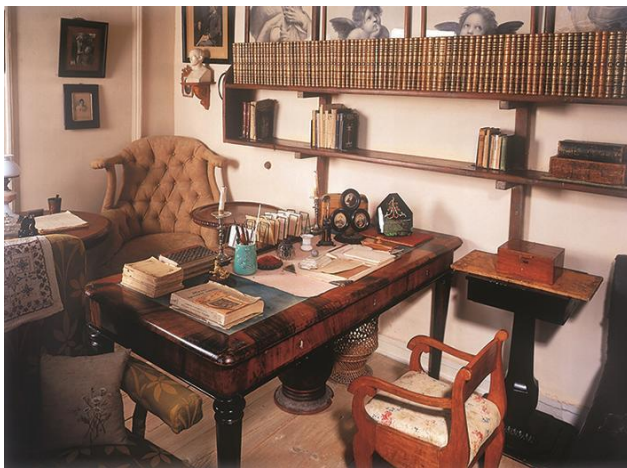
*Любимая скамейка писателя*



*Зала*



*Библиотечная*



*Кабинет*

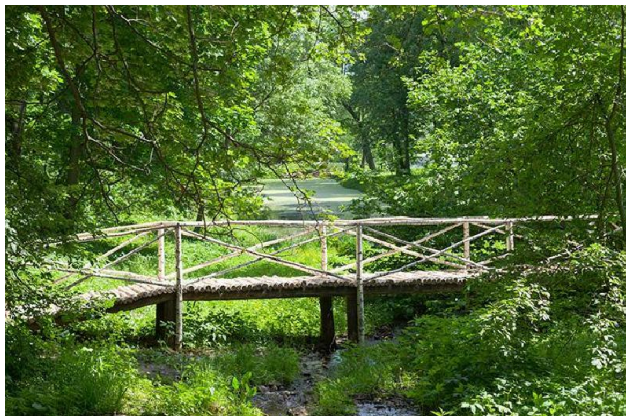


*Передняя*

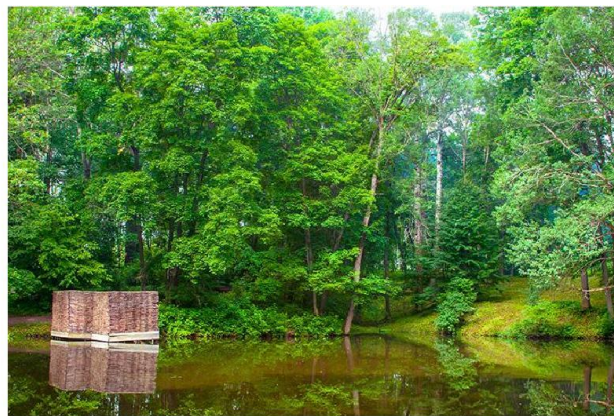


*Комната под сводами*





*Нижний пруд. \_Березовый мостик*



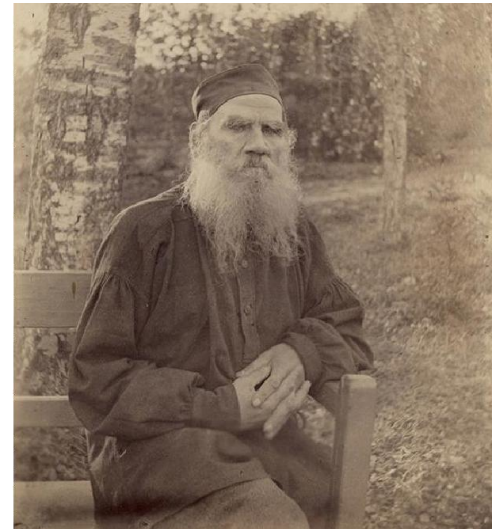
*Средний пруд с купальней*



*Сад*



*Л.Н. Толстой и С.А. Толстая в кругу семьи  
1-8 сентября 1892 г.*



*Л.Н. Толстой 1896г.*



*Л.Н. Толстой верхом. Фото В.Г. Черткова. 28 июня 1908 г.*

**Приветственное слово  
советника Президента Российской Федерации  
по правовым вопросам В.Ф. Яковлева  
участникам IV Толстовских правовых чтений**

Дорогие друзья, позвольте поздравить Вас с открытием IV Толстовских правовых чтений, ставших уже традиционными.

В этом году данное мероприятие проводится на территории Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», это не случайно, так как 2018 год – год 190-летия со дня рождения Л.Н. Толстого.

Л.Н. Толстой является одним из наиболее известных русских писателей и мыслителей, одним из величайших писателей мира.

Правовые аспекты деятельности Л.Н. Толстого вызывают огромный интерес в современной юридической науке и подлежат детальному изучению.

Несомненно, Ваша работа внесёт большой вклад в развитие правового и патриотического воспитания современной молодежи. Человек не может быть патриотом, если он не знает историю своей Родины, не знает деятелей культуры, искусства и науки ушедшего времени.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей работы, будут способствовать сохранению наследия Л.Н. Толстого, послужат развитию его идей, которые с годами не утратили своей значимости и актуальности.

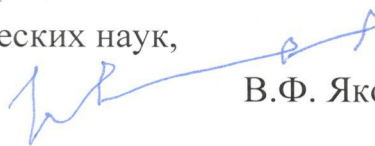
Желаю всем участникам IV Толстовских правовых чтений успехов и плодотворной работы!

С уважением,

советник Президента Российской Федерации

по правовым вопросам, доктор юридических наук,

профессор, член-корреспондент РАН



В.Ф. Яковлев

**Бурнашёва Нина Ильдаровна,**  
*доктор филологических наук, профессор*

## **Об энциклопедии «Лев Толстой и его современники»**

Самым сложным человеком XX столетия называл Л. Н. Толстого Максим Горький. В. Я. Брюсов рассуждал, едуци на похороны в Ясную Поляну: «Будущие поколения узнают о Толстом многое, чего не знаем мы, но как они будут завидовать всем, кто имел возможность его видеть, с ним говорить, сколько-нибудь приблизиться к великому человеку, и даже тем, кто, подобно мне, мог собирать сведения о Толстом от знавших его лично! Теперь, когда Толстого нет, мы начинаем понимать, как много значило – быть его современником!» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. – М., 1978. – Т. 2. С. 451).

Люди, вошедшие в жизнь Толстого, ставшие частью его судьбы и порой запечатлённые на страницах его произведений, – это огромный мир, не знающий границ и расстояний, не делящийся на нации и сословия, мир, сложившийся как результат притяжения к «центру», «магниту» – Толстому.

«Живые трепетные нити» связывали Толстого с его временем, вводя в мир писателя не только людей из ближайшего его окружения (родственников, друзей, знакомых), но и тех, кто, казалось бы, лично не был знаком с ним, никогда не видел его, даже, быть может, не читал его произведений (как многочисленные ходатаи из крестьян), но имя великого Толстого было у всех на слуху, и не только в России...

Замысел энциклопедий «Лев Толстой и его современники» (сейчас мы работаем уже над 4-м выпуском) возник примерно лет 10 назад. Возник, можно сказать, случайно. Так получилось, что издательство «Просвещение» (некогда одно из крупнейших издательств СССР, а потом России) в начале двухтысячных годов предприняло ряд проектов издания энциклопедий русских писателей-классиков. Сначала это были так называемые «энциклопедические словари», и в таком статусе вышли словари «А. С.

Пушкин» и «Ф, И. Тютчев». Но, начиная с издания «Л. Н. Толстой», книги эти стали называть «энциклопедиями». И по праву: статьи в этой книге были отнюдь не словарными статьями только информативно-справочного характера, а довольно обстоятельными, глубокими, всеобъемлющими работами, написанными серьёзными толстоведами, учёными-литературоведами, писателями, музыковедами и искусствоведами, музейными работниками, и мало походили на короткие словарные комментарии и пояснения. Многих авторов увлекла эта работа. Но листаж, заданный «Просвещением», предполагал книгу всего в 100 печатных листов. А как «всё о Толстом» уместить в 100 листов?!

В процессе этой работы постепенно собирались статьи и для раздела «Окружение Толстого». Работа оказалась настолько интересной и так вдохновила некоторых авторов, что к заданному сроку у нас собралось материалов, по листажу значительно превысившему заданные 100 листов. И хотя нам добавили почти 24 печатных листа, всё равно «уместить» весь материал оказалось невозможно. Что было делать? Персонажи все были необходимые, статьи получились интересные, отказываться от чего-то было просто нельзя и обидно... И тогда родилась идея сделать отдельную энциклопедию об окружении Толстого. Так появилось первое издание энциклопедии «Лев Толстой и его современники» (2008). Никто и не предполагал, что эта интереснейшая работа растянется на многие годы.

В первой книге энциклопедии было представлено примерно 650 имён. Моментально, наверное, в течение одной недели, разошлась эта книга. Но люди (и авторы, и читатели) уже «вошли во вкус» и говорили о следующем издании. Решили не переиздавать, а издать новую книгу, дописав ещё несколько десятков статей. Такое новое издание вышло в том же издательстве «Парад» в 2010 году. В книгу вошли исправленные и дополненные статьи первого издания, и было добавлено 160 новых статей. Теперь в энциклопедии было представлено более 800 имён. Но обнаружилась удивительная вещь: количество необходимых имён не только не

уменьшалось – напротив, людей, которых хотелось представить в энциклопедии, становилось больше и больше. В результате, третью книгу составили статьи ещё более чем о 800 лицах, современниках Толстого. Здесь я должна заметить, что третью книгу энциклопедии мы уже назвали не «изданием», а «выпуском», и расскажу, почему. Дело в том, что такое «случайное» рождение проекта энциклопедии, конечно, сказалось на организации материала: во-первых, каждый том имеет свой алфавит, а поэтому порой не сразу и не очень легко найти то или иное нужное исследователю имя. Во-вторых, не планируя заранее общее количество персонажей, чьи имена будут представлены в книге, мы иногда были вынуждены отказываться от имён «второстепенных», чтобы включить как можно больше самых значимых имён. В-третьих, никому и в голову не могло прийти, что в процессе работы мы столкнёмся с реальным подтверждением слов М. Горького: «Толстой – это целый мир». В результате получилась не очень правильная ситуация, когда, например, А. Б. Гольденвейзер прошёл в одном томе, а его жена и брат – в другом, то же можно сказать об А. А. Фете и его жене, о Горьком, о супругах Голохвастовых, о некоторых крестьянских семьях и т. п. Потому мы и решили называть наши книги не «изданиями», а «выпусками»: такое определение несколько извиняет хаотичность в распределении материала. В настоящее время, когда в наших книгах уже представлено более тысячи семисот (1700) современников Толстого, а готовящийся новый (четвёртый) выпуск обещает охватить ещё несколько сотен человек, мы планируем подготовить полное издание этой энциклопедии (уже большой трёхтомник), в котором можно будет дать все статьи, композиционно выстроив их в порядке сквозного алфавита. Но пока, конечно, это мечты о будущем!

Несколько слов о том, по какому принципу составлялись словники всех томов энциклопедии. Основной принцип отбора имён – это, безусловно, частотность упоминаний и в Юбилейном издании, и в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого, и в томах воспоминаний современников, и в

других авторитетных изданиях мемуарной литературы о Толстом. Правда, оказалось, что некоторых имён, появившихся в наших словниках, нет ни в одной из названных книг: они были включены по предложению некоторых исследователей, занимавшихся той или иной проблемой. Так что энциклопедии расширили круг лиц, бывших в окружении Толстого. Это одно из главных достоинств нашего издания.

Есть ещё очень важное достоинство энциклопедий: работа над статьями о современниках Толстого помогает устранить некоторые «белые пятна» в биографии и творчестве писателя, проливает свет на какие-то биографические факты его жизни. Помогает даже в решении некоторых текстологических проблем, например, в воссоздании истории текста. В качестве маленького примера: так, внесена ясность в историю кончины Элен Курагиной в «Войне и мире». Этот короткий сюжет прозвучал в статье о Владимире Фёдоровиче Одоевском (автор Л.С. Дробат), с которым Толстой познакомился в Петербурге в декабре 1855 года. Общение с Одоевским, дальним родственником, продолжалось и в Москве, в редкие приезды Толстого в годы работы над «Войной и миром». 7 апреля 1868 г. Одоевский записал в дневнике: «Обедали: Ольга Фёдоровна Кошелева, граф Л.Н. Толстой („Война и мир“), С. А. Юрьев (математик). В 9½ часов небольшой припадок. Написал для графа Толстого (для умерщвления Элен) описание припадков моей *Angina pectoris* <грудной жабы. – *лат.*>» (ЛН. Т. 22–24. 1935. С. 242). Из этой записи видно, что Одоевский читал вышедшие к тому времени тома нового сочинения Толстого и что «Толстой в известной степени посвятил В. Ф. Одоевского в дальнейшее развитие сюжета своего романа и желал знать подробности прохождения припадков той болезни, какой страдал Одоевский» (Гусев. *Материалы*. 2. С. 793). Первоначально (в черновиках) Толстой описывал смерть Элен Безуховой (Курагиной) во время разговора с католическим патером («*directeur de conscience*» – «блюстителем совести») от грудной жабы: «...но вдруг Элен вскрикнула, взялась обеими руками за грудь и упала на спинку кресла. Испуганный аббат вскочил с

места, призвал женщин. Привезённый доктор нашёл графиню в постели и задыхающуюся. “J’avais toujours soupçonné l’angine pectorale, – сказал он сам себе, выходя из комнаты, – et la voilà <Я всегда подозревал грудную жабу... и вот она. – *фр.*>”. Было послано за княгиней Курагиной и за русским священником, но и та и другой приехали слишком поздно» (14: 355). Впоследствии Толстой отказался от «припадка грудной жабы», и в окончательном тексте, как писал Н. Н. Гусев, «остановился на причине смерти, более соответствующей образу жизни Элен» (*Гусев. Материалы. 2. С. 793*).

Порой в процессе работы над очередной статьёй выявляются прежде неизвестные факты о прототипах того или иного персонажа. Так, в черновиках рассказа «Альберт» выведен «почтенный гость» по фамилии Аленин, «известный знаток и петербургский авторитет в музыке» (5: 156). Оказалось, что прототипом его стал известный русский музыкальный критик Александр Дмитриевич Улыбышев, с которым Толстой познакомился в 1857 г. у Феофила Толстого, своего дальнего родственника и внука М. И. Кутузова.

Достоинством наших книг можно назвать и то, что мы стараемся по максимуму установить имена и годы жизни наших персонажей. Таких уточнений сделано уже довольно много (несколько десятков), что в информационном отношении ставит наши книги на значительно более высокую ступень по сравнению с другими изданиями.

Из сравнительно небольших статей толстоведы получают информацию о том, где можно искать автографы Толстого; причём не только в России, но и в других странах. Маленький пример: Александра Делано, переводчица сочинений Толстого на английский язык, жила в Бостоне (США). Известны 10 писем переводчицы к Толстому и только 1 письмо к ней самого Толстого, хотя было значительно больше его писем, так как Делано в 1886–1908 гг. переводила народные рассказы Толстого и его трактат «Царство Божие внутри вас».



Очень много новых замыслов Толстого, зачастую неосуществлённых, открывают авторы энциклопедических статей. И хотя иногда о себе как о писателе-художнике в последние годы жизни он говорил весьма неохотно («откупался!»), обнаруживается, что художественный мир Толстого был неисчерпаем, а творческая энергия его поистине неистощима.

О содержании статей в энциклопедиях можно рассказывать бесконечно: их «героями» стали не только ближайшие родственники и друзья Толстого, но и мало кому знакомые люди. Здесь рядом можно найти статьи о государе императоре и крестьянском талантливом мальчике, о французском младенце, маленьком крестнике Толстого, и о харьковском мяснике, ставшем вегетарианцем, о лесном разбойнике и полицмейстере... Каждая статья – это свой сюжет, своё время, отдельный штрих, пусть и небольшой, жизни великого Л. Н. Толстого.

Авторский коллектив энциклопедии – это в основном, конечно, толстоведы разных поколений. Разумеется, коллектив не официальный, авторы приходят и уходят. Все работаем абсолютно бесплатно. С некоторыми авторами мы делаем уже пятую энциклопедию. Мне хотелось бы назвать, наверное, знакомые имена сотрудников музея-усадьбы «Ясная Поляна»: Г. В. Алексеева, А. Г. Королёва, Н. А. Никитина, Л. В. Милякова, Е. П. Гриценко, Е. В. Белоусова, А. Н. Полосина, О. В. Гладун, Т. В. Комарова; с благодарностью вспоминаем ушедших от нас Т. Н. Архангельскую, Л. С. Дробат. Среди авторов есть подлинные энтузиасты, причём не только в России. Это хорошо знакомый вам Владимир Николаевич Чисников (Украина), из яснополянцев – Анна Григорьевна Королёва, москвичка Светлана Александровна Асеева, Татьяна Риксовна Мазур из Петербурга и многие другие.

**Милякова Людмила Васильевна,**  
*старший научный сотрудник музея-усадьбы «Ясная Поляна».*

## **Книги с дарственными надписями юристов в библиотеке Л.Н. Толстого**

«Толстой - это целый мир», - написал о своем великом современнике М. Горький. И был прав. Ежедневно обращаясь к жизни и творчеству Толстого, убеждаешься в его сопричастности множеству сфер человеческой жизни. В их перечне не последнее место занимает юриспруденция.

Достаточно вспомнить, что в Казанском университете он учился на юридическом факультете, полагая, что приложение юридической науки «к нашей частной жизни делается легче и естественнее любой другой» (4, 2)<sup>1</sup>. Первый курс Л. Толстой сдал успешно, а на втором курсе учебы в 1847 г. он подал прошение об исключении его из числа студентов. Это событие своей жизни писатель проанализировал в 1909 г. в «Письме студенту о праве», написанное в ответ на обращение к нему студента Петербургского университета, который просил Толстого ответить на вопрос, как жить согласно его учению о нравственном самосовершенствовании в обществе, где преобладающая роль и неуклонное влияние принадлежит праву. Отвечая на вопрос, Толстой писал: «Я ведь сам был юристом. На втором курсе меня заинтересовала теория права, но чем более я вникал в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или что-то неладное в этой науке или я не в силах понять её. Проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из нас двоих должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки. Мне было 18 лет, и я не мог не признать того, что глуп я, и поэтому решил, что занятия юриспруденцией свыше моих умственных способностей и оставил эти занятия». И что интересно, составляя себе программу дальнейшего самосовершенствования, он в списке изучаемых дисциплин на первое место поставил «курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете» (46, 31) , далее следовали история, география, естественные науки, сельское хозяйство, статистика, медицина. Тогда он еще не знал, чему он посвятит свою жизнь.

Став писателем, Толстой много раз и в своих художественных и в морально-философских произведениях касался вопросов права: романы «Воскресение» и «Анна Каренина», драма «Живой труп», повести «Нет в мире виноватых», «Божеское и человеческое». В собственной жизни

Толстого было немало событий, касающихся судопроизводства, общения с представителями юридической сферы деятельности. Так в 1868 г., будучи избранным присяжным заседателем по Крапивенскому уезду Тульской губернии, присутствовал на судебных заседаниях в течение года в Тульском окружном суде. Среди его знакомых было немало юристов. На эту тему «Л.Н. Толстой и юристы» написаны и специальные статьи, и крупные исследования. В данной работе как сотрудник музея Толстого предлагаю рассмотреть эту тему на основании «вещественных доказательств», т.е. через призму личной библиотеки Толстого, в которой множество книг юридической тематики как приобретенных самим писателем, так и подаренных ему служителями Фемиды. Именно издания с дарственными надписями представителей русской юриспруденции - основа этого сообщения.

Из общего числа книг, подаренных юристами, обратимся к тем книгам с дарственными надписями, с авторами которых Толстой был или лично знаком, или состоял в переписке, или тех, имена которых упоминаются в его дневниках и письмах и в мемуарной литературе о нем.

Наиболее тесное общение сложилось у Толстого с известным в России юристом Анатолием Федоровичем Кони (1844–1927). Начав свою деятельность с должности помощника секретаря Санкт-Петербургской судебной палаты в середине 1860-х годов, он за свою жизнь прошел все ступени прокурорской и судебной лестницы. Он был и общественным деятелем, имел чин действительного тайного советника, был членом Государственного совета Российской империи, доктором уголовного права Харьковского университета, профессором Петроградского университета. Славу ему принесло оправдание на суде под его председательством революционерки – террористки Веры Засулич, стрелявшей и тяжело ранившей петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Накануне судебного заседания Александр II и министр юстиции К.И. Пален требовали от Кони любыми путями добиться обвинительного приговора. По закону ей за подобные преступления полагалось от 15 до 20 лет тюремного заключения. Но суд присяжных вынес оправдательный приговор, на что повлияла позиция председателя суда А.Ф. Кони и речь защитника П.А. Александрова. Кони отчетливо представлял себе все те невзгоды, которые могли быть связаны с оправданием Засулич. «За небрежное ведение дела В. Засулич» Кони был переведён в гражданский департамент судебной палаты, а в 1900 году оставил судебную деятельность.

О Кони Толстой узнал в связи с интересом к делу Веры Засулич. Свое

мнение по этому поводу он высказал в письме своей родственнице А.А. Толстой: «Мне издали и стоящему вне борьбы ясно, что озлобление друг на друга двух крайних партий дошло до зверства. ... Все это, мне кажется, предвещает много несчастья и много греха. А в том и другом лагере люди и люди хорошие. Неужели не может быть таких условий, в которых бы они перестали быть зверями и стали бы людьми .... И с тех пор, как я прочел про этот суд и про всю эту кутерьму, она не выходит у меня из головы» (62, 409).

Много лет спустя, в 1887 г., принимая у себя в гостях А. Ф. Кони, Толстой сразу же заговорил с ним об этом деле.

В Ясную Поляну Кони приехал 6 июня по приглашению свояка Толстого, также судебного деятеля, А.М. Кузминского. В тот день и состоялось знакомство писателя и известного юриста, хотя, по воспоминаниям Кони, они виделись мельком в 1863 г. в Москве.

Как известно, именно в первый вечер своего пребывания в Ясной Поляне Кони рассказал Толстому еще об одном случае в его судебной практике, впоследствии использованном Толстым в качестве первоосновы его романа «Воскресение». Позднее они встречались и в Москве, и в Петербурге, переписывались, к Кони Толстой обращался за помощью, ходатайствуя за своих знакомых, преследовавшихся царским правительством. Об одном из визитов Кони в апреле 1898 г. в московский дом писателя С.А. Толстая записала в дневнике, образно представила дружественную атмосферу, царившую во время их встречи: «Кони превосходно рассказывал то об умершем И.Ф. Горбунове, известном рассказчике, повторяя его комические рассказы, то случаи из судебной практики: рассказывал статистику самоубийств, говорил, что большинство падает на вдовцов и вдов, на весенние месяцы, на северных жителей»<sup>2</sup>. Во время пребывания Кони в Ясной Поляне 1- 4 апреля 1904 г. С.А. Толстая запечатлела Толстого с петербургским гостем в кабинете писателя.

Кони А.Ф. был автором большого числа статей, рефератов, монографий юридической тематики, печатавшихся в периодической печати и выходивших отдельными изданиями. Оттиски из этих журналов автор присылал в Ясную Поляну. Нет сомнения в том, что подборка работ была не случайной. Дарителю был известен интерес Толстого ко всему происходящему в юридической сфере русского общества. Сами дарственные надписи типичны, не отличаются оригинальностью.

**Кони А. Ф. Общие черты судебной этики : доклад в заседании**

**Московского Психологического Общества 22 декабря 1901 г.** – М. : Типо-  
литогр. Т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1902. – 44 с.

На с. 1: *«Дорогому Льву Николаевичу Толстому от автора».*

Получив брошюру, Толстой писал автору 1 мая 1904 г.: «...Судебную этику я прочел, и хотя думаю, что эти мысли, исходящие от такого авторитетного человека, как вы, должны принести пользу судейской молодежи, я лично не могу, как бы ни желал, отрешиться от мысли, что как скоро признан высший нравственный религиозный закон, категорический императив Канта, так уничтожается самый суд перед его требованиями. Может быть, и удастся еще повидаться, тогда поговорим об этом» (75, 96).

**Кони А. Ф. Свидетели на суде : (заметки и воспоминания судьи) // Проблемы психологии. Вып. 1. – СПб., 1905. – С. 102–144.**

На с. [101]: *«Сердечно любимому Льву Николаевичу Толстому от автора».*

**Кони А. Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля. 1 : Освидетельствование душевнобольных. (1870–1885) // [Русская старина. – 1907. - № 2(?)]. – 29 с., [1], фронт. портр.**

На с. 1: *«Сердечно любимому Л. Н. Толстому от автора / (Из «Русской Старины»)».*

**Кони А. Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. – 1909. – № 2. – С. [142]–[165].**

На с. [142]: *«Дорогому Льву Николаевичу Толстому от автора».*

**Кони А. Ф. За последние годы. Судебные речи (1888 – 1896). Воспоминания и сообщения. Юридические заметки. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1896. – XIII, [3], 623, [3] с.**

На титульном листе: *«Льву Николаевичу Толстому от автора V.96.7».*

В 1905 вышел в свет сборник статей и выступлений Кони, который автор прислал Толстому.

**Кони А. Ф. Судебные речи. Общие черты судебной этики. Свидетели на суде. Обвинительные речи. Руководящие напутствия присяжным. Кассационные доклады. По пересмотру Судебных Уставов. – 4-е изд., значит. доп. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1905. – LXVII, 943, IV с.**

На авантитуле: *«Льву Николаевичу Толстому с чувством глубокой сердечной преданности и благодарности от автора, с просьбою пробежать предисловие и введение. – 1905. VIII. 28 / “Quid sunt leges, sine moribus, – quid sunt mores sine fide?!”<sup>3</sup> (надпись на ратуше в Лугано)*

В сентябре 1905 г. Толстой писал автору: «Благодарю вас за присылку тома Судебных речей. Я еще не успел просмотреть их, т.е. glaner (пожиться) в них» (76, 29). Первое издание «Судебных речей» Кони вышло в свет в 1888 г. и также было прислано Толстому, но не сохранилось в его библиотеке. О том, что этот факт имел место, свидетельствует письмо Толстого Кони 1888 г. со словами благодарности за присылку той книги, которую писатель прочел почти всю и нашел в ней много интересных дел.

Известен Кони и как почетный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по разряду изящной словесности, и как мемуарист. Будучи знакомым со многими выдающимися современниками, он выступал с лекциями о встречах с ними. Некоторые из них печатались в журналах. Оттиски из этих журналов с текстами своих работ Кони присылал в Ясную Поляну. Как правило, эти люди были знакомы и Толстому.

**Кони А. Ф. Дмитрий Александрович Ровинский** : очерк (окончание)  
// Вестник Европы. – 1896. – Т. 1, февраль. – С. 607–660.

На с. 607: *«Дорогому Льву Николаевичу Толстому от автора».*

Дмитрий Александрович Ровинский – многогранная личность: известный юрист и государственный деятель, тайный советник, искусствовед, коллекционер, автор «Словаря русских гравированных портретов». Его Толстой упоминал в своем дневнике.

**Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз** : по новым материалам // Вестник Европы. – 1903. – № 12. – С. 645–702.

На с. 646: *«Дорогому Л. Н. Толстому от автора».*

Федор Петрович Гааз - московский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святой доктор». Член Московского тюремного комитета и главный врач московских тюрем, посвятил свою жизнь облегчению участи заключённых и ссыльных, о чем было хорошо известно Толстому. Правда, в 1905 г. Толстой на вопрос, какого он мнения о Гаазе, ответил: «Кони выдумал. Преувеличение, это был ограниченный человек» (ЯЗ: 1, 419)<sup>4</sup>.

В отличие от Кони, с которым у Толстого сложились почти дружеские отношения, о котором он часто вспоминал в беседах с гостями, другой не менее известный в свое время адвокат Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) не мог похвастаться близкими отношениями с Толстым. Карабчевский - выдающийся адвокат и судебный оратор дореволюционной России. Он состоял присяжным поверенным при Петербургской судебной палате, был защитником по уголовным делам. Неоднократно успешно выступал в качестве защитника на политических процессах. В 1901 г. Карабчевский впервые побывал у Толстого в Ясной Поляне. В библиотеке Толстого хранятся две его книги, подаренные писателю.

**Карабчевский Н. П. Речи (1882–1901).** – СПб. : Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1901. – VIII, 439, [1] с.

На титульном листе: *«Глубокочитимому Льву Николаевичу Толстому в знак высочайшего уважения и глубочайшей преданности одного из „многих сих“ Н. Карабчевский 15 апреля /1901 г.»*.

**Карабчевский Н. П. Около правосудия : статьи, сообщения и судебные очерки.** – СПб. : Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. – LXXX, 458, [2] с.

На титульном листе: *«Глубокочитимому Льву Николаевичу автор. 27 Марта /1902»*.

Разрезана частично.

Несколько раз Толстой принимал в Ясной Поляне правоведа и этнографа, помещика Орловский губернии, члена третьей Государственной Думы, общественного деятеля и политика князя **Тенишева Вячеслава Вячеславовича** (1878–1859). Впервые он приехал в Ясную Поляну в начале 1905 г., о чем врач Толстого Д.П. Маковицкий записал 21 января: «Вечером приехал Тенишев, предводитель мценского дворянства, зять Трепова, человек правительственной точки зрения» (ЯЗ: 1, 145). Спустя некоторое время Тенишев прислал Толстому книгу

**Тенишев В. В. Избирательное право как основа представительных учреждений.** – Брянск : Тип. А. И. Итина, 1905. – [3], 44 с.

На титульном листе: *«Глубокоуважаемому Графу Льву Николаевичу Толстому от автора 11.IX.05»*. Сведений о чтении Толстым этой книги

не найдено.

Приезжал Тенишев и в мае 1906, и в августе 1907 годов. Во время его визита в 1907 г. в беседе с Толстым о плачевной судьбе тех, кто отказывался от военной службы, Тенишев, как «человек правительственной точки зрения», «стал отстаивать правительство, что оно должно наказывать отказывающихся по религиозному убеждению» (ЯЗ: 2, 480). Известно, что Толстой оказывал и материальную и моральную поддержку тем, кто за отказ от военной службы заключался в тюрьмы и ссылался в Сибирь. Не сошелся Толстой с гостем и во взглядах на практику введения хуторского хозяйства. В конце года Толстой получил от своего оппонента еще одну книгу

**Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту : своды данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева.** – Брянск : Тип. А. И. Итина, 1907. – 192, [IV] с.

На титульном листе: *«Глубокоуважаемому Графу Льву Николаевичу Толстому от автора 2.IX.07»*. Сведений о чтении Толстым этой книги не найдено.

Приехав в Ясную Поляну 18 августа 1909 г., Тенишев вручил писателю еще две свои книги с дарственными надписями.

**Тенишев В. В., кн. Административное положение русского крестьянина. Приложение : Цыпкин П. С. Опекa в русском крестьянском быту : своды данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева.** – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1908. – VIII, 164 с.

На титульном листе: *«Глубокоуважаемому Графу Льву Николаевичу Толстому от автора 18.VIII.09»*.

**Тенишев В. В. Вечный мир и международный третейский суд.** – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1909. – VIII, 164 с.

На титульном листе: *«Величайшему проповеднику вечного мира от глубоко почитающего его автора 18.VIII.09»*.

Толстой, зная, что его гость является членом Государственной Думы, во время беседы с ним, как записал Д.П. Маковицкий, «наставлял его, чтобы заговорил о Генри Джордже в Государственной думе» (ЯЗ: 4, 49). Как известно, идея Г. Джорджа о едином земельном налоге была близка Толстому. И не смотря на то, что на решение земельного вопроса они вновь смотрели с разных позиций, после отъезда гостя 20 августа, как записал



Маковицкий, «Л.Н. остался им доволен: внимательный, желающий учиться, знающий законы, государственные дела» (ЯЗ: 4, 50).

Чаще всего присылали свои работы люди, совершенно не знакомые лично с Толстым, но хорошо знавшие, чем живет Толстой, не только читавшие его произведения, но бывшие в курсе и его общественной деятельности. Это определяло тематику присылавшихся в дар книг.

К примеру, **Бородин Дмитрий Николаевич** (1887–?) , петербургский присяжный поверенный, много и плодотворно выступавший против пьянства. В своих статьях раскрывал политику правительства, направленную на получение «питейного» дохода. О ходе борьбы с пьянством Бородин писал во многих работах. Часть их имеется в яснополянской библиотеке: «Алкоголизм и самоубийство», «Значение чайных в борьбе с пьянством», «Значение школы в борьбе с пьянством», «Лечебницы для пьяниц», «Пьянство среди детей» и ряд других. Сведений о том, каким образом они попали в Ясную Поляну, не найдено.

С 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. в Петербурге проходил первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, одним из организаторов которого был Бородин. Готовясь к работе съезда, 30 ноября 1909 г. он обратился к Толстому с письмом, в котором просил прислать приветствие съезду.

Бородину было хорошо известно, что Толстой в декабре 1887 года был инициатором создания первого в России общества трезвости "Согласие против пьянства", был знаком с его работами, в которых писатель призывал всех разумных людей объединиться для борьбы с этим "страшным злом". Задачи этого общества Толстой сформулировал позднее в статье "Пора опомниться!": "...Если сцепились рука с рукой люди пьющие и торгующие вином и наступают на других людей и хотят спойть весь мир, то пора и людям разумным понять, что и им надо схватиться рука с рукой и бороться со злом, чтобы их и их детей не споили заблудшие люди. Пора опомниться!" ( 26, 445.).

Этой проблеме Толстой посвятил ряд работ: "Согласие против пьянства", «Для чего люди одурманиваются», «Праздник просвещения 12-го января», «Как чертенок краюшки делил», комедии «Первый винокур» и «От ней все качества».

Нет сомнения в том, что и Толстой был знаком со статьями Бородина антиалкогольной тематики. В ответ на просьбу Бородина он 4 декабря 1909 писал своему корреспонденту, что сочувствует его деятельности,

что видит в пьянстве губительный грех: «Избавится же от него человек не тогда, когда он будет лишен возможности пить, ... а тогда, когда человек будет считать благо духовное выше блага телесного. А такое предпочтение души перед телом может быть только у человека религиозного», - писал он (80, 226). Это письмо Толстого было прочитано на первом заседании работы съезда. По материалам работы съезда Бородин написал книгу и один экземпляр послал Толстому.

**Бородин Д. Н. Итоги работ первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством.** – СПб. : С.-Петербургская Коммерч. Типо-литогр. Виленчик, 1910. – 224, IV с., 5 л. фотографий.

На титульном листе: *«Дорогому учителю и наставнику Льву Николаевичу от искренне преданного и глубокоуважающего Д. Бородина 7 Июля. 1910».*

Готовя к печати эту книгу, Бородин просил Толстого написать предисловие к ней, на что Толстой просил секретаря ответить: «Лев Николаевич сожалеет, что не имеет досуга».

Не оставила Толстого равнодушным и присланная ему книга юриста, историка русского права, профессора Томского университета Малиновского Иоанникия Алексеевича (1868–1932).

**Малиновский И. А. Кровная месть и смертная казнь. Вып. 1.** – Томск : Типо-литогр. Сибирск. Т-ва печ. дела, 1908. – [6], 204, V с.

На титульном листе: *«Льву Николаевичу Толстому, обличителю всякого насилия и, в частности, великого зла, именуемого смертной казнью. От автора».*

Д.П. Маковицкий записал 25 сентября 1910 г.: «Получена книга Малиновского о смертных приговорах, казнях, убийствах. Л. Н. говорил о ней, что в ней собрано пропасть и очень поразительного материала. Материал не только о казнях, но и об убийствах и всяких жестокостях. Верность его мысли, что смертная казнь развращает народ, Л. Н. подтвердил. Л. Н. читал из книги вслух, как приговоренные убивали сами себя, не будучи в силах выдержать это ожидание смертной казни. <...> “Очень интересно. Надо будет написать о ней”» (ЯЗ: 4, 359). Толстой, узнав, что его секретарь В.Ф. Булгаков знаком с автором, сказал ему: «Молодец ваш профессор! Я сейчас читал его книгу, прекрасно! Нужно прочесть вслух предисловие». Пошли в залу, и я прочел вступление Малиновского к его книге. Лев Николаевич прослезился. Напишите ему, -

сказал он мне, - что очень благодарю за книгу, уважаю его и что он примирит меня с наукой»<sup>5</sup>.

Правда, Толстой сам написал свой отзыв автору :

«Иоанникий Иоанникиевич, [Толстой неправильно назвал отчество. – Прим. сост.] от души благодарю вас за присылку вашей книги. Я еще не успел внимательно прочесть ее всю, но, уж и пробежав ее, я порадовался, так как увидел все ее большое значение для освобождения нашего общества и народа от того ужасного гипноза злодейства, в котором держит его наше жалкое, невежественное правительство » (82, 169–170). Вечером 25 сентября Толстой записал в дневнике: «Весь вечер читал книгу Малиновского: много хорошего и нужного материала». (58, 107). 26 сентября Булгаков отметил, что: «Утром Лев Николаевич опять говорил о книге Малиновского. Он просил задержать отправку его письма к Малиновскому до более подробного ознакомления с книгой... Сказал, что в книге собран прекрасный материал с массой интересных данных»<sup>6</sup>.

Проблемы смертной казни волновали Толстого особенно сильно после подавления революции 1905-1907 гг., когда в стране началась правительственная реакция, повсюду производились аресты и ссылки, совершались казни тех, кто принимал участие в антиправительственных волнениях, в нападениях на помещичьи усадьбы. В мае 1908 года в газете «Русь» Толстой прочитал сообщение: «Херсон. 8 мая. Сегодня на стрельбищном поле казнены через повешение двадцать крестьян, осужденных военно-окружным судом за разбойное нападение на усадьбу землевладельца Лубенко в Елисаветградском уезде». Под влиянием этого сообщения Лев Толстой продиктовал в фонограф: «Нет, это невозможно! Нельзя так жить! Нельзя так жить! Нельзя и нельзя. Каждый день столько смертных приговоров, столько казней. Нынче пять, завтра семь, нынче двадцать мужиков повешено, двадцать смертей... А в Думе продолжаются разговоры о Финляндии, о приезде королей, и всем кажется, что это так и должно быть...». 12 мая Толстой записал в Дневнике: «Вчера мне было особенно мучительно тяжело от известия о 20 повешенных крестьянах. Я начал диктовать в фонограф, но не мог продолжать» (56, 117). На следующий день Толстой набросал статью, впоследствии названную «Не могу молчать». Работа над текстом продолжалась в течение месяца.

«Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте — не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того Бога, который,

как вы ни заглушаете Его, живет в вас» (37, 96), - завершил Толстой свою статью.

И свое последнее произведение 1910 г. «Действительное средство» Толстой посвятил этой волновавшей его теме.

Случалось, что полученная в дар книга, вызывала у Толстого желание лично познакомиться с автором. Так случилось с правоведом, товарищем председателя Московского коммерческого суда, публицистом Ржондковским Николаем Ивановичем, приславшим оттиски из двух номеров журнала «Юридический вестник» с текстом своей статьи.

**Ржондковский Н. И. Об общественном значении нравственности. (По поводу сочинения К. Д. Кавелина Задачи этики. Учение о нравственности при современных условиях знания. – СПб., 1885 г.) // Юридический вестник. – 1885. – № 10. – С. [263]–287; № 11. – С. [410]–451 (два сброшюрованных оттиска).**

На с. [263]: *«Льву Николаевичу Толстому – от Автора. 12 янв. 1886г. Москва».*

В сопроводительном письме автор просил Толстого «разрешить явиться к нему для беседы по данному вопросу». В отделе рукописей музея Л.Н. Толстого в Москве сохранилась записка Толстого с приглашением прийти к нему 21 января в семь часов вечера для беседы. О своем посещении писателя и беседе с ним Ржондковский написал воспоминания «Мое посещение Л. Н. Толстого» (рукопись хранится в ГМТ). В них он привел оценку Толстого – тонкого ценителя русского языка – его работы: «Я начал читать вашу статью, но там столько ученых терминов, столько иностранных слов, что, признаюсь, я читать перестал»<sup>7</sup>.

Как видим, даритель не ограничивался в своем творчестве профессиональной тематикой. Многие не только юристы, но и представители других профессий, были склонны к художественному творчеству.

Судебный деятель, товарищ председателя Таганрогского окружного суда **Касаткин Сергей Александрович** (1860–1916) выпустил два сборника своих стихотворений, один из них под псевдонимом Сергей Кречетов, другой под собственным именем, который прислал Толстому.

**Касаткин С. А. Omnia vincit amor<sup>8</sup> ... : стихотворения 1880–1899. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. – VI, 176 с.**

На титульном листе: *«Величайшему ревнителю любви и правды Льву Николаевичу Толстому от неизвестного ему, но глубокого и постоянного его почитателя автора. 26 Октября 1900 г. Таганрог. (См. стр. 128)»*. В книгу было вложено письмо. «Глубокочтимый Лев Николаевич! Мне хорошо известно, что Вы не любите ни суда, ни стихов. И, тем не менее, я, Товарищ Председателя Таганрогского Окружного суда и поэт в редкие часы досуга, решаюсь послать Вам свой сборник. Я настолько неуверен в ласковом ему приеме Вашей стороны, что пользуюсь посредничеством дорогого друга нашей и вашей семьи Марии Александровны Дубенской<sup>9</sup>. Не мысля разрешить Ваше предубеждение против так мастерски описанных Вами типов из нашей среды, смею думать, что они не так бесполезны, как кажется порой, и что люди с сердцем и даже не очень талантливые могут всегда и на своем месте облегчить страдания и горе других, хотя бы тех, кого судьба поставила от них в зависимость. Цель эта настолько возвышена и настолько достижима, что я, со своими малыми силами, другой себе не ставлю и детям своим (которых у меня, между прочим, гораздо больше, чем у вас) не рекомендую.

Посылая Вам свой сборник, не могу скрыть свое желание услышать о них Ваш отзыв, даже и неблагоприятный. Поэзия не составляет для меня исключительного занятия. Стихи мои – результат редкого свободного времени и, следовательно, вполне искренни, лишены всякой тенденциозности и корыстной цели не преследуют никогда. За неимением лучших достоинств, быть может, эти их качества возбудят хоть немного Ваше внимание к их автору, который как был давно, и со всей семьей своей, так и останется навсегда глубочайшим и сердечнейшим почитателем Вашим, а, следовательно, и почитателем «правды» и «любви» в самом лучшем значении этих чудных слов». Ответ Толстого не известен.

Еще один служитель Фемиды **Зубов Юлий Михайлович** (1839–1922) – юридического образования не имел, но это не мешало ему быть избранным почетным мировым судьей в г. Кадникове Вологодской губернии и прослужить на этой должности 16 лет. Одновременно он занимался общественной деятельностью, избирался предводителем дворянства Каднинского уезда Вологодской губернии, был попечителем

уездных земских училищ, больниц, основателем местного театра, человеком, много сделавшим для экономического и культурного развития края. Автор художественных произведений разного жанра, из которых самым значительным была присланная Толстому книга, напечатанная под псевдонимом Волгин И.

**Волгин И. На юг! 1881–1890.** – СПб. : Тип. А. С. Суворина, [1890]. – 99, III с.

На форзаце: *«Высокоуважаемому писателю Графу Льву Николаевичу Толстому от одного из бесчисленных его почитателей – автора этой книги с почтительнейшею просьбою прочесть ее».*

Не знакомый Толстому член Ковенского окружного суда Поляков Сергей Петрович (1855–1904) прислал ему свою книгу о своем понимании взглядов Толстого

**[Александров А.] Учение графа Толстого о жизни. (Посвящается читателям «Воскресение»).** – Ковна : Тип. Губернского Правления, 1900. – [2], 40 с.

На передней крышке переплета золотое тиснение: *«Глубокоуважаемому Льву Николаевичу от составителя брошюры Полякова Ковно».*

На с. 40 фамилия «Александров» зачеркнута, написано сверху: *«Поляков»*, ниже – *«Псевдоним».*

Вслед за книгой ее автор послал Толстому письмо, в котором сообщал, что он, разделяя взгляды Толстого, желает отказаться от службы, однако опасается оставить семью без средства к существованию. В ответ на это Толстой писал ему 29 ноября 1901 г.: «Уже по той книжечке, которую вы составили, я узнал, что у меня есть новый единоведец и друг, и радовался этому, теперь же тем более рад, зная, кто он, и могу войти в личное сношение с ним» (73, 167).

А своему другу и издателю В. Г. Черткову Толстой 30 ноября 1901 г. писал: «...написал письмо к одному члену суда, который составил прилагаемую книжечку и пишет, что хочет бросить службу, по несогласию ее с его христианским сознанием, и колеблется. Очень хорошее письмо» (88, 251). В авторе письма, разочаровавшемся в своей государственной службе, Толстой увидел своего единомышленника.

Как сложилась дальнейшая судьба этого человека, неизвестно. Другой же юрист, Лазаревский Борис Александрович (1871–1936), порвал со службой и стал писателем. Он окончил юридический факультет Киевского университета, сначала служил в следственном отделе Севастопольского военно-полевого суда, потом военным прокурором во Владивостоке, будучи юристом, написал несколько рассказов и повестей. Первый сборник своих произведений в 1903 г. прислал Толстому.

**Лазаревский Б. А. Повести и рассказы.** – М. : Типо-литогр. «Русского Т-ва печ. и изд. дела», 1903. – 366, [2] с.

На титульном листе: *«Льву Николаевичу Толстому в знак глубокого уважения автора 1903.VII.26».*

В сентябре 1903 г. он приехал в Ясную Поляну. В очерке «В Ясной Поляне» он рассказал о беседе с Толстым, в которой много внимания уделил своей службе, поведал о том, что она ему не по сердцу и что его горячее желание поскорее уйти в отставку, на что, пишет автор: «Лев Николаевич погладил меня по руке и радостно произнес: “Да, да...И чем скорее, тем лучше. Ведь никому и ничем не поможете, а сами испортитесь...”»<sup>10</sup> (Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 кн. – Кн. II. – М., 1978. – С. 308). При прощании с Лазаревским свое напутствие ему Толстой закончил словами: «И чем скорее выйдете в отставку, тем будет лучше».<sup>11</sup> (Там же , с. 313).

Уже в 1906 г. Лазаревский действительно вышел в отставку и занялся литературным трудом. Позднее Лазаревский прислал Толстому еще два сборника своих рассказов.

**Лазаревский Б. А. Повести и рассказы. Т. 2.** – М. : Изд. М. М. Зензинова, 1906. – [4], 340, [4] с.

На титульном листе: *«Kiokkala 1906, VIII, 20/7. Глубокоуважаемому, бесконечно искреннему Льву Николаевичу Толстому от крепко любящего его автора».*

Маковицкий записал 30 августа 1906 г., что Л. Н. Толстой попросил дочь М. Л. Толстую «почитать вслух из книги “Повести и рассказы” Б.

Лазаревского рассказ с середины, считая, что “читать с середины интересней: надо догадываться не только, что будет, но и что было раньше”» (ЯЗ: 2, 224).

**Лазаревский Б. А. Рассказы. Т. 3.** – СПб. : EOS, 1908. – 288, [8] с.

На с. [1]: *«Глубокоуважаемый, хороший Лев Николаевич! Как рад я буду, если Вы прочтете из этой книги “Одинокаго”. Весь Ваш Борис Лазаревский 1908, I, 23/ В.О. 14 л. д. 5 к. 4. Петербург».*

Сведений о том, что Толстой прочитал указанный рассказ, не найдено.

Другой военный юрист **Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927)** помимо того, что служил военным юристом сначала в Вильно, потом в Смоленске, был и писателем, поэтом, публицистом, коллекционером, общественным деятелем. Личное знакомство Толстого с Жиркевичем состоялось в декабре 1890 г. в Ясной Поляне. Об этом С.А. Толстая в своем дневнике записала 19 декабря: «Сегодня встала поздно, ночь не спала, вышла в залу, там офицер Жиркевич, молодой, аккуратный, приехал познакомиться с Левочкой, сам пишет стихи и прозу»<sup>12</sup>. На следующий день сам Толстой записал в дневнике: «Вчера приезжал Жиркевич. Добрый юноша» (51: 114). После этого визита Жиркевич неоднократно бывал в Ясной Поляне.

В сентябре 1899 г. Толстой получил от него в дар несколько страниц, вырезанных из книги «Рассказы. 1892–1899 гг. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1900» с текстом рассказа **«В госпитале : (отрывок из дневника)»**. На шмуцтитуле дарственная надпись: *«Глубокоуважаемому гр. Льву Николаевичу Толстому – от любящего его автора – А. В. Жиркевича – на добрую память. Г. Вильна 8 Сент. 1899 года»*. Не получив никакого ответа Толстого, Жиркевич писал ему 29 января 1900 г.: «Дорогой, глубоко почитаемый Лев Николаевич! ...Давно послал я Вам мой рассказ «В госпитале», вырвав его из книги «Рассказов». Прочли ли его, и понравился ли он Вам?»<sup>13</sup>. Ответил ли Толстой на его вопрос неизвестно. Читал ли Толстой



этот рассказ также неизвестно. Между Толстым и Жиркевичем установилась оживленная переписка. В 1903 г. Толстой получил от него еще один его рассказ, страницы с текстом которого также были вырваны из того же сборника. Одновременно Толстой получил и письмо: «Вы спрашивали меня о моей литературной деятельности. И ... позволяю себе беспокоить Вас прилагаемым рассказом на тему из тюремной жизни, мне столь близкую (как и Вам)»<sup>14</sup>. Рассказ называется «У стен тюрьмы» с дарственной надписью: *«Сердечно – любимому Льву Николаевичу Толстому от автора. Г. Смоленск 3 декабря 1903 г.»*.

Многие современники Толстого, в т.ч. и служители Фемиды, побывав в Ясной Поляне или посетив московский дом Толстого, свое впечатление от встречи с писателем излагали на страницах статей или даже книг. О встречах с Толстым Ярославский нотариус Александр Аполлонович Черенин рассказал в присланной книге **Чер(---)н А. А. У великого писателя : (из личных воспоминаний и впечатлений)**. – Ярославль : Тип. В. И. Иваницкого, 1908. – II, 61, [1] с.

На титульном листе: *«Дорогому новорожденному посвящает признательный ученик этот свой труд. А. Черенин Г. Романово-Борисоглебск, Яросл. губ. 1908 года Августа 27 дня»*.

В записках Д.П. Маковицкого от 26 декабря 1907 г. читаем: «Черенин двадцать лет тому назад примкнул ко взглядам Л.Н. Приехал прочесть Л.Н. свое описание посещений Л. Н-ча в июле 1907 г. и лет двадцать тому назад. Л. Н. посмотрел, дал ему совет, чтобы о нем не писал, как о вознесенном над другими (и Черениным) человеке, чтобы подробности поездки (“они кушали”) выпустил. Суть Л. Н-чу понравилась» (ЯЗ: 2, 601). Надо полагать, что автор познакомил писателя с рукописью своей будущей книги, которую прислал великому писателю в дни, когда отмечалось его 80-тилетие.

В книге пометы зеленым карандашом, предположительно, Толстого.

Многие из тех, кто присылал Толстому издания своих работ, с кем писатель не был знаком, как правило, жили и трудились на своем поприще вдали от русских столиц и от Ясной Поляны, в больших и малых городах России. Не всегда удавалось найти сведения о них. К сожалению, не всегда имеются сведения и о том, как прореагировал Толстой на получаемые им

книги. А ведь именно это и представляет интерес для тех исследователей, которые занимаются изучением библиотеки Толстого. Поэтому исследование по данной теме нельзя считать законченным. Поиск сведений о взаимоотношениях Л.Н. Толстого с дарителями книг продолжается.

---

<sup>1</sup> Здесь и далее: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юб.») : в 90 т. с указанием тома и страницы

<sup>2</sup> Толстая С.А. Дневники : в 2 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 373.

<sup>3</sup> Что значат законы без нравов, что значат нравы без веры?!

<sup>4</sup> Здесь и далее : Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904 – 1910. «Яснополянские записки» : в 4 кн. – М., 1979.

<sup>5</sup> Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. – М., 1989. – С. 340

<sup>6</sup> Там же. С. 345.

<sup>7</sup> ГМТ. Рукописный отдел.

<sup>8</sup> Все побеждает любовь.

<sup>9</sup> Жена врача И.И. Дубенского, лечившего Толстого, частая гостья Ясной Поляны.

<sup>10</sup> Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 кн. – М., 1987. – Кн. 2. – с. 308..

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Толстая С.А. Дневники : в 2 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 133.

<sup>13</sup> Жиркевич А.В. Встречи с Толстым : Дневники. Письма. – Тула, 2009. – С. 531.

<sup>14</sup> Там же – С. 542.

**Житин Руслан Магометович,**  
*кандидат исторических наук, главный библиограф ТОГБУК «Тамбовская  
областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина».*

## **Имение Бориса Николаевича Чичерина в селе Караул Тамбовской губернии [1]**

История имения Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии берет начало с конца XVIII в. По данным ревизии 1806 г. село Троицкое, Караул тож, принадлежало помещикам Михеевым и Арбеньевым. Крепостными Михеева числилось 147 мужчин, 110 женщин, Арбеньева – 114 мужчин и 90 женщин [2].

В 1818 г. имение переходит в руки известного тамбовского помещика Сергея Васильевича Вышеславцева. Не имея хозяйственных знаний, новый владелец приводит усадьбу в упадок [3]. После того как в 1837 г. поместье было вновь выставлено на продажу, его приобретает тамбовский дворянин Николай



**Борис Николаевич и Александра Алексеевна Чичерины на террасе  
дома в Карауле. Время фотографии: 1900-е годы**

Васильевич Чичерин (1803-1859). Позже (1859 г.) Караул переходит в руки его старшего сына Бориса Николаевича Чичерина (1828-1904). Последними владельцами поместья были жена Б. Н. Чичерина Александра Алексеевна Чичерина (1845-1920) и его племянник, будущий нарком СССР по иностранным делам, Георгий Васильевич Чичерин (1872-1936).

Имение располагалось в живописном месте вблизи брода через реку Ворону. В своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин подмечал особое «впечатление, которое произвела эта местность» на посетителей. Впервые приехав имение в 1837 г., Борис Николаевич «был поражен открывшейся картиною». У подножия холма текла широкая река, которая «вправо протекала кудрявыми лесами в виде правильного канала, а влево образовала несколько заливов, также окруженных густою зеленью». За счет удачного местоположения поместья «горизонт



**Село Караул, усадьба Б.Н. Чичерина. Барский дом. Фото из журнала «Столица и усадьба». 1914 г.**

простирался на двадцать пять верст». «Все было пышно, привольно и разнообразно» [4].

Практически сразу после покупки Чичерины занялись переустройством своего владения. Первоначальной заботой помещиков стала закладка особняка,

в котором могла бы комфортно разместиться их большая семья. «Старая и тесная караульская усадьба вовсе [для этого] не подходила» [5] .

Для перекройки имения пришлось перенести «село на более удобное для крестьян место, близь пашни и лугов, а на горе построить барский дом» [6] . В ходе проведенных работ «были убраны накопившиеся в течение многих лет горы грязи», склон, ведущий к реке, выровнен, «на месте конопляника разбит сад» [7] .

Строительство усадебного дома доверили московскому архитектору Миллеру. В противоположность «большинству русских построек», которые возводили в то время, приглашенный мастер придавал поместью особый уют: «В главном доме не было больших зал и показных комнат, а главное отдавалось удобству самих хозяев» [8] .

В основание проекта был положен составленный Н. И. Кривцовым план для деревянного дома Бологовских. Дополнительную помощь в переустройстве имения оказывали Чичериним их более опытные друзья и коллеги. На основании их советов определялось, «где и в каком направлении поставить надворное строение, на какую глубину копать фундамент, какой толщины и какого размера делать рамы». Тот же самый Н. И. Кривцов «во время поездок в Москву и Петербург делал закупки для постройки», иногда лично приезжая проинспектировать ход работ [9] . К 1840 г. все строительные работы по возведению усадебного дома были закончены.

Получившийся особняк можно считать типичным примером поместья классического стиля центральной России. Основа планировки дома – прямоугольник с фланкирующими ротондами по трем углам здания. В структуру четвертой включался голландский шпиль. Центральная часть главного фасада была сделана полуротондой. Он имел каменную балюстраду по всей длине особняка. Общая площадь дома составляла более 1500 метров. В нем насчитывалось 38 комнат.

Украшением интерьеров парадных зал караульской усадьбы служила ценная коллекция гравюр голландских и итальянских школ, большое собрание картин, приобретенное «частью во время путешествия Б. В. Чичерина за границей, частью приобретенное в России». Среди прочего владельцы Караула могли похвастаться подлинными полотнами В. А. Серова, И. К. Айвазовского, В. А. Тропинина, Д. Веласкеса, Поля Веронезе из коллекции Кроаза [10].

Помимо парадной части в имении были перестроены хозяйственные объекты, создана мемориальная и парковая зоны. Инфраструктура была дополнена экономическим двором с жилым корпусом для слуг, домиком для гостей, домом управляющего, конным двором, оранжереей.

Работы по разбивке парка доверили известному садоводу-дизайнеру Мазингу. По специально разработанному плану местный парк носил регулярный характер, по склону к реке переходящий в пейзажный (английский) экстерьер. Композиционной основой парковой зоны являлись две аллеи: липовая, которая



**Одна из комнат усадьбы Караул. Время фотографии: 1900-е годы**

вела к дому, и берёзовая, которая вела к церкви. Также в имении была заложена сосновая аллея, разделяющая два фруктовых сада. Берега реки окаймляли серебристые тополя, которые контрастировали с темными кронами окружающих деревьев [11].

В непосредственной близости от усадебного дома располагалась большая каменная приходская церковь. Доступ к ней открывался через усадебный сад. Источники позволяют проследить историю этого сооружения. Вероятнее всего, в конце XVIII - начале XIX в. на месте Троицкой церкви располагался небольшой храм из дубового леса [12]. В начале XIX в. храмовая постройка значилась «ветхой и весьма малой». Разрушение церкви произошло либо от обвала земли под зданием, либо из-за сильного порыва ветра [13].

Возведение нового церковного здания начато в 1807 году И. Я. Арбеневым [14]. Доподлинно неизвестно, проходило ли оно «под личным ли



**Село Караул, усадьба Б.Н. Чичерина. Церковь, южная сторона. Фото из журнала «Столица и усадьба». №11. 1914 г.**

наблюдением» или «под руководством уполномоченного», но, по мнению современников, «храм отличался стильностью постройки». Здесь имелось два престола: основной – в честь Святой Троицы и придельный – во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В 1906 г. на средства супруги Б. Н. Чичерина А. А. Чичериной храм был перестроен, один из престолов (во имя Покрова Пресвятой Богородицы) упразднен. Росписью главного купола занимался знаменитый русский живописец В. М. Васнецов.

Национализация караульского поместья сильно отразилась на его состоянии. 17 июля 1918 г. Всероссийская коллегия по делам музеев при Наркомпросе РСФСР взяла усадьбу под особую охрану. После марта 1922 г. в бывшем имении разместились детская колония, школа и показательное хозяйство с аграрным уклоном. В 1927 г. усадьбу сняли с охраны. Книжное собрание Чичериных вошло в фонды библиотеки им. В. И. Ленина, уникальную



**Инжавинский район. Усадьба Караул после пожара в 1996 году.**

**Время фотографии: 1996 год**



коллекцию живописи перевезли в музеи Тамбова, Москвы, Ленинграда.

Усадьба Чичериных сгорела 2 ноября 1996 года. От семейного некрополя сохранились: разбитая надвое надгробная плита с могилы Н. В. Чичерина и половина плиты с могилы Алексея Борисовича Чичерина – одного из троих детей Б. Н. и А. А. Чичериных, умерших в малолетстве.

### Список литературы

1. Статья подготовлена в рамках проекта «Сохранение исторической памяти об исчезнувших сельских поселениях Тамбовской области», реализуемого при поддержке Фонда президентских грантов (проект № 17-1-009679).
2. Историческая справка администрации Караульского сельсовета Инжавинского района Тамбовской области [Электронный ресурс] // Администрация Караульского сельсовета Инжавинского района Тамбовской области: офиц., некоммер. сайт. – Москва, 2015 – . – (История). – Электрон. данные. – Режим доступа : <http://www.karaulsky-ss.ru/istoriya.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Просм. 08.03.2018.
3. Городнова, Л. Е. Родное гнездо // Московский Журнал. – № 6 (270). – 2013.
4. Чичерин, Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов. – Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. – Т. 1. – С. 115–117.
5. Чичерин, Б. Н. Указ. соч. – С. 134.
6. Караул // Столица и усадьба. – 1914. – С. 4.
7. Там же.
8. Там же.
9. Чичерин, Б. Н. Указ. соч. – С. 133.
10. Караул // Столица и усадьба. – 1914. – С. 4.

11. Садово-парковые зоны тамбовских имений в пореформенное время [Электронный ресурс] // Тамбовская помещичья усадьба: взгляд сквозь столетие: некоммер. сайт. – Тамбов, 2015 – . – (История имений края). – Электрон. данные. – Режим доступа : [http://stead.tambovlib.ru/html/istor\\_spravka\\_sad.php](http://stead.tambovlib.ru/html/istor_spravka_sad.php), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – Просм. 08.03.2018.
12. Обзорение Высокопреосвященнейшим Кириллом, Архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году / Иоанн Лыков. – Тамбов : Электро-типография губернского правления, 1916. – С. 87.
13. Там же. – С. 88.
14. Там же. – С. 88.
15. Там же. – С. 88. В краеведческой литературе встречается сведения о постройке Троицкой церкви итальянским архитектором Джакомо Тромбара.

**Карачевцев Игорь Евгеньевич,**  
*старший научный сотрудник музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»*  
(г. Тула)

## «Дом Давыдова» на улице Гоголевской



Дом на Гоголевской, 47.  
Рисунок начала 1950-х гг.

История взаимоотношений Льва Николаевича Толстого и Николая Васильевича Давыдова отражена во многих статьях и воспоминаниях. В первую очередь, это произведения самого Давыдова, очерки последнего секретаря Толстого В. Ф. Булгакова, публикации сотрудников музея-усадьбы «Ясная Поляна» Л. В. Миляковой, О. В. Улитиной и других авторов. Мне же

интересно проследить историю дома, в котором снимал квартиру талантливый юрист, писатель, общественный деятель и увлеченный театрал.

Давыдов родился 6 (18) декабря 1848 г. в Москве, но детство и юность провел в имении своего отца Спасском (с. Кулеватово Сосновского р-на Тамбовской обл.). Окончив в 1871 г. юридический факультет Московского университета, Давыдов служил в Тамбовской губернии, затем в Полоцке. Весной 1878 г. был переведен в Тулу прокурором окружного суда. Его семья проживала на ул. Гоголевской в доме № 47, больше известном как «дом Давыдова», который сегодня является памятником федерального значения.

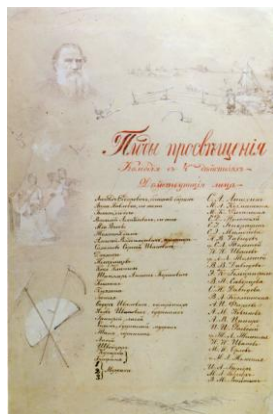
В последней трети XIX в. квартира Николая Васильевича и Екатерины Михайловны Давыдовых<sup>1</sup> стала своеобразным центром культурной жизни нашего города. В своей статье О. В. Улитина перечисляет многочисленных гостей их дома, конечно же, далеко не всех: «Среди них были Лев Николаевич и Софья Андреевна Толстые, их дети Сергей и Татьяна, князь Г. Е. Львов – член губернского по крестьянским делам присутствия, проявивший блестящие способности на службе в судебном ведомстве, В. Е. Махотин – товарищ прокурора (замечательный музыкант), А. А. Цуриков – уездный член суда в городе Черни, во многом разделявший взгляды Л. Толстого, частый гость Ясной Поляны, граф Н. П. Баранов – член Тульского окружного суда, затем Московской судебной палаты, широко образованный человек. Из числа местных общественных деятелей чаще других навещали Давыдова П. Ф. Самарин, князь М. Р. Долгоруков, В. М. Ладыженский, барон С. Л. Боде. Из приезжавших в Тулу гостей можно отметить М. А. Стаховича и И. В. Гессена



Николай Васильевич  
Давыдов (1848-1920).  
Тула. Фото С. Кантера,  
конец 1880-х гг.

– редактора журнала „Право“ и газеты „Речь“. Частым гостем Николая Васильевича был Ф. К. Сологуб, привозивший свои новые литературные произведения, что вызывало большое оживление в литературных кругах Тулы. Часто вечера у Давыдовых заканчивались домашними спектаклями или устройством публичного театра»<sup>2</sup>.

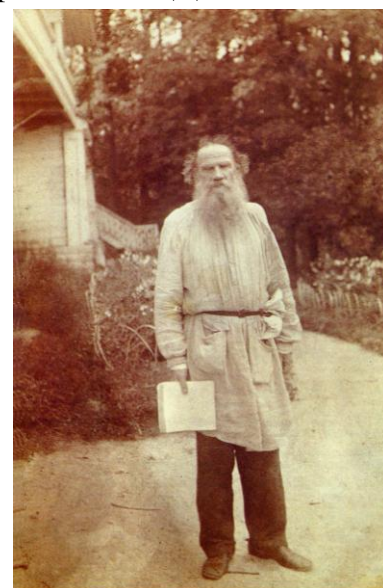
Известно, что пьеса «Плоды просвещения» была написана Толстым под впечатлением от спиритического сеанса в московском доме Н. А. Львова, на который писателя привел Н. В. Давыдов. Им же были даны Толстому материалы для двух других его драматических произведений: «Власть тьмы» и «Живой труп». В основу пьес положены реальные случаи из судебной практики Давыдова, о чем он сам подробно рассказывает в своей книге «Из прошлого». Впервые «Плоды Просвещения» были поставлены в яснополянском доме Толстых по инициативе детей писателя, они же попросили Давыдова, заядлого театрала, быть его режиссером.



Афиша комедии «Плоды просвещения», поставленной в яснополянском доме Толстых в 1889 г. Оформлена Т. Л. Толстой.

Успех спектакля в Ясной Поляне побудил Давыдова попросить Толстого разрешить ему поставить «Плоды Просвещения» в Туле, но уже публично и платно, в пользу исправительного приюта для несовершеннолетних. Толстой впоследствии не раз посещал этот приют на Старо-Дворянской улице (Бундурина)<sup>3</sup>. Получив разрешение писателя, а главное – «драматической цензуры», Давыдов немедленно занялся организацией спектакля, который должен был пройти на временной сцене, возведенной в зале Дворянского собрания. Как отмечает В. Н. Ашурков: «Город не был избалован развлечениями. Для „избранных“ предназначался Дворянский клуб. Туда, уступая духу времени, допускали и богатое купечество»<sup>4</sup>. В книге «Из прошлого» Давыдов вспоминает курьезный случай во время подготовки спектакля. Репетиции происходили частью у него дома,

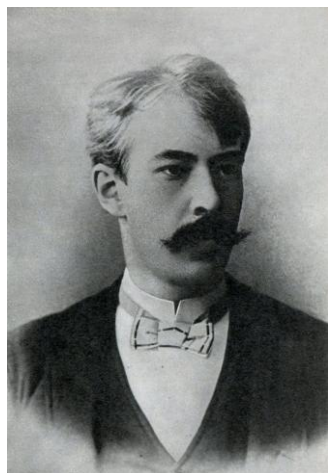
частью на сцене Дворянского собрания, в связи с чем, он пишет: «В одну из этих репетиций сторож собрания доложил мне, что какой-то мужик, по-видимому трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу. „Мы его и гнали уже, да не идет“, добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот трезвый мужик, и через несколько минут ввел в залу, к великой радости участвующих в пьесе, Льва Николаевича, принятого за „мужика“ сторожами в виду его более чем скромной верхней одежды (Толстой был в полушубке. – И. К.)»<sup>5</sup>.



Лев Николаевич Толстой (1828-1910). Ясная Поляна. Фото С. С. Абамелека-Лазарева, 1891 г.

В статье «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» Давыдов привносит некоторые подробности в историю посещения писателем репетиции спектакля «Плоды

Просвещения». Давыдов пишет что «репетиция происходила в здании Дворянского собрания, рядом с которым я тогда жил <...> Л. Н. оставил свою лошадь у меня, а сам отправился пешком в собрание»<sup>6</sup>.



Константин Сергеевич  
Станиславский (Алексеев,  
1863-1938), 1890 г.

Так как в те времена постоянного здания театра не было, старое пришло в ветхость, то гастрольные труппы иногда выступали тоже в зале Дворянского собрания<sup>7</sup>, т. е. рядом с «домом Давыдова». Станиславский впоследствии вспоминал: «Наш любительский кружок, Общество искусства и литературы, играл несколько спектаклей в Туле (пьесу А. Н. Островского «Последняя жертва» – *И. К.*). Репетиции и другие приготовления к нашим гастролям происходили там же, в гостеприимном доме Николая Васильевича Давыдова, близкого друга Льва Николаевича Толстого. Временно вся жизнь его дома приспособилась к театральным требованиям. В промежутках между репетициями происходили шумные обеды, во время которых одна веселая шутка сменялась другой. Сам, уже немолодой, хозяин превратился в школьника.

Однажды, в разгар веселья (31 октября 1893 г. – *И. К.*), в передней показалась фигура человека в крестьянском тулупе. Вскоре в столовую вошел старик с длинной бородой, в валенках и серой блузе, подпоясанной ремнем. Его встретили общим радостным восклицанием. В первую минуту я не понял, что это был Л. Н. Толстой»<sup>8</sup>.

Но, что известно о доме, где встретились два великих гения. Когда он построен? Кто был его владельцем? Дошел ли до нас в неизменном виде? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, обратимся к архивным документам.

Оказывается, дом, в котором снимал квартиру Давыдов, построен в первой трети XIX в. (ок. 1832 г.)<sup>9</sup>. На протяжении всей истории он менял не только владельцев, но и свой внешний вид. Улица Гоголевская тоже в разное время именовалась: Дворянской, Большой, Верхней Дворянской. В 1902 г. в связи с 50-летием со дня смерти Н. В. Гоголя она получила привычное для нас название. В «оценочной описи» 1867 г. дом описан как одноэтажный, деревянный, на каменном фундаменте, с антресолю<sup>10</sup>. При нем находилась двухэтажная людская изба с кухней. На дворе каретный сарай, конюшня, амбар, погребница<sup>11</sup>, баня, колодец. Хозяйкой усадьбы была полковница Надежда Николаевна Николаева<sup>12</sup> (домовладение № 343 «на большой Дворянской», в 25 квартале 1-й городской части)<sup>13</sup>. Пока можно только предположить, что речь идет о дочери штабс-капитана Николая Андреевича Лопухина<sup>14</sup> и жене полковника Николая Ивановича Николаева<sup>15</sup>.

В 1872 г. дом купила ревельская мещанка Амалия Ивановна Тредер<sup>16</sup>. Начиная со второй половины 1870-х, в «окладных книгах по взиманию налогов с недвижимых имуществ» приводится краткое описание принадлежавшей ей усадьбы – деревянный дом с антресолю, пристройкой и кухней, с деревянным двухэтажным флигелем и надворным строением. По

новой оценочной описи 1875 г. окладной номер ее домовладения в 1-й городской части поменялся на 760-й<sup>17</sup>.

Нельзя говорить, что Давыдов все время пребывания в Туле с 1878 по 1896 г. снимал квартиру в этом доме. Из «Памятных книжек Тульской губернии» известно, что в 1894 г. Давыдов жил на Верхней Дворянской улице в доме Тредер<sup>18</sup>. В 1894-95 гг. переехал в дом Боде на той же улице<sup>19</sup>, но в 1896 г. он уже снимал квартиру в доме Боде на Старо-Дворянской (Бундурина)<sup>20</sup>. Можно предположить, что во втором случае речь идет об одном и том же доме Боде на Старо-Дворянской улице<sup>21</sup>. Барон Сергей Львович Боде бывал в гостях у Давыдова, а проживал в доме Земяновского на Верхней Дворянской улице<sup>22</sup>. 13 июня 1895 г. он купил у Александра Андреевича Савей-Могилевича дом на Старо-Дворянской. В 1916 г. его жена Ольга Андреевна Боде (урожд. кн. Оболенская) продала городскую усадьбу в равных долях супругам Кузнецовым и Балашовым. До этого, 31 мая 1912 г., она продала часть участка Александру Николаевичу Арсеньеву<sup>23</sup>.

25 июля 1894 г. дом Тредер покупает тульский купец 2-й гильдии Казьма Фролович Курбатов<sup>24</sup> (крестьянин сельца Ратчина Коломенского уезда Московской губернии)<sup>25</sup>. Видимо по этой причине Давыдов съехал со старой квартиры и поселился в доме баронов Боде, а в 1896 г. он покидает Тулу, получив должность председателя Московского окружного суда.

23 февраля 1909 г. дом на Гоголевской перешел в собственность врача Мунка<sup>26</sup>. Однако по документам у него в Туле была своя больница еще с января 1907 г.<sup>27</sup> Вероятно, до этого он арендовал помещения у Курбатова. В тульском архиве сохранились бланки частной «хирургической и акушерско-гинекологической лечебницы с постоянными кроватями врача Г. М. Мунк» (по адресу: ул. Гоголя, свой дом, тел.: 398)<sup>28</sup>. М. В. Майоров в книге «Евреи Тулы в XIX-XX веках» приводит интересные факты о помощи Мунка своим единоверцам, которые не имели права жить в городах, находящихся за пределами черты еврейской оседлости<sup>29</sup>. К сожалению, биографических сведений о нем в настоящее время не так много.

Григорий Михайлович (Гдаль-Гершо Михелевич) Мунк родился 18 сентября 1864 г. в купеческой семье. В 1895 г. окончил медицинский факультет Московского университета. С 1896 г. служил врачом в Калужской губернии при Мышегском чугунно-плавильном частном заводе. Женится на дочери купца Ликачера. 23 мая 1902 г. у них родилась дочь Вера. В 1903 г. за выслугу лет был произведен в надворные советники. С января 1907 г. заведовал в Туле собственной хирургической и акушерско-гинекологической лечебницей<sup>30</sup>. В 1911 г. Мунк уже имел чин коллежского советника<sup>31</sup>. Скончался 12 мая 1916 г.

По духовному завещанию от 8 мая 1916 г. дом на Гоголевской перешел его жене Софии Александровне (Сосе Альтеровне). По заключенному с ней договору от 25 июля 1916 г. здание лечебницы со всем оборудованием и хирургическим инструментом на два года арендовал доктор Константин Николаевич Дьяков<sup>32</sup>. По документам переписи 1916 г. лечебница занимала 13 комнат и 1 кухню, с 1 русской и 9 голландскими печами, в ней находилось

10 пациенток в возрасте от 16 до 34 лет<sup>33</sup>. В остальных комнатах продолжали жить квартиранты и семья хозяйки дома<sup>34</sup>. Сам Дьяков проживал рядом в доме М. П. Озеровой на углу Петровской (Ф. Энгельса) и Гоголевской, 53<sup>35</sup>. 1 августа 1918 г. арендный договор был продлен еще на один год.

Род Дьяковых внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Тульской губернии<sup>36</sup>. Константин Николаевич приехал с семьей в Тулу около 1916 г. из Богородицкого уезда, где жил в своем поместье Ломки (Ламки)<sup>37</sup> и имел частную акушерско-гинекологическую практику. В начале 1920-х гг. он купил двухэтажный бревенчатый дом с участком по адресу ул. Бундурина, 21, где на первом этаже открыл частный родильный дом. Сейчас это здание, постройки середины XIX в. внесено в перечень выявленных объектов культурного наследия<sup>38</sup>. До сих пор в нем живет внук доктора Кирилл Владимирович Дьяков<sup>39</sup>.

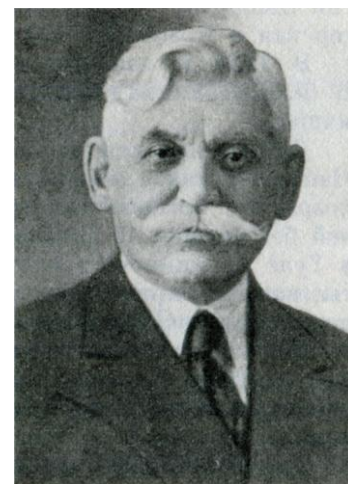
16 ноября 1919 г. Мунк передала лечебницу в аренду Губздравотделу с платой 2000 руб. в месяц. До 1921 г. в доме был «Родильный приют № 3». В 1922 г. владельцем здания все еще была С. А. Мунк, в нем продолжали жить квартиранты<sup>40</sup>. Затем дом муниципализировали и превратили в коммуналку, «нарезав» внутри комнатухи.

Из оценочной карточки 1918 г. следует, что площадь всего земельного участка составляла 610,5 кв. саж. (ширина по улице – 51,71 саж., длина вглубь – «сложной фигуры»), из них под усадебными постройками – 160,9 кв. саж. Приведем их по списку, который составлен очень небрежно, с сокращениями и с трудом поддается расшифровке:

1. Жилой дом больница и мезонин, лестница, парадный ход (на каменном фундаменте, бревенчатый, обшит, с железной крышей).
2. Чулан, сарай и конюшня (бревенчатые, оштукатуренные, с железными крышами).
3. Жилой двухэтажный дом (на кирпичном фундаменте, бревенчатый, обшит, с железной крышей).
4. Крыльцо, 4 сеней, 4 (?) чулана, 2 террасы (на каменном фундаменте, тесовые, с железной крышей).
5. Прачечная (на стульях, бревенчатая, с железной крышей).
6. Сарай (досчатый, с железной крышей).
7. Курятник (тесовый, с такой же крышей).

Состояние построек «прочное, новое». В доме был водопровод и электричество. Местоположение усадьбы: городская часть – I, квартал – 55, № владения в квартале – 1, № полицейский – 51, № окладного листа – 760<sup>41</sup>. После 1918 г. внешний вид здания претерпел значительные изменения, тогда и появилась каменная пристройка с его восточной стороны. Дому присвоили новый почтовый адрес: Гоголевская, 47.

Для тех, кто интересуется историей тульского здравоохранения, пожалуй, будет интересна ведомость 1916 г. на пациенток «лечебницы докторов В. Ф. Дагаева и К. Н. Дьякова»<sup>42</sup>. Из названия следует, что вместе с Дьяковым в этом доме работал впоследствии известный в Туле хирург и общественный деятель Владимир Федорович Дагаев<sup>43</sup>.



Владимир Федорович Дагаев  
(1872-1958).

На «дом Давыдова», где не раз бывал Л. Н. Толстой, обратили внимание в середине XX столетия. Очевидцем событий 1890-х гг. была Екатерина Ивановна Масленникова, жительница Тулы. Ей было 82 года, когда в 1955 г. Н. Б. Кирьянов опубликовал статью, в которой рассказал: «Она хорошо помнит, как в верхнем этаже дома Давыдова проходили репетиции, на которые приезжал Л. Н. Толстой. Дом этот находится почти рядом с б. Дворянским собранием, на Гоголевской улице, № 47. Во дворе сохранилась конюшня, в которую писатель ставил свою лошадь. Теперь эта конюшня используется под сарай. Е. И. Масленникова побывала и на первом представлении «Плодов просвещения» 12 апреля 1890 года». Кирьянов сокрушался: «Областная комиссия по проведению юбилейных торжеств в связи с 125-летием со дня рождения Л. Н. Толстого, по-видимому, не располагала сведениями о доме, в котором проживал Н. В. Давыдов, и не установила на нем мемориальной доски»<sup>44</sup>.



Дом на Гоголевской, 47. Фото А. А. Казакова, 1989 г.

В начале 1969 г. вышел путеводитель «Тула. Памятники истории и культуры», в котором «небольшой дом № 47» на Гоголевской улице занял подобающее ему место среди достопримечательностей нашего города<sup>45</sup>. 9 апреля этого же года исполком Тульского областного Совета депутатов трудящихся утвердил список памятников, связанных с жизнью деятелей культуры, науки и техники (и другие списки)<sup>46</sup>. В их перечень вошел «бывший дом Дворянского собрания, где 12 апреля 1890 г. происходила первая репетиция пьесы Л. Н. Толстого "Плоды просвещения" в присутствии автора» (пр. Ленина, 44) и «дом, в котором в 1893 г. в квартире Н. В. Давыдова состоялась встреча и знакомство Л. Н. Толстого с К. С. Станиславским» (ул. Гоголевская, 47)<sup>47</sup>. Постановлением Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624 «дом Давыдова» был включен в список памятников культуры государственного значения<sup>48</sup>.

В 1978 г. отмечали 150-летнюю годовщину со дня рождения Толстого. На доме № 47 по улице Гоголевской была открыта мемориальная доска с надписью: «В 70-90 годы XIX в. в этом доме, у своего знакомого, тульского судебного деятеля Н. В. Давыдова бывал великий русский писатель Лев



Николаевич Толстой», а через тринадцать лет на фасаде здания установили вторую доску. Историю ее создания рассказал в своей статье А. Павлов. В начале 1991 г. заслуженный деятель искусств РСФСР Игорь Михайлович Москалев обратился к молодому скульптору Игорю Леонидовичу Котеневу с официальным предложением от Тульской организации Союза театральных деятелей: создать мемориальную доску, посвященную встрече в «доме Давыдова» двух великих людей – Л. Н. Толстого и К. С. Станиславского. В интервью корреспонденту «Тульских известий» Котенев говорил, что его работа, как и у всех творческих людей, началась с размышлений: «Как это сделать? Как изобразить Толстого и Станиславского? Как расположить их по отношению друг к другу? Можно было бы пойти по пути канонических штампов, давно наработанных схем. Но хотелось сделать что-то свое, неизбитое. И тогда я начал копаться в литературе, прочитал в книге Станиславского «Моя жизнь в искусстве» главу, посвященную его встрече с Толстым. Станиславскому было тогда 35 лет, а Толстому – 65. Он находился в зените славы. Станиславский же был молодым актером и режиссером любительского театра. К тому же они не жили вместе в этом доме... И тогда я решил идти от сиюминутности, репортажности... Пластическая стилистика мемориальной доски навеяна архитектурными мотивами конца прошлого – начала нынешнего веков. Диагонально пущенный занавес как главная тема, объединяющая писателя и режиссера в их разговоре о театре, о театральных постановках пьес Л. Н. Толстого. Барельеф, вписанный в круг...»<sup>49</sup>. Наверное, прав был автор статьи, прервав на полуслове рассказ художника, пусть каждый сам, придя к дому, увидит мемориальную доску и прочитает начертанные «мхатовским шрифтом» слова: «Здесь в ноябре 1893 года произошло знакомство выдающихся деятелей русской и мировой культуры – гения литературы Л. Н. Толстого и великого реформатора театра К. С. Станиславского».



Скульптор Игорь Леонидович Котенев (1955-2013). Фото А. Лыженкова, 1991 г.



Сергей Михайлович Толстой (1911-1996). Фото В. В. Воронова, 1991 г.

1991 г. тоже был юбилейным, отмечалось 70 лет со дня основания музея-усадьбы «Ясная Поляна». 4 июня к шестнадцати часам у «дома Давыдова» стали собираться люди. После торжественных речей, в присутствии потомков Толстого, приехавших из разных стран мира, с установленной на фасаде здания второй мемориальной доски спало покрывало, и внук писателя С. М. Толстой заметил: «Ужасно жалею, что моя сестра не дожила до этого дня, она ведь замужем за Игорем Станиславским была». Вслед за журналистом Э. Коротковым задаешься вопросом: «Могли ли два великих человека, беседуя ноябрьским вечером 1893 года в тульском доме, предвидеть, что придет время, и они породнятся? Игорю Константиновичу, сыну Станиславского (тогда еще Алексева), был всего

лишь год, а внучка Толстого – Александра Михайловна родилась двенадцать лет спустя, в 1905 году. Но вот встретились. И живут сейчас в Москве и Париже Алексеевы – потомки Толстого и Станиславского»<sup>50</sup>.

Со стороны улицы дом не выглядит каким-то особенным. В 1977 г. Н. Г. Иванова-Жеребцова описала его в своей статье: «Дом Н. В. Давыдова – большое двухэтажное здание с крутой скатной кровлей. Левое крыло дома каменное, а правая часть бревенчатая, обшитая тесом. Особенности фасада являются большие окна с тонкими переплетами и подъемы кровли со слуховыми окнами. Низкий цоколь состоит из блоков белого камня.

Планировка здания неоднородна: в правой деревянной части помещения расположены по сторонам вдоль коридора; в левой части жилые комнаты выходят в квадратную прихожую»<sup>51</sup>.

Необычность архитектуры дома бросается в глаза, если посмотреть на него со стороны двора. Кирпичная оштукатуренная часть здания с мансардой. Здесь же во дворе к дому прилегает одноэтажная кирпичная жилая пристройка. С западной стороны пристройка деревянная, двухэтажная. В некоторых комнатах сохранился тянутый поясок. Старых печей в доме нет, в 1980-е гг. установили АГВ. Есть водопровод и канализация. Кое-где вместо деревянных рам – пластиковые окна. Интересная деталь: под полом первого этажа находятся подвальчики с входом через люки из комнат. Конечно, дом сильно изношен, что видно просто невооруженным глазом.

Нельзя сказать, что о Н. В. Давыдове забыли. На Тамбовщине проходят ежегодные Давыдовские чтения<sup>52</sup>. В Туле опять же на ежегодных Толстовских правовых чтениях в Центральной городской библиотеке часто звучат доклады о видном судебном деятеле и писателе. Однако, и раньше и сейчас не уделяется должного внимания дому на Гоголевской, в котором он жил и встречался с известными и почитаемыми в России и за ее пределами людьми.



Дом на Гоголевской, 47. Вид со двора.  
Фото И. Е. Карачевцева. 2018.

В 2006 г. общественность Тулы обеспокоилась вывеской о продаже, появившейся на фасаде здания. В печати стали появляться тревожные публикации, что в деревянной части дома продаются коммунальные комнаты. Тогда в своей статье И. Парамонова выразила наболевшую мысль, которой хочется закончить рассказ об этом памятнике: «По-хорошему, дом или хотя бы его часть давно надо было бы прибрать к рукам, например, «Ясной Поляне», или Союзу театральных деятелей, или даже судебному ведомству. И организовать хоть в одной комнате музей-квартиру Давыдова. Это – часть тульской и российской истории, которая не станет богаче, если в доме откроется очередной игровой клуб или магазин»<sup>53</sup>. Добавлю, что кроме всех перечисленных организаций в

создании такого музея может быть заинтересовано министерство здравоохранения Тульской области.

<sup>1</sup> Коллежский советник Василий Васильевич Давыдов (1809–1858) был женат на фрейлине княжне Софье Андреевне Оболенской (1810–1871). У них родилось семь детей: Федор, Андрей, Елизавета, Екатерина, Владимир, Василий и Николай. Николай Васильевич Давыдов (1848–1920) был женат на Екатерине Михайловне Карпаковой. У них родилась дочь Софья (1871–1942), у нее детей не было (Радин М. Давыдовы венежские и другие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.veneva.ru/lib/davidov.html>. Дата обращения: 02.04.2018).

<sup>2</sup> Улитина О. В. Толстой в жизни Н. В. Давыдова // Яснополянский сборник 2000: Статьи. Материалы, публикации. Тула, 2000. С. 249–250.

<sup>3</sup> Адрес на 1918 г.: городская часть – II, квартал – 12, № владения в квартале – 8 и 8а, № окладного листа – 190 (ГАТО, ф. Р-2711, оп. 2, д. 33, л. 41–45 об.). Это был большой комплекс зданий разного назначения на участке, ограниченном улицами Старо-Дворянской, Александро-Невской и Ванькинским проездом (Бундурина, Софьи Перовской и Первомайской). До наших дней сохранилось здание на ул. Софьи Перовской, 47, с фасадом на ул. Бундурина.

<sup>4</sup> Ашурков В. Н. Избранное: История тульского края: Статьи и очерки. Тула, 2003. С. 373.

<sup>5</sup> Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913. С. 290–291.

<sup>6</sup> Давыдов Н. В. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом. М., 1911. С. 24.

<sup>7</sup> Тарасов Н. Из истории Тульского театра // Литературная Тула. Кн. 3. Тула, 1951. С. 183–184.

<sup>8</sup> Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1983. С. 142.

<sup>9</sup> ГАТО, ф. 518, оп. 1, т. 5, д. 15074.

<sup>10</sup> Верхний полуэтаж, встроенный в объем основного этажа, характерный для усадебных домов XVIII – первой пол. XIX вв.

<sup>11</sup> Надстройка над погребом.

<sup>12</sup> ГАТО, ф. 518, оп. 1, т. 5, д. 15074, л. 274 об.

<sup>13</sup> Там же, ф. 174, оп. 1, т. 1, д. 1414, л. 74 об.–75.

<sup>14</sup> Там же, ф. 324, оп. 1, д. 5, л. 561–569.

<sup>15</sup> Дворянское сословие Тульской губернии / Сост. В. И. Чернопятов. Т. III (XII): Родословец. Ч. II: Материалы. М., 1909. С. 137.

<sup>16</sup> ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 1, д. 1414, л. 74 об.

<sup>17</sup> Там же, ф. 174, оп. 1, т. 2, д. 3929.

<sup>18</sup> Памятная книжка Тульской губернии на 1895 год. Тула, 1895. С. 23. В памятных книжках указан только адрес председателя Тульского окружного суда, адрес прокурора не указывался.

<sup>19</sup> Памятная книжка Тульской губернии на 1896 год. Тула, 1896. С. 58.

<sup>20</sup> Памятная книжка Тульской губернии на 1897 год. Тула, 1897. С. 25.

<sup>21</sup> Адрес на 1918 г.: городская часть – II, квартал – 12, № владения в квартале – 4, № полицейский – 52, № окладного листа – 194 А (ГАТО, ф. Р-2711, оп. 2, д. 33, л. 35).

<sup>22</sup> Памятная книжка Тульской губернии на 1895 год. Тула, 1895. С. 11.

<sup>23</sup> ГАТО, ф. 142, оп. 1, д. 1499, л. 111–112.

<sup>24</sup> Там же, ф. 174, оп. 1, т. 7, д. 14568, л. 272 об.

<sup>25</sup> В архиве сохранилось дело 1892 г. о причислении его семьи в тульское купечество (ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 6, д. 13423). Жена Курбатова – Софья Петровна, их дети – Надежда, Петр и Николай.

<sup>26</sup> ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 10, д. 29873, л. 293 об.

<sup>27</sup> Там же, ф. 445, оп. 4, д. 126, л. 16 об.–17

- <sup>28</sup> В данном случае приводятся название лечебницы, адрес и телефон, указанные на бланках больницы за 1911–14 гг. (ГАТО, ф. 445, оп. 4, д. 126, л. 35; 168, л. 6).
- <sup>29</sup> Евреи Тулы в XIX–XX веках: архивы и воспоминания: В 2-х томах / Сост. М. В. Майоров; гл. ред. Т. В. Майорова. М., 2016. Т. I. С. 126, 208–211.
- <sup>30</sup> ГАТО, ф. 445, оп. 4, д. 126, л. 15–17.
- <sup>31</sup> Там же, ф. 445, оп. 4, д. 126, л. 13.
- <sup>32</sup> Там же, ф. Р-1396, оп. 1, д. 747, л. 108.
- <sup>33</sup> Там же, ф. 174, оп. 1, т. 13, д. 40571, л. 135–136.
- <sup>34</sup> По переписи 1916 г. семья Мунк занимала 13 комнат, остальные она сдавала семи квартирантам с семьями (ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 13, д. 40571, л. 36–38, 41–45).
- <sup>35</sup> Адрес на 1916–18 гг.: городская часть – II, квартал – 2, № владения в квартале – 3, № полицейский – 53, № окладного листа – 29, фасадом на Гоголевской (ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 13, л. 94, 99; ф. Р-2711, оп. 2, д. 38, л. 45).
- <sup>36</sup> Дворянское сословие Тульской губернии / Сост. В. И. Чернопятов. Т. III (XII): Родословец. Ч. 2: Материалы. М., 1909. С. 60. К. Н. Дьяков родился в 1872 г., участвовал в русско-японской войне (два ордена Св. Станислава III степени с мечами). Жена – Елизавета Яковлевна, их дети – Владимир (р. 1897), Сергей (р. 1898), Николай (р. 1903) и Константин (р. 1906).
- <sup>37</sup> См.: Дворянское сословие Тульской губернии / Сост. В. И. Чернопятов. Т. IV (XIII): Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождений их поместий в Тульской губернии. 1903–1910 гг. М., 1910. С. 20.
- <sup>38</sup> См.: Приказ инспекции Тульской области по государственной охране объектов культурного наследия от 07.11.2017 № 180.
- <sup>39</sup> Сведения предоставлены Л. Е. Никифоровой.
- <sup>40</sup> ГАТО, ф. Р-1396, оп. 1, д. 747, л. 108 об.–110 об.
- <sup>41</sup> Там же, ф. Р-2711, оп. 3, д. 512, л. 121.
- <sup>42</sup> Там же, ф. 174, оп. 1, т. 13, д. 40571, л. 136.
- <sup>43</sup> См.: Дагаев Владимир Федорович // Тульский биографический словарь (В 2-х т.). Т. 1. Тула, 1996. С. 165–166; Рассаднев С. А. Часовой здоровья // Гордость земли Тульской. Т. II. Тула, 1991. С. 376–378.
- <sup>44</sup> Кирьянов Н. Б. В этом доме бывал Л. Н. Толстой... // Литературная Тула. Кн. 11. Тула, 1955. С. 202.
- <sup>45</sup> Тула. Памятники истории и культуры. Путеводитель. Тула, 1969. С. 98.
- <sup>46</sup> Решение от 9 апреля 1969 г. № 6-294 «Об улучшении постановки дела охраны, эксплуатации и учета памятников истории и культуры» (ГАТО, ф. Р-2640, оп. 12, д. 521, л. 147–148).
- <sup>47</sup> ГАТО, ф. Р-2640, оп. 12, д. 522, л. 226–227, 281–282.
- <sup>48</sup> Культурное наследие Тульского края. Тула, 2007. С. 30. В книге ошибка: в названии документа о постановке на государственную охрану вместо 1974 указан 1960 г.
- <sup>49</sup> Павлов А. Сегодня на улице Гоголевской, 47... // Тульские известия. 1991. 4 июня.
- <sup>50</sup> Коротков Э. Дари же свет на долгие века! // Коммунар. 1991. 7 июня.
- <sup>51</sup> Иванова-Жеребцова Н. Г. Дом Н. В. Давыдова, в котором неоднократно бывал писатель Л. Н. Толстой // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Труды 58. Тульская область. М., 1977. С. 48.
- <sup>52</sup> См.: Стяблина И. В. Н. В. Давыдов: тамбовский период деятельности // II Толстовские правовые чтения. 14 апреля 2016 г. Сборник докладов. Электрон изд. С. 41–45.
- <sup>53</sup> Парамонова И. «Продажа» // Молодой коммунар. 2006. 3 марта.

**Осипов Михаил Юрьевич,**  
*кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,  
АНО ВО Институт законоведения и управления ВПА (Тула)*

## **К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО**

Одной из актуальных проблем, стоящих перед историей учений о праве и государстве, является проблема осмысления такого явления, как нигилистическое отношение Л.Н. Толстого к праву.

Это нигилистическое отношение Л.Н. Толстого к праву получило свое отражение в его произведении «Письмо студенту о праве» [1], в котором он пишет: «вся эта удивительная так называемая наука о праве, в сущности, величайшая чепуха, придумана и распространяема не с легким сердцем, как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий» [1]. Возникает, однако, вопрос, а в чем состоит попытка с помощью науки о праве «оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий»? [1]

Л.Н. Толстой отвечает на этот вопрос следующим образом: «Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, посылать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают. Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право

не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным» [1].

Каким же образом, Л.Н. Толстой пришел к такому выводу? По нашему мнению к такому выводу Л.Н. Толстой мог прийти после одного эпизода, который произошел с ним в студенческие годы.

«Д.И. Мейер поручил первокурснику Толстому провести анализ двух работ: Наказ Екатерины II (1767) и «О духе законов» Шарля Монтескье (1748). Это исследование привело студента к глубоким размышлениям об истоках права, о государственном устройстве. В дневнике Л. Толстой запишет: «Работа с Наказом и “О духе законов” открыло мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей» [2, С.112], [3, С. 73-78]. Как отмечается в литературе: «Молодой человек пришел к выводу, что положительные законы должны соответствовать нравственным, а наказания от имени государства должны быть соразмерны содеянному (преступлениям). Заключение юрист Толстой в ходе исследования сделал неожиданное: «Наказ принес больше славы Екатерине, чем пользы России» [2, С.112], [4, С.225]. При этом такая вольность не была прощена молодому человеку. Как отмечается в литературе «За нарушение университетских правил, за непосещение лекций по истории Лев Толстой был посажен в карцер» [2, С.112]. Подобного рода эпизод не мог не сказаться отрицательным образом на психике молодого человека и мог сформировать у него нигилистического отношения к действующему праву.

В самом деле, что плохого совершил Л.Н. Толстой? Он провел определенную научную работу, посвященную анализу «Наказ Екатерины II» и «Дух законов» Ш.Л. Монтескье и сделал определенные выводы. Вместо благодарности за проделанную работу, он получил наказание в виде ареста в карцере. Такое отношение к студенчеству не могло не возмутить глубоко душу Льва Николаевича Толстого и заставило его усомниться в справедливости действующего права, которое впоследствии привело его к идее правового нигилизма.

Дело все в том, что формирование профессионального правового сознания студента-юриста осуществляется посредством информационного и ценностно-мотивационного правового воздействия, благодаря которым формируется правовая установка личности [6, С.87-88], [7, С.20-37]. При этом правовая установка, как известно, состоит из трех компонентов: «когнитивного, эмоционального и поведенческого» [6, С.87-88]. При этом когнитивный аспект правовой установки личности, связан с восприятием личностью определенной информации, касающейся права и правовой системы, эмоционального (отношение к полученной информации) и поведенческого (готовность действовать в соответствии с полученной информацией).

Что же произошло, когда Л.Н. Толстой был посажен в карцер, за непосещение лекций?

С одной стороны у него уже была сформирована установка на то, что право не может противоречить требованиям нравственности, с другой же стороны душа Льва Николаевича была возмущена этим поступком университетского начальства, которое засадило его в карцер. Это привело его к когнитивному диссонансу: говорят одно, о справедливости, а сами поступают несправедливо. Положительное эмоциональное отношение к действующему праву было перечеркнуто отправкой его в карцер за незаслуженный проступок, что сменилось его отрицательным эмоциональным отношением к праву вообще. Убеждения же Л.Н. Толстого, согласно которым надо поступать по нравственному закону, не смотря ни на что, были сохранены, и только укрепились с годами. Но осталась не забытой и та студенческая обида на университетское начальство (знатоков права), которое поступило с ним так жестоко и несправедливо, засадив его в карцер.

Эта обида, в конце концов, привела к формированию у него определенного типа мировоззрения, согласно которому «все то, что не препятствует проявлению безнравственности, и не способствует мгновенному искоренению оной, есть грубая ложь, лесть и гадкий обман» [1], [8].

Тем не менее, необходимо отметить, что в основе правосознания и учения Л.Н. Толстого, как он сам отмечал, лежит закон, который состоит в том, чтобы «любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе» [1]. Данный принцип является также и правовым принципом, поскольку он является отражением таких важнейших принципов права, как принцип формального равенства и принцип справедливости.

Но вместе с тем обида, перенесенная Л.Н. Толстым в студенческие годы и подкрепляемая письмами о несправедливости и особенности душевного склада великого писателя, могла привести его к формированию негативного отношения к действующему порядку вещей, включая отношение к Православной Церкви, которое он не мог преодолеть и которое в конечном итоге привело его к бегству из Ясной Поляны в конце его земной жизни [9].

В заключение необходимо отметить сколь значительное влияние имеет правовое воспитание студента-юриста и как один поступок, совершенный по отношению к студенту-юристу несправедливо, может порой привести к столь тяжелым и трагическим последствиям, о чем свидетельствует нам учение и опыт жизни Льва Николаевича Толстого.

#### Литература

1. Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве Журнал "Толстовский Листок/Запрещенный Толстой", выпуск пятый, Издательство "Пресс-Соло", Москва, 1994. Электронный ресурс URL [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lew\\_nikolaewich/text\\_0840.shtml](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0840.shtml) (дата обращения 13.03.2018 г.).

2. Мартышкин Василий Николаевич Юрист граф Л. Н. Толстой // Юридическая наука. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurist-graf-l-n-tolstoy-1> (дата обращения: 13.03.2018).

3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 83. Серия третья. Письма. Москва: Издательство «Художественная литература», 1938.



4. Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого (серия «Гений в искусстве»). М., 2000. Кн. 1. С. 73–78.

5. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954.

6. Артамонова Я. С. Особенности правовых установок личности // Вестник МИЭП. 2012. №1(6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovyh-ustanovok-lichnosti> (дата обращения: 13.03.2018).

7. Щербакова Н. В. Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986.

8. Л.Н. Толстой. К Духовенству Журнал "Толстовский Листок - Запрещенный Толстой", Выпуск третий Издательство "АВИКО ПРЕСС", Москва, 1993. // Электронный ресурс URL [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lev\\_nikolaewich/text\\_0720.shtml](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lev_nikolaewich/text_0720.shtml) (дата обращения 13.03.2018 г)

9. Басинский П. Лев Толстой. Бегство из рая. М.: АСТ Редакция Елены Шубиной. 2017. 640 с.

**Чисников Владимир Николаевич,**  
*главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского  
института МВС Украины, доктор юридических наук, доцент. Член  
Международной ассоциации историков права, Международной полицейской  
ассоциации (Украинская секция), ветеран органов внутренних дел, участник  
ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (1986 г.), полковник милиции в  
отставке (г. Киев, Украина)*

## **Представители охранных структур и царской администрации в свете толстоведческой биографистики<sup>1</sup>**



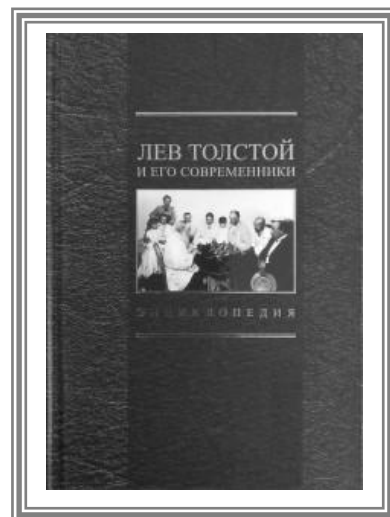
Выход в свет энциклопедии «Лев Толстой» (М., 2006) и двух выпусков энциклопедии «Лев Толстой и его современники» (М., 2010; Тула, 2016) под общей редакцией доктора филологических наук, профессора Н.И. Бурнашёвой стало действительно

знаменательным событием в толстоведении.

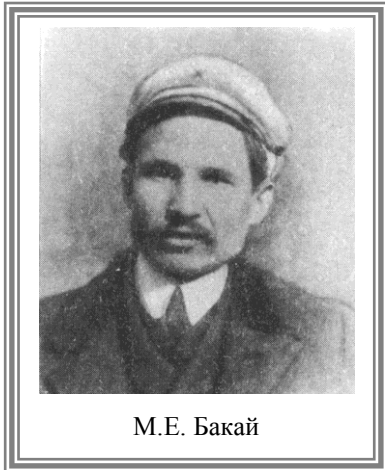
В настоящее время к изданию готовится 4-й выпуск энциклопедии, где будут размещены биографии около 800 современником Л.Н. Толстого, которые, в той или иной мере, соприкасались с великим русским писателем.

Предлагаем участникам форума одними с первых ознакомиться с некоторыми биографиями представителей охранных структур и царской администрации, написанных автором, которые будут

опубликованы в энциклопедии «Лев Толстой и его современники» (Вып.4).



<sup>1</sup> *Толстоведческая биографистика* – термин, которым автор предлагает именовать новое научное направление, связанное с изучением биографий в толстоведении ( по аналогии: Юридическая биографистика).



М.Е. Бакай

**БАКАЙ Михаил Ефимович** (1880 г. – после 1932 г.) – участник революционного движения в России, затем чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения, публицист, способствовал раскрытию секретной агентуры Департамента полиции в революционных партиях.

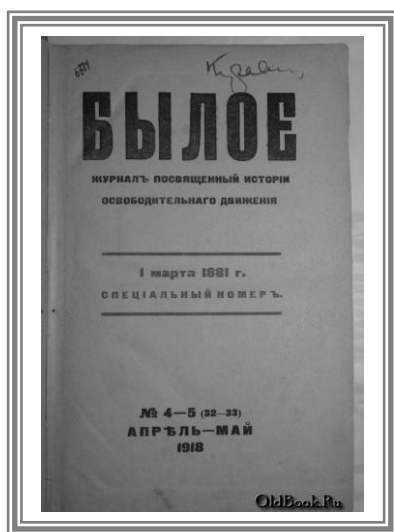
В конце 90-х XIX в. работал фельдшером в г. Екатеринославе (Украина), принимал участие в нелегальной городской организации партии эсэров. В мае 1902 г. был арестован в связи с делом подпольной газеты «Южный рабочий», дал согласие на секретное сотрудничество с полицией, выдал типографию эсэров. После разоблачения в декабре 1902 г. поступил на официальную службу в Департамент полиции. С августа 1903 г. – чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения. Работая в охране, он, по его словам, осознал «подлость» ее методов борьбы с революционерами (произвол, пытки, провокация, перлюстрация и т.д.). Сочувствуя своим бывшим товарищам, в мае 1906 г. обратился к известному общественному деятелю, редактору исторического журнала «Былое» в Петербурге, литератору и журналисту В.Л. Бурцеву и передал ему ряд секретных документов, указав имена нескольких провокаторов среди революционеров. В декабре того же года вышел в отставку и переехал в Петербург, где стал писать записки-воспоминания о провокаторах для депутатов 2-й Государственной думы.

31 марта 1907 г. был арестован и обвинен в разглашении служебной тайны, покушении на жизнь агентов Департамента полиции и должностных преступлениях. Более полугода содержался в Петропавловской крепости, а затем был выслан в административном порядке в Сибирь (Туруханский край) сроком на три года. В декабре того же года, следуя к месту ссылки, при содействии В.Л. Бурцева, сумел бежать. Сначала перебрался в Финляндию, а

затем во Францию, где начал публиковать свои воспоминания о тайнах политического розыска российских спецслужб. В нелегальной заграничной газете «Революционная мысль» им был опубликован список секретных сотрудников Департамента полиции (свыше 135 фамилий) и переданы В.Л. Бурцеву начальные сведения о провокаторской деятельности руководителя Боевой организации партии эсеров Е.Ф. Азефа, известного под оперативным псевдонимом «Раскин». В то же время в журнале «Былое» (Париж) были опубликованы его статьи: «О «черных кабинетах» в России», «Провокаторы и провокация» (1908), «Правительство и провокация», «Азеф, Столыпин и провокация», «Еще о провокации и провокаторах» (1909). Много разоблачительных статей было напечатано им и в иностранной прессе.

Находясь в эмиграции, некоторое время жил в Бельгии, закончил институт, получив диплом инженера. Затем переехал в США, где опубликовал брошюру «О разоблачителях и разоблачительстве» (Нью-Йорк, 1912). В конце 20-х – начале 30-х гг. работал инженером в Конго. Дальнейшая судьба неизвестна (Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М., 1991. С. 89–95, 99–104, 370).

По свидетельству доктора Д.П. Маковицкого, из всех приходивших по почте в Ясную Поляну журналов, Толстой систематически читал только «Русский архив» и «Былое». Эти журналы Лев Николаевич после получения



«...оставлял у себя, читал каждую книжку и снова перечитывал» (ЯПЗ. 2, С. 33). 8 марта 1909 г. Толстой, например, прочтя один из номеров «Былого», сказал: «...очень интересно, очень интересно, просто не оторвешься» (ЯПЗ. 3, С. 352). Другим он также признавался: «Если я слаб, то я раскрываю «Былое» в середине и читаю. Все интересно». (ЯПЗ. 3, С. 373).

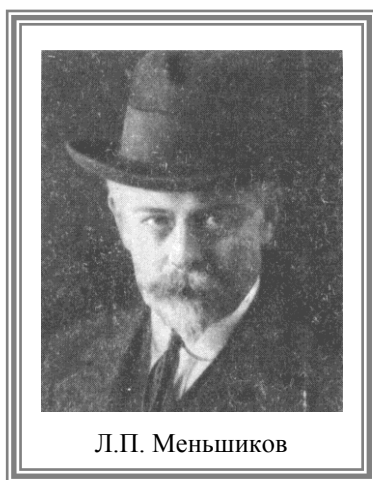
О том, что Л.Н. Толстой часто читал и перечитывал «Былое», делая на его страницах пометки, отмечал и секретарь

писателя Н.Н. Гусев. 12 февраля 1909 г. он записал в дневнике: «Вчера Лев Николаевич читал «Былое».

– До какой степени, – сказал он, – интересно в «Былом» описание декабристов...» (Гусев Н.Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 237). Николай Николаевич также отмечал, что он нередко по просьбе писателя приносил ему для работы из библиотеки различные номера «Былого» (Там же. С. 136).

Л.Н. Толстой считал «Былое» «самым революционным журналом» в России. Однажды, взяв майскую книжку «Былого» за 1906 год, он сказал: «... Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу». При этом Лев Николаевич, смеясь, поднял руки (ЯПЗ. 2, С. 154).

Среди прочитанных писателем материалов в «Былом» были и воспоминания Бакая. 8 марта 1909 г. Маковицкий записал в дневнике, «Л.Н.: «Былое» очень интересно, очень интересно, просто не оторвешься...» Л.Н. вспоминал описанный там подкоп под банк (казначейство) в Херсоне в 80-х годах», а затем заметил: «О Бакае менее интересно» (ЯПЗ. 3. С. 352). Тем не менее, спустя несколько дней, писатель снова возвратился к воспоминаниям бывшего охранника, заявив родным, «...что он нынче читал Бакая...» (ЯПЗ. 3. С. 359).



**МЕНЬШИКОВ Леонид Петрович** (1869–1932) – деятель рос. политического сыска, коллежский асессор (1906), впоследствии разоблачитель тайной агентуры Департамента полиции, публицист, сыскная деятельность которого была отчасти связана с Л.Н. Толстым и его последователями. Родился в с. Беково Сердобского уезда Саратовской губ. в мещанской семье. После окончания с отличием мужского двухклассного сельского училища поступил в Строгановское училище технического рисования и прикладного искусства

в Москве, принимал участие в народовольческих кружках. В 1887 г. по доносу был арестован и во время следствия дал согласие сотрудничать с Московским охранным отделением с целью, как он позже писал, «...изучения методов деятельности тайной полиции».

Начинал службу «по вольному найму», а в 1889 г. перешёл на легальную работу. Некоторое время исполнял обязанности агента наружного наблюдения. Затем был переведен в канцелярию охранного отделения, где анализировал агентурные сообщения, составлял отчёты и докладные записки для Департамента полиции.

Меньшиков пользовался полным доверием начальника отделения С.В. Зубатова. В 1897 г. руководил операцией по задержанию транспорта нелегальной литературы и аресту лиц, которые доставляли её в Россию. В 1890-х – нач. 1900 гг. по распоряжению Департамента полиции неоднократно выезжал в регионы для «ликвидации преступной деятельности различных лиц», раскрыв ряд подпольных типографий и организаций социал-демократов и социал-революционеров в Киеве, Харькове, Полтаве и др. городах. Особенно он отличился во время «ликвидации» Северного союза социал-революционеров (1901). В сентябре 1902 г. был назначен помощником начальника Московского охранного отделения.

В июне 1903 г. по рекомендации С.В. Зубатова переведен с повышением в Особый отдел Департамента полиции на должность старшего помощника делопроизводителя. В 1905 г. в анонимном письме к руководству партии эсеров сообщил о провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа и Н.Ю. Татарова, обещая присылать информацию и о других секретных сотрудниках полиции в их партии.

В 1907 г. Меньшиков вышел в отставку и поселился в Финляндии, а через два года эмигрировал во Францию. При этом ему удалось вывести за границу два чемодана скопированных им секретных документов московской охранки и Департамента полиции, в том числе и касающиеся полицейской слежки за писателем графом Л.Н. Толстым и его последователями. В Париже

он передал «охотнику за провокаторами» издателю журнала «Былое» В.Л. Бурцеву около 400 фамилий секретных сотрудников Департамента полиции и опубликовал в прессе несколько статей, разоблачающих провокаторскую деятельность тайной полиции. Им была издана книга «Русский политический сыск за границей» (1914) и подготовлена к печати «Чёрная книга русского освободительного движения», где приводились сведения о секретных сотрудниках Департамента полиции, которые «работали» в различных революционных партиях и организациях. К сожалению, книга так и не была опубликована.

После Февральской революции 1917 г. Леонид Меньшиков принимал участие в работе Комиссии по разбору архивов бывшей заграничной агентуры Департамента полиции. В 1920-х гг. продал ряд документов из собственного архива представителю советского правительства В.Д. Бонч-Бруевичу. Другую часть документов и свою большую библиотеку революционной нелегальной литературы (1547 изданий и 1449 воззваний и листовок) продал за символическую сумму в 10000 франков (130–150 долларов США) Российскому заграничному историческому архиву (РЗИА) в Праге. Ныне подавляющая часть архива Меньшикова хранится в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) (Чисніков В. Меньшиков Леонід Петрович // Міжнародна поліцейська енциклопедія. В 8 т. К., 2010. Т. VI. С. 438–439)



В 1925–1932 гг. в Москве, в издательстве «Политкаторжан», вышел главный труд бывшего охранника «Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия» ( в 3-х частях, 5-ти книгах), который был написан на основании документов полицейского происхождения, собственных воспоминаний автора и содержал ценные сведения о российском освободительном движении конца XIX – нач. XX вв.

Характерно, что одна из глав книги полностью посвящалась писателю графу Толстому и имела название «Л.Н. Толстой и толстовцы». Глава содержала следующие подзаголовки: «Толстой не политик. Наблюдение за Ясной Поляной. Толстой и подполье. Гектограф Новосёлова. Арест Фальборка. Смерть Дрожжина. Обыск у Дунаева. Высылка Буланже. Дело Озмидова. Филёры и граф. Толстовец-миллионер. «Свободное слово». Иностранцы под надзором. Толстой и рабочее движение. Гектограф Ушакова. Толстовские общины. Рядовой Чага» (Меньшиков Л.П. Охрана и революция. М., 1929. Ч. 2. Вып 2. С. 7–29).

Последние годы жизни Леонид Меньшиков вместе с женой и четырьмя детьми прожил в г. Фонтене-о-Роз (в 10 км. Южнее Парижа). Умер в парижском госпитале Бруссе. Похоронен на кладбище в Тие – предместье Парижа.



**СПИРИДОВИЧ Александр Иванович** (1873–1952) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, служащий Московского и начальник Киевского охранного отделения, начальник императорской дворцовой охраны, историк русского революционного движения.

Родился в провинциальном городке Кемь на берегу Белого моря и происходил «из потомственных дворян Смоленской губернии». Его отец был офицером пограничной стражи, а мать происходила из рода баснописца И.П. Крылова. После учебы в Архангельской гимназии окончил Нижегородский кадетский корпус (1891) и 1-е Павловское военное училище (1893), а затем служил в 105-м Оренбургском пехотном полку. В декабре 1899 г. в чине поручика переведен в Отдельный корпус жандармов с прикомандированием к Московскому



охранному отделению. В течение трех лет службу проходил под руководством известного мастера политического сыска С.В. Зубатова.

В 1902 г. Спиридовича назначили начальником Таврического охранного отделения в Симферополе, а в 1903 г. в чине ротмистра он вступил в должность начальника Киевского охранного отделения. 14 мая 1903 г. под его руководством в Киеве был арестован руководитель Боевой организации эсеров, известный террорист Григорий Гершуни. В награду за успешно проведенную операцию получил досрочно чин подполковника.

28 мая 1905 года Спиридович был тяжело ранен своим бывшим секретным сотрудником социал-демократом П.М. Руденко, после чего несколько месяцев провел на лечении. В начале 1906 г. откомандирован в распоряжение дворцового коменданта и назначен начальником дворцовой охранной агентуры. За отличие по службе был произведен в полковники.

После убийства П.А. Столыпина (1911) привлечен к расследованию по обвинению в неприятии мер охраны премьер-министра, однако не был устранен от должности. В 1913 г. уголовное дело было прекращено по личному распоряжению Николая II. Во время Первой мировой войны сопровождал императора во всех поездках, был произведен в генерал-майоры (1915). 15 августа 1916 г. назначен ялтинским градоначальником.

Во время Февральской революции прибыл в Петроград, где был арестован Временным правительством. Содержался под стражей в Петропавловской крепости и допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. В начале октября 1917 г. освобожден из тюрьмы под денежный залог.

В 1920 г. эмигрировал во Францию. Был активным членом Русской монархической партии в Париже, участвовал в качестве делегата от Франции в Российском зарубежном съезде (1926). Находясь в эмиграции, выступал с многочисленными публичными лекциями по истории российского революционного движения и борьбы с ним, а также с лекциями о членах царской семьи. Опубликовал несколько книг на эти темы и собственные

мемуары. В 1950 г. переехал в США, где спустя два года скончался в возрасте 78 лет.



В своих мемуарах «Записки жандарма» (1928.), генерал Спиридович, рассказывая о своей службе в Московском охранном отделении, несколько страниц посвятил Льву Николаевичу Толстому и его московским последователям. Именно ему в январе 1901 г. пришлось вести расследование дела, связанного с толстовцами. «Недели через две после моего приезда, – вспоминает Александр Иванович, – отделение арестовало группу интеллигентов, занимающихся печатанием на гектографе и распространением запрещенных цензурой произведений Льва Толстого. Производство расследования поручили мне. Ознакомившись с найденными при обыске вещественными доказательствами, я начал допросы. Арестованные были люди не первой молодости, серьезные, очень увлекавшиеся учением Толстого. Общее впечатление было то, что они очень хорошие все люди. Занимались они печатанием некоторых глав «Воскресения» и «Евангелия».

Однако на первых допросах арестованные толстовцы отказались давать показания, руководствуясь негласным кодексом поведения представителей революционных партий. Жандарму Спиридовичу пришлось приложить максимум усилий и оперативной смекалки, чтобы «разговорить» их. «Какие же вы толстовцы, – говорил он, – и где же ваше непротивление злу, где же ваша идейность, если при первом же столкновении с ненавистной для вас властью, вы прячетесь и боитесь исповедовать вашу веру?». В конце-концов все толстовцы дали полные и откровенные показания.

В процессе расследования было установлено, что один из арестованных ездил в Ясную Поляну и получал из рук Толстого его запрещенные издания. При этом москвич не скрывал от писателя, что его произведения будут

перепечатываться и распространяться среди единомышленников. «Логика и закон требовали возбуждения дознания против самого Толстого и привлечения его, как главного виновника по настоящему делу» – пишет Спиридович. Однако «...на Толстого был запрет и его трогать было нельзя никому. Все мы в отделении слышали не раз, что существует Высочайшее повеление, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни в коем случае».

Закончив дознание, поручик Спиридович доложил начальству, что при сложившихся обстоятельствах дело толстовцев необходимо прекратить, т.к. «...преследовать арестованных при непривлечении главного виновника является абсурдным и несправедливым». С его доводами С.В. Зубатов согласился и вскоре арестованные были освобождены и понесли административное наказание [Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 62–63].

Вспоминая свою службу в московской охранке, Спиридович отмечал, что в Москве политическая полиция не замечала видимого вреда от учения Льва Толстого. За три года его службы во «второй столице» «...присутствие Толстого совершенно не беспокоило отделение, что являлось лучшим доказательством, что он был тогда политически безвреден». При этом автор воспоминаний подчеркивал, что у Толстого, «...конечно же, были поклонники, но масса за ним не шла».

В качестве примера Спиридович описывает случай, когда 25 февраля 1901 г. Толстой во время уличных беспорядков студентов случайно оказался в толпе на Лубянской площади. Казалось бы, толпа должна была выразить ему, отлученному от церкви, свое сочувствие и симпатию, но этого не случилось. «Настроение толпы было столь двойственным, – пишет Спиридович, – что если некоторые и выражали свою симпатию Толстому, то другие не скрывали своей вражды и ненависти» [Там же. С. 63]. Позже Лев Николаевич в своем ответе Синоду упомянул этот случай, указывая, что постановление Синода: «...есть, наконец, подстрекательство к дурным

чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах... В самый же день 25 февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал слова: «Вот дьявол в образе человека», – и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили». [34, 246–247].

Автор мемуаров так же отмечал, что его удивило постановление Синода об отлучении Льва Толстого от церкви. Многие чиновники, в том числе и он, не понимал, зачем это надо было делать. Ведь из писателя-философа, которого в массе больше порицали, чем хвалили, сделали жертву.

Вспоминал Александр Иванович и статью Толстого «К царю и его помощникам», написанную по поводу происходивших тогда, в 1901 году, студенческих беспорядков, виновниками которых писатель считал царское правительство. По утверждению Спиридовича, «обращение это прошло в публике незамеченным». В заключение своих воспоминаний о Толстом бывший жандармский генерал делает вывод: «...Не разрекламируй в то время Толстого священный Синод, Толстой, как учитель жизни, продолжал бы оставаться спокойно в стороне и в тени, что, конечно, не относится к нему, как к гениальному писателю-художнику, гордости России» [Спиридович А.И. Указ. соч. С. 65].

*Соч.* Революционное движение в России: Вып. 1. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914; Вып. 2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1880–1916 гг. Пг., 1916; Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962.

*Лит.* Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове. – М., 2009.



**КЛАДИЩЕВ Дмитрий Петрович** (1838–1903) – военный и гос. деятель, генерал-лейтенант (1896), рязанский губернатор (1886–1893), сенатор; в бытность рязанским губернатором руководил полицейской слежкой за Л.Н. Толстым и его окружением во время оказания ими помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая. Из дворян. Родился в Ярославской губ. в родовом имении отца – героя Отечественной войны 1812 года генерала

П.А. Кладищева. После окончания гимназии вместо традиционной для его предков военной карьеры, поступил в Санкт-Петербургский университет. Однако уже в 1854 г. сменил студенческую форму на военный мундир. Служил в гвардейском кавалерийском полку, а затем командовал 121-м Пензенским пехотным полком. В чине полковника участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После тридцати лет военной службы был произведён в генерал-майоры и в этом чине ушёл в отставку (1884).

Спустя два года, в феврале 1886 г., был назначен Рязанским губернатором, занимал этот пост в течение семи лет. После отставки в феврале 1893 г. генерал-лейтенант Кладищев был переведен в Петербург, где заседал в Сенате. Умер на 66 году жизни, похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Имя графа Льва Толстого появилась в документах канцелярии Рязанского губернатора осенью 1891 г. Именно тогда писатель вместе со своими помощниками прибыл в Данковский уезд Рязанской губернии для оказания помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая. Об этом Данковский уездный исправник Праль незамедлительно сообщил губернатору.

14 ноября Рязанский губернатор генерал-майор Д.П. Кладищев, получив рапорт исправника, направил донесение директору Департамента полиции. В нём он сообщал, что в имение помещика И.И. Раевского,

расположенного в деревне Бегичёвка Данковского уезда, прибыл на временное место жительства граф Л.Н. Толстой, купил у него значительное количество хлеба и раздаёт его бесплатно бедным крестьянам. Кроме того, Толстой так же открыл в с. Воскресенске Ивановской волости «общественные бесплатные столовые на сто человек для прокормления беднейших жителей означенного села, пострадавших от неурожая текущего года». Докладывая петербургскому начальству о вышеизложенном, губернатор надеялся получить из столицы руководящие указания.

Вскоре из Петербурга пришёл ответ. Директор Департамента полиции в предписании от 19 ноября «имел честь покорнейше просить его превосходительство приказать собрать сведения, чем именно занимается граф Толстой и в чём именно выражается его благотворительная деятельность».

В тот же день губернатор направил Данковскому уездному исправнику Пралю телеграмму с требованием сообщать ему о всех действиях графа Толстого. И уже 27 ноября исправник в обширном рапорте докладывал генералу, что Толстой прибыл во вверенный ему уезд в середине октября для оказания помощи нуждающемуся населению. По частным сведениям исправника, благотворительная помощь писателя распространяется не только на Данковский уезд, но и на Чернский уезд Тульской губернии, где для этой цели находится один из его сыновей. Кроме того, Толстой открыл в с. Воскресенском Иванковской волости три столовые и пекарни, и предполагает организовать столовую в с. Колодезях той же волости. «Помощь графом организована в широких размерах, – докладывал Праль, – и мне известно, что граф уже получил пожертвования от разных лиц, как России, так из-за границы до 20 000 рублей». При этом исправник подчёркивал, что «деятельность графа Толстого исключительно благотворительная без всяких признаков какой-либо пропаганды». При личном свидании с графом «взгляды его на настоящее положение дел не вызывают ничего противозаконного». Исправник так же сообщал, что

сотрудниками Толстого по оказанию помощи нуждающимся крестьянам состоят две его дочери Мария и Татьяна Львовны и Наталья Философова, которые «оказывают некоторую медицинскую помощь населению, страдающему инфлюэнцией, и, благодаря их уходу за больными и здоровыми питанием, болезнь между населением не принимает широких размеров».

Не забыл Праль упомянуть и о том, что графа Толстого посещают корреспонденты некоторых газет и лично при нём находится корреспондент газеты «Новое Время» г. Майков. В заключение рапорта урядник писал, что «за наблюдением порядка и спокойствия, как в столовых, так и нелегального наблюдения за кругом действия графа Толстого, его сотрудников и окружающих, мною лично и через исполнительных чиновников приняты энергичные меры, и в случае проявления чего-либо предосудительного тот час же будет доложено вашему превосходительству».

Лев Николаевич о визите к нему «льстивого» уездного исправника сообщал жене в письме от 23 ноября 1891 г. «...Нынче был исправник, – писал он, – льстивый челов[ек], к[оторый] будто представлялся. Завтра, говорят, приедет губернатор Рязанский» (84; 102). Разговоры о приезде губернатора оказались банальными слухами. В Бегичёвке он так и не появился.

В очередном донесении от 13 декабря исправник Праль сообщал губернатору, что графом Толстым, кроме организации народных столовых, раздаются крестьянам книжки с рассказами его сочинений. В качестве образца он прилагал к рапорту три экземпляра этой продукции. При этом Праль высказывал опасение, что, хотя эти книжки и разрешены цензором, но от их чтения «крестьяне сытее не будут, а неправильное истолкование их может лишь со временем вызвать недоумения». В связи с этим исправник просил губернатора «дать мне знать о мнении вашем по сему предмету... и я бы мог умело приостановить дальнейшее распространение таких книжек».

Исправник Праль также доносил, что в настоящее время число столовых, организованных графом Толстым, достигло восьми: в селе

Воскресенском – три, в деревне Колодезях – три и две в селе Исленеве. Количество крестьян, ежедневно обедающих в этих столовых, достигает приблизительно 400 человек.

Сообщая о передвижениях Толстого и его помощников, исправник указывал, что «приезд к ним разных личностей весьма значительный, а корреспонденция денежная и простая, поступающая через Чернявскую почтовую контору, громадная». Среди посетителей графа он называет: «какой-то Гусарков, крайне странный по его костюму (русская рубаха, шаровары, полушубок, армяк и валенки)»; (действительная фамилия – Гусаров – В.Ч.) «какой-то англичанин» – уполномоченный от одного из благотворительных фондов Англии, который привёз собранные для «голодающих русских» 60 000 фунтов стерлингов; «какой-то бывший товарищ по университету земского врача Лошаковского пункта Богоявленского»; а также прибывшая в с. Лошаки к госпоже Н.Н. Философовой с целью благотворительности «очень молодая особа» Александра Александровна Александрова.

Озабоченный большим объёмом работы по слежке за действиями графа Толстого и его сотрудников, а также малочисленностью полицейских сил, имеющих в его распоряжении, исправник Праль просил губернатора прислать в его распоряжение «несколько верных нижних чинов полиции и корпуса жандармов для негласного исключительного наблюдения за действиями графа и его окружающих».

Через два дня исправник Праль в дополнение к своему предыдущему рапорту «имел честь донести», что приезжавший в Бегичёвку к графу Толстому англичанин, как было дознано, был мистер Гочейс. Он также в очередной раз высказывал губернатору опасение, что посещение полицейскими чинами в присвоенной им форме имения г. Раевского, где находится граф Толстой, «потеряет значение негласного наблюдения и может вредно отозваться на благотворительной деятельности, а это вряд ли желательно в настоящее время».



Получив донесения исправника, генерал Кладищев поспешил сообщить новости в Петербург, препроводив в Департамент полиции 25 декабря две копии с рапортов Праля. При этом губернатор сообщал, что исправник доставил ему три книжки графа Толстого, которые раздаются крестьянам: 1) «Сказка об Иване-дурачке и его двух братьях – Семёне-воине и Тарасе-брюхане» (М., 1890); 2) «Кавказский пленник» (М., 1891) и 3) «Грех и безумие пьянства» (М., 1891). Первая, по его мнению, «неудобна для народного чтения, а потому следовало бы изъять таковую из обращения в народе». Однако, не имея на это прямого указания, он затрудняется «сделать по сему предмету какое-либо распоряжение». Но если Департамент полиции со своей стороны признает неудобным для народного чтения сказку «Иван-Дурачок» и даст соответствующее распоряжение, то оно будет им приведено в исполнение.

Заканчивал своё донесение рязанский губернатор просьбою. «Вполне разделяя мнение исправника, – писал Кладищев, – о необходимости надзора за местностью в районе, в котором проявляется деятельность графа Толстого, с одной стороны, а с другой, что надзор этот едва ли удобно возложить на чинов полиции, я имею честь покорнейше просить Департамент полиции, не признает ли он возможным отпустить в распоряжение уездного исправника некоторую сумму для найма особого агента, или не сочтёт ли более удобным вышеобъяснённое наблюдение передать начальнику губернского жандармского управления и его агентам».

Отвечая 29 декабря на донесения уездного исправника Праля от 13 и 15 декабря, губернатор писал ему, что в отношении распространяемых графом Л.Н. Толстым книг, он «вошёл в сношение с Департаментом полиции» и в непродолжительном времени получит ответ, в том числе и по другим, возбуждаемым исправником вопросам. Губернатор так же обращал особое внимание Праля на необходимость, соблюдая большую осмотрительность, «тщательно следить за движением крестьянских умов и, охраняя население от влияния на него людей неблагонадёжных, вместе с сим зорко охранять тех

лиц, которые занимаются благотворительностью в виду тяжёлых условий нынешнего года».

В тот же день генерал Кладищев получил донесение от исправника Праля, который доносил, что «на этих днях в деревню Бегичёвку к графу Толстому прибыл из Полтавы, состоящий под надзором полиции, бывший студент Иван Михайлов Клопский, – личность не отличающаяся политической благонадёжностью». Помощник начальника Рязанского ГЖУ дал предписание жандармским унтер-офицерам осуществлять тщательное наблюдение за его действиями. «Со своей стороны, – заключал исправник, – мною также приняты меры к предупреждению возможной пропаганды».

18 января 1892 г. губернатор Кладищев получил из Департамента полиции долгожданный ответ, в котором сообщалось, что его представление относительно необходимости установления наблюдения за деятельностью графа Льва Толстого и его семьи было доложено министру внутренних дел И.Н. Дурново. Последний «изволил учредить таковое наблюдение за всеми означенными лицами на месте через Данковского уездного исправника, для чего и ассигновать триста рублей». Далее сообщалось, что Департаментом полиции сделано «надлежащее распоряжение об отпуске упомянутой суммы в ваше, милостивый государь, введение».

В январе 1892 г. Л.Н. Толстой направил корреспонденту английской газеты «Daily Telegraph» Э. Диллону статью «О голоде», которая в России была запрещена цензурой. В переводе Диллона статья вышла в нескольких номерах газеты в виде писем под заглавием «Отчего голодает русский мужик?»». Вскоре «Московские ведомости» в редакционной статье, озаглавленной «Граф Лев Толстой о голодающих крестьянах» (№ 22 от 22 января), опубликовали одно из «писем» в неточном обратном переводе из английского. При этом в статье отмечалось, что «письма» Толстого «являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всём мире социального и экономического строя» (ДСАТ. 2. С. 563).

С.А. Толстая, обеспокоенная нападками на мужа и распрстранившимися слухами о репрессиях по отношению к нему со стороны властей, 23 января послала письмо редактору «Московских ведомостей», в котором, в частности, писала: «М. г.г. редактор! Ежедневно получаю я письма и вырезки из иностранных газет, где говорится об аресте моего мужа, графа Толстого. Считаю своею обязанностью сообщить всю правду о муже тем, кто интересуется его судьбою. Графа Толстого правительство не только не тревожит, но администрация, напротив, деятельно помогает ему в его работе на пользу пострадавших от неурожая». В заключении С.А. Толстая писала, что ей особенно тяжело читать в иностранных газетах сообщения, что заточение Льва Николаевича «произошло по приказанию Высшей власти», которая, по её словам, «была всегда особенно благосклонна к нашей семье» (Лев Толстой и голод. Н.-Новгород, 1912. С. 127–128). Однако письмо С.А. Толстой не было напечатано и появилось только в некоторых заграничных печатных изданиях.

29 января Департамент полиции направил Рязанскому губернатору очередную депешу, в которой сообщалось, что Министерством внутренних дел получено письмо со вложением чека от некоего Альма Адамса, проживающего в г. Пуэбло Северо-Американских Соединённых Штатов. Иностранец просил передать этот пакет графу Льву Толстому для того, чтобы эти деньги «были употреблены последним в пользу населения местностей, постигнутых неурожаем». В связи с этим, Департамент полиции «имел честь покорнейше просить» губернатора «не отказать в распоряжении доставить вышеозначенный пакет графу Толстому по месту его жительства в Данковском уезде».

Просьба Департамента полиции губернатором была исполнена. В предписании Данковскому уездному исправнику от 12 февраля указывалось: «Препровождая заклеенный конверт переданный из Департамента полиции..., предписываю вашему высокоблагородию выдать таковой графу Толстому с распискою, которую доставить мне».

В феврале 1892 г. к Рязанскому губернатору начали поступать донесения и от Скопинского уездного исправника, где также графом Толстым были открыты народные столовые. Так, 4 февраля исправник докладывал генералу Кладищеву, что 1 февраля в с. Муравлянке Затвороновской волости граф Толстой открыл бесплатную столовую на 150 человек. За четыре дня до её открытия он проверял в селе материальное состояние жителей и «выдал крестьянам несколько одежды, до 70 пар лаптей и раздал для чтения книги».

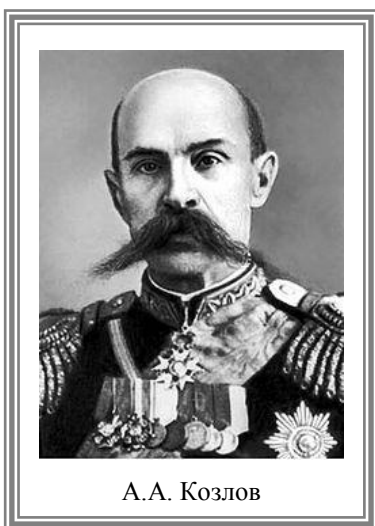
В последующем рапорте от 17 февраля исправник информировал губернатора, что 8 февраля дочь графа Толстого « в сопровождении какого-то мужчины заявили в село Баршевое Чернавской волости, где осматривали дома нуждающихся крестьян» с намерением затем открыть 5 столовых. 13 февраля в деревню Бугровку приезжал уполномоченный графа Толстого, который «обошёл всю деревню и нанял два дома под столовые». В селе Муравлянка граф поручил «хозяйственное заведывание в столовых местным крестьянам». Заканчивал исправник свой рапорт словами: «При сём представляю по экземпляру розданных графом в Муравлянке книжек и листков». (Из записной книжки архивиста. К биографии Л.Н. Толстого // Красный архив. 1939. № 5(96). С. 221–225).

Тогда же исправник в частном письме к правителю канцелярии Рязанского губернатора прислал и ему пять книжек, розданных графом Толстым. При этом он сообщал: «...Дознано: Толстой приезжает с письмоводителем, а в Руденку Гроновской волости приезжает его доверенный, житель с. Клокоток Страхов, около 30-ти лет, высокого роста, борода рыжая, а волосы на голове белые. Как Толстой, так и его письмоводитель и Страхов не едят мясного и, когда садятся за стол, не молятся Богу. Это последнее обстоятельство породило в крестьянах подозрение, что Толстой делает это не от Бога, а от Антихриста. Но такого мнения не все, а большинство, не мудрствуя, пользуются столовой и заочно благодарят». В конце письма исправник подчёркивал, что за указанными

лицами учреждён «самый тщательный надзор и ему будет известен каждый их шаг» (Лев Толстой и голод. С. 128).

27 февраля Скопинский уездный исправник представил губернатору краткий рапорт, сообщая, что «благотворителем графом Толстым открыто 6 бесплатных столовых в селе Руденке, 4 – в селе Ново-Александровке Горловской волости и назначено открыть 4 столовых в Горлове».

Информацию об открытии графом Толстым новых столовых в Скопинском уезде губернатор Кладищев доложил в Департамент полиции в донесении от 6 марта. Он также сообщал, что Скопинский уездный исправник представил ему следующие розданные графом книжки: 1) «Христос в гостях у мужика» (М., 1891), 2) «Первый винокур» Л. Толстого (М., 1892), 3) «Свечка» Л. Толстого (М., 1887), 4) «Иван-Гусь» (М., 1891) и 5) «Удаль казака». При этом губернатор указывал, что первые три брошюры комитетом при св. Синоде «признаны непригодными для народного чтения». В конце донесения генерал-майор Кладищев «имел честь присовокупить, что за деятельностью графа Льва Толстого имеется наблюдение». (Из записной книжки архивиста С. 225).



А.А. Козлов

**КОЗЛОВ Александр Александрович** (1837–1924) – гос. деятель, генерал-адъютант (1905), Санкт-Петербургский обер-полицмейстер (1881–1882), Московский обер-полицмейстер (1878–1881 и 1882–1887), Московский генерал-губернатор (1905). Родился в Петербурге в старинной дворянской семье, происходящей из дворян Нижегородской губернии. Окончил Пажеский корпус (1855), поступил прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк, которым в своё время командовал его отец, генерал-майор А.П. Козлов, а через шесть лет был назначен адъютантом обер-полицмейстера С.-Петербурга А.С. Суворова. В 1865 г. занял должность

старшего полицмейстера Риги. В 1869 г. стал помощником петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, а в 1878 г. получил назначение московским обер-полицмейстером. Пользовался полным доверием и пониманием со стороны московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. В 1881 г. под руководством генерала Козлова была осуществлена реформа московской полиции: введена система вольного найма и новые звания (участковый пристав, полицейский надзиратель, городской и т.д.); упразднена Управа благочиния, а ее функции перешли к Управлению полиции, в составе которого стали функционировать новые структурные подразделения – сыскное и охранное отделения, а также специальная часть для подготовки рядовых сотрудников – резерв московской полиции.

Выполняя обязанности московского обер-полицмейстера, генералу Козлову приходилось принимать решения по служебным делам, в которых фигурировало имя «отставного поручика графа Льва Толстого».

Так, 28 сентября 1882 г. А.А. Козлов, руководствуясь циркуляром Департамента полиции № 314 от 8 июля, издал приказ по Московской городской полиции, согласно которому негласный надзор полиции устанавливался за деятельностью «землевладельца Самарской губернии графа Льва Толстого и члена Географического общества Александра Пругавина вследствие сношений их с сектантами». В связи с этим полицейским чинам предписывалось в случае приезда в Москву указанных лиц «учредить наблюдение за тем, чтобы они не распространяли здесь своего учения и в случае нарушения ими изложенного выше запрещения, немедленно о том донести». И уже 4 октября пристав 1-го участка Хамовнической части Давыдов, на основании данного предписания, сообщал начальнику московской охранки, что «граф Л.Н. Толстой приобрёл во вверенном мне участке собственный дом, куда и прибыл на жительство». При этом донесении пристав представил первую поднадзорную ведомость на «Льва Николаевича Толстого, графа, отставного поручика, 55 лет», в которой так же указывались сведения о его семейном положении; имущественном

обеспечении; постоянном месте жительства; обстоятельствах прошедшей жизни поднадзорного и настоящее его занятие; год, число и № распоряжения Департамента полиции по какому учреждён надзор. Характерно, что в графе о настоящем занятии поднадзорного первоначальная запись «занятий никаких не имеет», впоследствии была заменена на «занимающийся литературой». С момента установления полицейского надзора за Толстым и до начала 1884 г. в поднадзорных ведомостях пристава Давыдова неизменной была фраза: «ни в чём предосудительном замечен не был» (Карякин Б.Н. Московская «охранка» о Л.Н. Толстом и толстовцах (1882–1912 гг.) // *Голос минувшего*. 1918. № 4–6. С. 284–285).

Наблюдение за поднадзорным графом Толстым осуществлялось не только в Москве. 8 июля 1883 г. помощник начальника Самарского ГЖУ доносил своему начальнику о том, что 12 июня граф Толстой, будучи проездом в селе Гавриловка, делал сход в избе крестьянина, где «старался внушить принцип равенства, доказывая, что все должны делиться друг с другом» и что «церкви украшать глупо». «Крестьяне увидели из его беседы, что он отвергает власть и правительство, а потому по выходе из беседы заключили, что он не сектант, а просто социалист». Аналогичные сведения сообщал в своём донесении от 11 июля и бузулукский исправник самарскому губернатору (Гусев. *Летопись* 1. С. 559–560).

В октябре 1883 г. начальник Тульского ГЖУ уведомлял московских коллег, что во время проживания в Крапивенском уезде граф Л.Н. Толстой «не обратил на себя особого внимания, исключая того, что был избран в отделение Тульского окружного суда в г. Крапивне присяжным заседателем, в 28-е минувшего сентября заявил суду публично, что он отказывается исполнять обязанности присяжного по своим особым религиозным убеждениям» (Карякин Б.Н. *Указ. соч.* С. 284–285).

Как отмечают исследователи, 1884–86 годы ознаменовались «эрой гонений» на запрещенные сочинения Толстого. В этот период времени имя поднадзорного графа Толстого начинает фигурировать не только в

полицейских сводках, но и в документах Главного управления по делам печати. 22 февраля 1884 г. начальник этого учреждения Е.М. Феоктистов направил московскому генерал-губернатору В.А. Долгорукову письмо, в котором сообщал о том, что распространение гектографических запрещённых цензурой сочинений Л.Н. Толстого, как в С.-Петербурге, так и в Москве, «...приняло довольно широкие размеры». В конце письма автор просил В.А. Долгорукова «сделать какие-либо распоряжения по этому предмету».

4 марта 1884 г. А.А. Козлов на основании распоряжения губернатора в секретном прибавлении к приказу по московской полиции предписывал учредить «строгое наблюдение» за необращением в продаже запрещённых сочинений графа Льва Толстого «Исповедь» и «Евангельское учение»; в случае же обнаружения означенных сочинений отбирать и доставлять в охранное отделение, сообщив в то же время, у кого таковые были изъяты» (Там же. С. 286).

Спустя десять дней, 14 марта, обер-полицмейстеру Козлову снова поступило конфиденциальное письмо от губернатора, в котором говорилось: «Вследствие дошедших до меня достоверных сведений, что сочинения Льва Толстого, запрещённые для обращения в публике, гектографируются им самим у себя на дому, предлагаю Вашему Превосходительству учредить негласное по этому поводу наблюдение и о результатах мне немедленно доложить». Однако, несмотря на «немедленность», А.А. Козлов ответил губернатору на его запрос ровно через... два года.

К этому времени Толстой секретным приказом Департамента полиции от 1 марта 1886 г. без всякой мотивировки был освобождён из-под негласного полицейского надзора, под которым находился около четырёх лет. Примечательно, что этим приказом надзор снимался со 130 лиц, среди которых фамилия «графа Льва Николаевича Толстого, отставного поручика» стояла рядом с фамилиями «дьяка Тополева и фокусника Адольфа Энштейна», которые вошли в историю, благодаря «соседству» с писателем.



Прошло всего три дня после снятия надзора с Толстого и уже 4 марта генерал Козлов получил из секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова напоминание «ускорить по возможности предложения от 14 марта 1884 г. по делу в отношении гр. Толстого». Обер-полицмейстер ответил генерал-губернатору, что в результате установленного за домом графа Толстого «строжайшего наблюдения» выяснилось, что он «не гектографирует своих запрещённых изданий и не продаёт их у себя на дому». (Там же. С. 288).

Не успел главный полицейский Москвы отослать свой рапорт губернатору, как получил новый запрос, на этот раз от старшего инспектора по надзору за московскими типографиями. В нём инспектор спрашивал: «...не в кружке ли умершего инженера Александрова или в квартире Губаревой тайным образом печаталось «Так что же нам делать?» графа Льва Толстого?» При этом, по мнению автора запроса, упоминаемое на обложке книги обозначение типографской фирмы – «Общество распространения полезных книг» было сделано с целью обмана, т.к. указанное общество такой книги не издавало. На этом запросе А.А. Козлов сделал небрежную надпись: «Уведомить, что значенная книга печаталась, по всей вероятности, на юге». (Там же. С. 288–289).

8 апреля 1886 г. директор Департамента полиции П.Н. Дурново обратился к А.А. Козлову с тем же вопросом, на который генералу пришлось уже отвечать В.А. Долгорукову. В совершенно конфиденциальном письме П.Н. Дурново, в частности, писал: «Департаментом полиции из совершенно негласных источников получены сведения, будто бы в доме проживающего в Москве гр. Льва Толстого устроена тайная типография для печатания его тенденциозных призведений, состоящая в непосредственном управлении ненадёжных в политическом отношении лиц. Сообщая о сём совершенно доверительно Вашему Величеству, имею честь покорнейше просить не отказать в распоряжении о проверке самым секретным образом, в какой мере изложенное заслуживает вероятия».

Спустя несколько дней, к большому огорчению петербургского начальства, московский обер-полицмейстер сообщил, что «по поводу устройства будто бы графом Толстым тайной типографии для печатанья своих запрещённых сочинений, несколько раз поступали заявления об этом, но путём негласного наблюдения и секретных разведок известия эти не подтвердились» (Типография Л.Н. Толстого // Былое. 1917. № 2(24). С. 19).

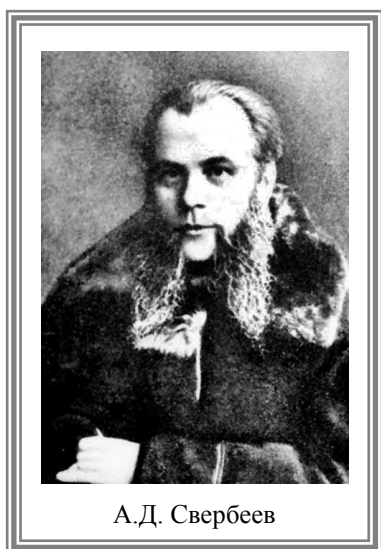
Однако в Департаменте полиции не унимались. 16 мая А.А. Козлов снова получил из Петербурга новый запрос, подписанный Дурново. В нём сообщалось о полученных Департаментом полиции сведениях, что среди лиц, сочувствующих учению графа Льва Толстого, возникло предложение отлитографировать в течении предстоящего лета значительное количество экземпляров «тенденциозных произведений этого автора», таких, как «Евангелие», «Исповедь», «В чём моя вера», «Что нам делать?», «Церковь и государство», «Письма к Энгельгардту». Эти издания, по сведениям агентуры, предполагается распространить среди студентов высших учебных заведений, между которыми уже производится подписка. Сообщая изложенное, Дурново просил Козлова «принять зависящие меры» и не оставить его «своим уведомлением о последующем».

Ответ А.А. Козлова был лаконичен и гласил, что упомянутые произведения графа Льва Толстого «настолько распространены между учащейся молодёжью, что едва ли предоставляется надобность в новом издании их». При этом генерал заверял петербургское начальство, что «к обнаружению лиц, желающих заняться подобным изданием мною приняты надлежащие меры» (Карякин Б.Н. Указ. соч. С. 290).

В 1887 г. А.А. Козлов покинул пост обер-полицмейстера и в дальнейшем возглавлял различные государственные благотворительные учреждения. В 1900 г. Александр Александрович вышел в отставку, но в бурном 1905 г. вновь вернулся на службу и был назначен временно исполняющим должность московского генерал-губернатора, которую занимал с 14 апреля по 15 июля 1905 г. Из-за конфликта с Д.Ф. Треповым по

поводу запрещения съезда представителей земств в Москве вынужден был покинуть занимаемый пост. В Москве его знали и любили, считая человеком, хотя и не слишком далеким, зато честным и порядочным. По свидетельству шефа жандармов В.Ф. Джунковского, «А.А. Козлов пользовался очень большой симпатией и уважением среди всех слоев населения, не исключая и рабочих и простого люда, а также и учащейся молодежи». (Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 48).

Уйдя в отставку, А.А. Козлов в начале августа того же года получил бессрочный заграничный отпуск и выехал на лечение за границу. Проживал преимущественно в Швейцарии. В 1920 г. переехал в Германию, где, спустя четыре года, скончался в возрасте 87 лет. Похоронен в Берлине на православном кладбище Тегель.



**СВЕРБЕЕВ Александр Дмитриевич** (1835 – 1917) – гос. деятель, костромской вице-губернатор (1868–1878), самарский губернатор в 1878–1891 гг, впоследствии сенатор, действительный тайный советник (1905); знакомый Л.Н. Толстого. Из дворянского рода Свербеевых. Сын знаменитого дипломата, литератора и коллекционера Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1876) и его жены Екатерины Александровны, урождённой княжны Щербаковой (1808–1892). Воспитывался в многодетной семье: у родителей было 10 детей (5 сыновей и 5 дочерей). После окончания в 1856 г. Московского университета А.Д. Свербеев начал службу по ведомству министерства внутренних дел. В 1864 г. получил придворное звание камер-юнкера, а через четыре года был назначен костромским вице-губернатором, занимая этот пост в течение десяти лет. В марте 1871 г ему присвоили «генеральский» чин действительного статского советника, а 23 октября

1878 г. он получил назначение на губернаторскую должность в Самару, которую занимал на протяжении 13 лет.

Характерно, что на время губернаторского правления «просвещённого консерватора» Свербеева пришёлся пик революционной деятельности народников. Как губернатор, он считал, что все революционные брожения являются порождением студенческой среды и делал все возможное для прекращения революционной деятельности – боролся с авторами и распространителями прокламаций, координировал работу полиции и жандармерии. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы канцелярии Самарского губернатора, среди которых имеется и совершенно секретное дело «Об отставном поручике графе Льве Толстом», заведённое 13 июня 1883 года.

Именно в этот день губернатор Свербеев получил от начальника Самарского губернского жандармского управления генерал-майора Смолькова донесение с грифом «Совершенно секретно», в котором сообщалось, что по полученным сведениям от начальника Тульского ГЖУ от 8 июня с.г., «отставной поручик граф Лев Николаевич Толстой, состоящий под негласным наблюдением в Москве, учреждённым, согласно циркуляра г-на министра внутренних дел по департаменту полиции от 11 сентября 1882 года за № 1202, в виду сношений Толстого с сектантами, прибыл из Москвы в с. Ясные Поляны Тульской губернии и пробывши там с неделю времени, выехал в 20-х числах минувшего мая в хутор графа Толстого Самарской губ. Бузулукского уезда».

На следующий день, 14 июня, губернатор Свербеев направил секретное предписание бузулукскому уездному исправнику штабс-капитану Бехтееву о необходимости «учреждения негласного наблюдения за гр. Толстым». Прошёл почти месяц и только 13 июля от исправника поступил рапорт, в котором он сообщал, что «граф Лев Николаевич Толстой, бывая в селе Гавриловке, и разговаривая с крестьянами, внушал им, что их понятия об учении господина Иисуса Христа ложны, что напрасно они устраивают храмы,

совершают богослужение и молятся вновь, что, по учению спасителя, люди, живущие на земле, все равны между собой, никто ничего не должен считать своим; всё общее; царства на земле нет, оно в самом человеке». Далее исправник сообщал, что, когда церковный староста того села Тимофей Бузыкин задал графу вопрос: почему тогда он, придерживаясь учения спасителя, не раздаёт даром свои имения, а сдаёт за деньги, Толстой ответил: «Лично я согласен даром отдать землю, но мне не позволяет жена...». При этом Бузыкина Толстой назвал серьёзным человеком, обещал ему прийти к нему домой и ещё побеседовать. В конце рапорта исправник Бехтеев уточнял, что указанный разговор происходил в доме крестьянина Курносова в присутствии крестьян: Василия, Алексея и Леонтия Федотовых, Кузьмы Панкратова и Николая Чирьева.

Тремя днями раньше штабс-капитан Бехтеев направил своему непосредственному начальству в Самарское ГЖУ донесение, в котором более подробно раскрывал особенности взаимоотношения графа Толстого с местными крестьянами. В частности, он сообщал, что «состоящий под негласным наблюдением отставной поручик граф Лев Николаевич Толстой прибыл в своё поместье, близ села Гавриловки Петровской волости, 2-го стана Бузулукского уезда 24-го мая с.г., а 12 июня делал сход в селе Гавриловке в доме крестьянина Василия Никитича Проскина». При этом исправник перечислял фамилии крестьян, присутствовавших на беседе.

В донесении исправник подчёркивал, что граф Толстой «старался внушать принцип равенства, доказывая, что все должны делиться друг с другом; церкви украшать – глупо, так как это составляет напрасную трату денег. Может пройти и более ста лет, когда наступит время, что не нужно будет замков к амбарам, так как всё будет общее...». По мнению Бехтеева, крестьяне из общения с Толстым поняли, что граф «отвергает власть и правительство, а потому по выходе с беседы заключили, что он не сектант, а просто социалист».

Кроме того, исправник доносил своему начальству и о занятиях поднадзорного графа Толстого. «Граф Лев Толстой, – пишет он, – между прочим, вопреки своей беседе о равенстве и общем достоянии, продаёт свой дом и всё его имущество в свою пользу, а не для общих интересов и только землю оставляет в пожизненное своё владение, из которой 2500 десятин отдаёт в аренду на 12 лет крестьянам села Гавриловки по 1-му рублю с десятины в год, а Петровским молоканам 3000 десятин по 80 копеек за десятину в год, на 12 лет». Заканчивалось донесение утверждением, что «о времени отъезда графа Толстого и сколько он намерен пробыть и будет ли ещё проведывать [крестьян], пока сведений не имеется».

Рапорт исправника Бехтеева в канцелярию губернатора поступил 13 июля, а уже на следующий день в Бузулук был направлен запрос, в котором исправнику предписывалось донести «проживает ли в настоящее время в своём хуторе отставной поручик граф Лев Николаевич Толстой, а если нет, то куда и когда выехал».

Получив губернаторский запрос, бузулукский исправник счёл своим долгом, прежде всего, сообщить добытую информацию в жандармское управление. «Имею честь донести, – докладывал Бехтеев, – что состоящий под негласным наблюдением отставной поручик граф Лев Николаевич Толстой 28 июня выехал из своего имения близ села Гавриловка Павловской волости Бузулукского уезда в города Москву или Тулу».

20 июля он же в рапорте самарскому губернатору уточнял координаты местонахождения поднадзорного графа Толстого, указывая, что он «...28 минувшего июня выехал на постоянное жительство в имение своё, в Тульскую губернию». Об этом уточнении местонахождения Толстого губернатор Свербеев поспешил сообщить начальнику Самарского ГЖУ генералу Смолькову, хотя тот ещё 18 июля уведомил об этом своего тульского коллегу. (Мartiновская А.И. Л.Н. Толстой под наблюдением Самарской жандармерии // Лев Толстой и Самара: Восп., письма, статьи. Куйбышев, 1988. С. 207–212).

В декабре 1891 г. А.Д. Свербеев по решению министра внутренних дел И.Н. Дурново был переведен из Самары в Петербург, где получил назначение в 4-й Департамент Правительствующего Сената, откуда и ушёл в отставку.

Л.Н. Толстой был знаком с Самарским губернатором А.Д. Свербеевым, о чём свидетельствует письмо Ф.Д. Батюшкова к В.Г. Короленко от 28 января 1901 г. «Дорогой Владимир Галактионович, – писал Батюшков, – знаете ли, что история декабриста Чернышёва должна была составить содержание романа («Декабристы» – В.Ч.) Л.Н. Толстого? Я на это набрёл недавно по указанию некоего А. Д. Свербеева, который слышал схему романа от самого Толстого» (17; 497).

Вспоминал Лев Николаевич Самарского губернатора А.Д. Свербеева и в письме (1888 г.) к своему «близкому другу» учителю В.И. Алексееву. В частности, писатель, намереваясь оказать содействие Алексееву в подыскании работы, писал: «К Самарск[ому] губ[ернатору] к Свербееву пустим через его брата (Д.Д. Свербеева – В.Ч.) увещание...» (64; 211).

Когда и где состоялось знакомство Толстого с А.Д. Свербеевым неизвестно. Можно предположить, что это событие произошло в период приобретения писателем земли в Самарской губ. а, возможно, когда А.Д. Свербеев приезжал в гости в Тулу к своему родному брату – Дмитрию Дмитриевичу Свербееву (1845–1920), вице-губернатору Тульской губ., с которым Толстой был близко знаком.

**Труфанова Маргарита Ивановна,**  
*магистр филологии (аспирант 2 года обучения) Московского городского педагогического университета.*

## **Правовое положение незаконнорождённых детей во второй половине XIX века (по роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстого)**

Во второй половине XIX века правовой статус детей в России, как рожденных в официальном браке, так и незаконнорождённых, оставался не проясненным. При Александре II в 1858 году были утверждены Правила о принятии и рассмотрении ходатайств об узаконении детей, но эта процедура могла быть применена при некоторых особых условиях.

Единственным лицом, имеющим право разрешать узаконение ребенка, т.е. приравнять вполне или отчасти незаконнорожденного с юридической точки зрения к законному, был император. Возможностью могли воспользоваться просители, имеющие особые заслуги и вступившие впоследствии в законный брак. Всё это усложняло процедуру легитимации и приводило к серьезным последствиям, связанным с нравственными и юридическими аспектами жизни.

Правительство не могло дать разрешение о предоставлении данного права всем желающим; главная причина, которую выделяли общественные деятели, состояла в том, что «нравственная распущенность и поправление семейных отношений, которые стали бы неизбежным следствием предоставления такого права», были бы повсеместными. Но такие жесткие меры приводили лишь к тому, что незаконнорожденных детей оставляли в воспитательных домах, приютах, больницах или отправляли в чужую семью в другую губернию. По данным Статистики Российской империи, в Санкт-Петербурге в 1861 году количество незаконных детей составляло 11,7%<sup>1</sup> от общего числа родившихся в городе, а в 1876 году процент увеличился до 14%<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Движение населения в Европейской России. 1861–1865 гг. С. 2-3

<sup>2</sup> Статистический Временник Российской империи. – Серия II. – Вып. 12. – СПб., 1877. С.62-63



Данная проблема активно обсуждалась в 1870-1880 гг. общественностью, поднимался вопрос о кардинальном изменении законодательства. Но только 12 марта 1891 года был принят закон об узаконении и усыновлении детей.

Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1878) отображает социальные изменения, происходящие во второй половине XIX в. Писатель показывает наступающий кризис старой семьи, появление новых моделей семейных отношений, к которым светское общество не готово, назревающие проблемы, связанные с положением детей и женщин в семье.

В произведении Толстого изображены мысли и взгляды современного ему общества. Это подчеркивали и современники писателя. Один из первых рецензентов романа «Анна Каренина» писал: *«Тонко подметил автор те признаки переходного состояния наших общественных воззрений на семью, которые кладут печать нерешительности и колебаний на семейные распорядки большинства нашего цивилизованного общества»*<sup>3</sup>.

Изображение особенностей правового положения детей прежде всего связано с главной героиней романа. Согласно общественному мнению, Анна Каренина, пренебрегая узами церковного брака, прелюбодействует и разрушает семью. Она попадает в ситуацию, когда муж, следуя нормам приличия и закона, намерен оставить ребенка у себя.

Каренин, готовя объяснение с женой об её измене, сразу продумывает все возможные последствия, связанные с ее позорным положением в обществе: *«Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в-третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на ее собственное несчастье»*<sup>4</sup>.

---

<sup>3</sup> Зелинский В.А. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М.: Тип. Вильде, 1912. С. 33

<sup>4</sup> Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Худ. лит., 1934. Т.18. С.153.

Неверная жена навсегда лишалась брачной правоспособности и должна была предстать перед церковным или светским судом<sup>5</sup>. Таким образом, судьба Сережи была предрешена. В случае подтверждения прелюбодеяния и официального развода мальчик оставался с отцом.

Жена в середине XIX века была бесправна, она «обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, и почтении и в неограниченном послушании»<sup>6</sup>. Анна Каренина понимала всю сложность своего безвыходного положения. И поэтому единственным верным решением, по ее мнению, было сбежать с сыном: *«Даже скорее, как можно скорее надо действовать, пока его не отняли у ней. Надо взять сына и уехать. Вот одно, что ей надо теперь делать»*<sup>7</sup>.

Но этот поступок привел бы не только к преследованию ее с сыном, осуждению со стороны общества, но и к бедственному финансовому положению. Каренина вышла замуж по расчету и не имела никакого материального состояния, ей некуда было бежать, никто из родственников или друзей не принял бы ее.

Положение главной героини усугубляется ее беременностью. Ребенок, рожденный от Вронского, по закону считался бы незаконнорожденным. В Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета от 6 февраля 1850 года «О пояснениях и исправлениях узаконений о действительности и законности браков и о детях, от сих браков рожденных» четко прописывались категории детей, которые не признавались государством законными. В документе говорилось о детях, рожденных вне брака, в результате прелюбодеяния или появившихся в браке, который позже был признан нелегитимным и недействительным и т.д. У таких детей не было права на фамилию отца и наследство любого родственника, его лишали всех дворянских

---

<sup>5</sup> Гончаров М.Ю. Городская семья Сибири второй половины XIX - начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. С.55

<sup>6</sup> Свод законов Российской империи. Т.10. Ч.1: О союзе брачном. С. 2

<sup>7</sup> Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1934. Т. 18. С. 305

привилегий. Ребенок, живя среди своих кровных родных, чувствовал себя чужим (безродным).

Тяжесть такого положения ощущали не только дети, но и родители. Вронский в беседе с Дарьей Александровной делится с ней своими переживаниями: *«Моя дочь по закону — не моя дочь, а Каренина... И завтра родится сын, мой сын, и он по закону — Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье и сколько бы у нас ни было детей, между мною и ими нет связи. Они Каренины. Вы поймите тягость и ужас этого положения!»*<sup>8</sup>.

Желание Вронского создать семью с Карениной невыполнимо. После развода по факту измены, Анне пришлось бы понести наказание, и разрешение на повторный брак ей бы дано не было. Они могли бы тайно обвенчаться, но такая форма сожителства была бы признана незаконной, и дети их попадали в категорию незаконнорожденных. Быть незаконнорожденным считалось позорным, внебрачные дети не имели никаких юридических прав, ощущали себя неполноценными членами общества. Только в 1902 году было установлено, что «внебрачный ребенок имеет право наследовать имущество своей матери и имеет право на ограниченное содержание от отца, если удавалось доказать происхождение от него ребенка»<sup>9</sup>.

Тяжело складывалась жизнь таких детей в России XIX в. Эта проблема неоднократно освещалась русскими писателями. В частности, в произведениях И.С. Тургенева («Ася», 1857, «Новь», 1877), Ф.М. Достоевского («Подросток», 1875) и др. В романе Толстого о «неверной жене» угроза детям перейти или остаться в ранге незаконных становится важной *мотивировкой развития сюжета*.

---

<sup>8</sup> Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 19. С. 202

<sup>9</sup> Синдаловский Н. Великие бастарды: Правда и мифы рожденных вне брака // Нева, 2014, №8

## **Библиографический список**

### ***Источники***

1. Движение населения в Европейской России. 1861–1865 гг.
2. Свод законов Российской империи. Т.10. Ч.1: О союзе брачном. С. 1–12. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/16.html#img17>
3. Статистический Временник Российской империи. Серия II. Вып. 12. СПб., 1877.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т.18. М.: Худ. лит., 1934. 556 с.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т.19. М.: Худ. лит., 1935. 518 с.

### ***Литература***

6. Гончаров М.Ю. Городская семья Сибири второй половины XIX - начала XX в. : Монография / Ю. М. Гончаров. - Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. 383 с
7. Зелинский В.А. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого: Хронол. сб. критико-библиогр. ст. 3-е. изд. М.: Тип. Вильде, 1912. 234 с.
8. Синдаловский Н. Великие бастарды: Правда и мифы рожденных вне брака // Нева, 2014, № 8.

**Сафонов Владислав Александрович,  
Юрашевич Даниил Александрович,**

*студенты Тульского филиала Всероссийского государственного  
университета юстиции (РПА Минюста России)*

Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент А.В. Кирилин

## **О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»**

Наш великий земляк Лев Николаевич Толстой являлся безусловным мастером реалистической литературы XIX века. В своих произведениях писатель постоянно стремился к исторической достоверности описываемых сюжетов. Большинство персонажей и сюжетов в творчестве писателя имеют реальные прототипы.

Роман «Воскресение» основан на действительно имевшем место судебном процессе, о котором Л.Н. Толстому поведал один из близких друзей писателя известный юрист А.Ф. Кони. В романе описан процесс (с первого судебного заседания до прибытия к месту ссылки в Сибирь) по уголовному делу Е. Масловой, обвиненной в отравлении. Полная и точная запись этого процесса была изучена писателем очень подробно. Кроме того, помимо дела Масловой, Львом Николаевичем были проанализированы материалы схожих уголовных дел.

Сюжетная линия «Воскресения» разворачивается во время правления Александра III, а именно, в конце 1880-х гг. В указанный период (последняя четверть XIX века) уголовные дела в судах империи рассматривались на основании Устава уголовного судопроизводства, принятого в ходе судебной реформы 1864 г. В соответствии с Уставами Судебными, российская судебная система делилась на суды мировые и общие. Для рассмотрения мелких уголовных дел был учрежден институт мировых судей. Институт общих судов включал в себя три инстанции – окружные суды, судебные палаты и

кассационный департамент правительствующего сената. Уголовные дела, не подсудные мировым судьям, рассматривались в окружных судах. Дела рассматривались как с участием присяжных заседателей, так и без них.

В судопроизводстве в отношении Е. Масловой процесс велся с участием присяжных заседателей. С точки зрения уголовного процесса, три части романа являются, по сути, тремя стадиями судопроизводства этого уголовного дела, то есть рассмотрение уголовного дела в окружном суде (первая инстанция), обжалование приговора по кассационному процессу и исполнение приговора.

Дело, в котором Маслова была обвинена в убийстве купца Смелькова путем отравления, предусматривало наказание, соединенное с ограничением или лишением прав состояния, поэтому, в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства Российской империи, данное дело рассматривалось с участием присяжных заседателей. В третьей главе первой части романа, кн. М. Корчагина указала в письме Нехлюдову, что в дату судебного заседания Нехлюдов должен был присутствовать в суде присяжных.

В судебном заседании окружного суда должны присутствовать не менее трех судей, прокурор или товарищ прокурора, и секретарь или помощник<sup>1</sup>. В 6,7 главах I части романа мы ознакомились с присутствующими на заседании дела: три члена суда – энергичный председатель, пессимистический судья и судья с гастритом; самоуверенный консервативный товарищ прокурора и либеральный секретарь, читающий запрещенную статью<sup>2</sup>.

Подготовительные процессы перед судебным заседанием подробно описываются в главе 8 части I: судьи сели, привод подсудимых, перечисление присяжных заседателей, рассуждение о неявившихся, наложение на них штрафов, пополнение неявившихся запасными. После чего священник привел заседателей к присяге. Эта сцена описана особенно детально и живо. Текст присяги абсолютно совпал с законом: «Обещаюсь и клянусь всемогущим

---

<sup>1</sup> Устав уголовного судопроизводства. 1864. Ст. 595.

<sup>2</sup> Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 32. Воскресение. Государственное издательство «Художественная литература». 1936. С. 14.

Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, что по делу, по которому ...».

Судебный процесс в окружном суде был гласным, велся устно и проходил по принципу состязательности сторон. Подсудимый имел право защиты, мог избирать защитников сам или просить председателя суда назначить ему защитника. Для двух или более подсудимых по одному делу мог быть один общий защитник, когда существо защиты одного из них не противоречило защите другого (данное положение имеет место и в нынешнем уголовном процессе России)<sup>3</sup>. В романе защитник Масловой – назначенный от суда кандидат на судебную должность, а два другие подсудимые в деле, Картинкин и Бочкова, совместно наняли присяжного поверенного.

В главах с 9 по 11 и с 20 по 24 части I романа Лев Николаевич описывает цельный процесс заседания в окружном суде: в 9 главе председатель предлагал подсудимым вопросы о личной информации и справлялся, получили ли они копии обвинительного акта. В главе 10 описано оглашение обвинительного акта, то есть заседание началось официально. Читатели могут отметить, насколько профессионально составлены были эти обвинительный акт и следовавшее ниже врачебное исследование трупа купца Смелькова, а также вопросы суда к присяжным заседателям, в которых были ясно и систематически изложены факты, приведены специальные юридические термины и т.д. Близкий друг Л.Н. Толстого, судебный деятель Н.В. Давыдов (председатель Московского окружного суда) написал эти тексты для романа. В главе 11 председатель кратко излагал существо обвинения и спросил подсудимых, признают ли они себя виновными. Признания вины не последовало, после чего началось судебное следствие. В главах 19, 20 произведена оценка доказательств. В 21 главе оглашены заключительные прения и последнее слово подсудимых. В главе 22 судьи поставили перед присяжными вопросы, и председатель выступил с резюме (напутственным словом). В главе 23 присяжные заседатели в специально отведенной для них

---

<sup>3</sup> Устав уголовного судопроизводства. 1864. Ст. 565, 566, 567.

комнате совещались и решили по вопросному листу. В главе 24 происходит провозглашение приговора, которым объявлялось, что Маслова лишена всех прав состояния и сослана в каторжные работы на 4 года. Запись и изложение цельного судебного процесса было даже более исчерпывающим и подробным, чем в судебном протоколе, и в точном соответствии с действовавшими на то время законами.

По законам Российской империи, имелись два вида уголовных приговоров: окончательный и неокончательный. Приговор окружного суда, вынесенный с участием присяжных заседателей, считался окончательным и мог быть обжалован только в кассационном порядке в Сенат<sup>4</sup>. Данная стадия точно отражена в романе. В главе 25 части I после объявления приговора Нехлюдов пошел к адвокату Фанарину и сказал: «Я желал бы кассировать дело и перенести его в высшую инстанцию, в Сенат».

Сенат был высшим судебным органом дореволюционной России. Он выступал главным образом как высшая кассационная инстанция по окончательным приговорам съездов мировых судов, окружных судов и судебных палат. При Сенате создали два кассационных департамента – уголовный и гражданский. Кассационные департаменты правительствующего Сената находились в Санкт-Петербурге<sup>5</sup>

Сенаторы кассационных департаментов назначались из опытных обер-прокуроров, товарищей обер-прокуроров, председателей и товарищей председателей суда. Об этом имеется упоминание в романе, например, в главе 18 части II адвокат Фанарин оценил сенаторов, рассматривавших дело Масловой: «Сковородников – ученый юрист».

Порядок рассмотрения кассационной жалобы Масловой описан в главах 20, 21 части II. В Сенат никто из участвующих в деле не вызывался к слушанию, но никому не воспрещалось присутствовать при докладе. Из этого следует, что рассмотрение в кассационном процессе было письменным, было

---

<sup>4</sup> Устав уголовного судопроизводства 1864. Ст. 855.

<sup>5</sup> Учреждение судебных постановлений. 1866. С. 115.



разрешено закрытое рассмотрение, но решение Сената нужно было провозгласить публично. В романе, например, судебный пристав сказал Фанарину, что «дело это полагалось без сторон, так что господа сенаторы едва ли выйдут после объявления решения».

По Уставу уголовного судопроизводства, жалобы на окончательные приговоры (коим и являлся постановленный с участием присяжных) допускаются в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного толкования либо в случае нарушения обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в правовую силу<sup>6</sup>.

Л.Н. Толстой знал, что в кассационном порядке рассматривались только вопросы права. Так, в главе 45 части I адвокат Фанарин самодовольно зачитывает Нехлюдову жалобу, в которой подчеркивал следующий повод для отмены приговора: «Приговор этот является результатом столь важных процессуальных нарушений и ошибок». В главе 16 части II перед рассмотрением дела Масловой в кассационном департаменте Вольф принял Нехлюдова и сказал: «Сенат не может рассматривать дела по существу... Сенат следит только за правильностью применения законов и толкования его».

Последней стадией является исполнение приговора. Судебный приговор входит в законную силу в трех случаях: 1) если отзывы неокончательного приговора не предъявлены в установленный срок в порядке апелляционном; 2) если жалобы на окончательный приговор не предъявлены в установленный срок в порядке кассационном; 3) если жалобы в кассационном порядке оставлены без последствий. Когда приговор вступает в законную силу, то он должен обращаться к исполнению. Обязанности распоряжения по исполнению различных видов приговоров принадлежали различным органам и должностным лицам. Например, заключение в тюрьму относилось к обязанности прокурора, а распоряжение о ссылке осужденных в каторжную работу, на поселение или на жительство в сибирские или другие отдаленные

---

<sup>6</sup> Устав уголовного судопроизводства. 1864. Ст. 912.

губернии принадлежало губернскому правлению<sup>7</sup>. В главе 22 части III романа происходит сцена, в которой, когда Нехлюдов узнал, что комиссия прошений заменила Масловой каторжные работы поселением в Сибири, он нанес визит генералу той сибирской губернии, в которую сослали Маслову, поскольку распоряжаться ссылкой осужденных в каторжные работы и на поселение имело право именно губернское правление.

Из правил о немедленном исполнении приговора допускались некоторые изъятия. Так, по статье 959 Устава уголовного судопроизводства допускалось повременить с исполнением наказаний над больными осужденными, беременными женщинами и недавно разрешившимися от бремени. Эта правовая норма была воплощением «милости», объявленной Александром II в Указе от 20 ноября 1864 года. Но на практике данное положение о милости не соблюдалось строго. Например, в пункте 2 статьи 959 Устава уголовного судопроизводства было указано, что «исполнение наказаний над женщинами беременными или недавно разрешившимися от бремени отлагается до истечения сорока дней после родов». В главе 35 части II романа упоминается, что в шествии ссыльных шла беременная женщина. Из-за тряски, утомления и страха, она разрешалась от бремени в поезде. Когда Нехлюдов за эту женщину просил конвойного о помощи, последний безразлично сказал: «Ну и пускай рожает. Там видно будет».

Роман «Воскресение» Льва Николаевича Толстого является литературным произведением, в котором нашли довольно полное отражение особенности не только социально-экономической, но и «правовой» жизни России второй половины XIX века. В романе ярко и талантливо показана российская система правосудия того исторического периода со всеми ее достоинствами и недостатками. Великий русский писатель надеялся, что роман станет своеобразной «воронкой, горлышком, через которое на читающих эту

---

<sup>7</sup> Устав уголовного судопроизводства. 1864. Ст. 941.

книгу, выльются «все жалобы общества»<sup>8</sup>, вскроется определенная абсурдность российского судопроизводства, несправедливость законов и судебных чиновников. Толстой ненавидел формализм членов суда и прокуроров, но в то же время понимал, что служащие судебного ведомства должны, с одной стороны, быть образованными и высоконравственными людьми, с другой – неукоснительно соблюдать все процессуальные нормы, закрепленные в законах. Нарушение формализованной юридической процедурной справедливости высшей иногда может и стать причиной серьезного нарушения последней.

Роман «Воскресение» Л.Н. Толстого демонстрирует, что через художественное творчество возможно изучение истории российского государства<sup>9</sup>.

#### **Список литературы**

- 1) Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 32, Воскресение, Государственной издательство «Художественная литература», 1936, с. 14.
- 2) Чу Шэннань. Особенности уголовно-процессуального права ... // Политика и право ученые записки. Благовещенск, 2016. С. 47-54.
- 3) Устав уголовного судопроизводства, 1866.

---

<sup>8</sup> Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 32. Воскресение. Государственное издательство «Художественная литература». 1936. С. 237.

<sup>9</sup> Чу Шэннань. Особенности уголовно-процессуального права ... // Политика и право ученые записки. Благовещенск, 2016. С. 47-54.

**Гасанов Руслан Намикович, Суровикина Анастасия  
Вячеславовна,**  
*студенты Тульского государственного университета  
Института права и управления*  
Научный руководитель - профессор кафедры ИГиП Соломатин Е.Н.

## **Влияние Д.И. Мейера на личность Л.Н. Толстого**

Первая встреча двух исторических личностей – «отца русского гражданского права» Дмитрия Ивановича Мейера и «гения мировой литературы» Льва Николаевича Толстого» - прошла в Казанском государственном университете, двери которого были открыты для молодого графа 30 мая 1844 года.

Именно в этот день Лев Толстой подает прошение на имя ректора Казанского Университета Н. Лобачевского: «Желая поступить в число Студентов по Восточному отделению философского факультета Императорского Казанского Университета, прошу Ваше Превосходительство допустить меня к испытаниям». С самого начала учеба не привлекла юного Толстого. Впоследствии из-за проблем с оценками по российской истории и немецкому был вынужден перевестись на юридический факультет. Сообщая об этом «тетеньке» Т. А. Ергольской, он сделал интересное пояснение: «Я нахожу, что приложение этой науки к нашей частной жизни делается легче и естественнее любой другой» [1, с.151].

В связи с написанной Левенфельдом биографией Толстого есть основания думать, что решение перейти на юридический факультет было принято не просто так. «Во всем Казанском университете, — говорит Левенфельд, — был только один симпатичный Толстому профессор, — это был профессор гражданского права Мейер, имевший сильное влияние на Льва Николаевича».

Воспитанник петербургского Главного педагогического института, Дмитрий Иванович Мейер моментально завоевал умы студентов, прочитав в январе 1845 года пробную лекцию на конференции института. Лекция Мейера

имела огромный научный и общественный успех. Тот же Г. Ф. Шершеневич говорит: «Студенты Казанского университета выносили из его лекций такую массу знаний, какой не получали в ту эпоху нигде слушатели. Смелое слово учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета...» [4, с.76] Именно здесь, на юридическом факультете Казанского университета под влиянием уникального преподавательского состава, в том числе и «отца русского гражданского права» Мейера, формировались правовые и философские взгляды на злободневные проблемы общества. Один из студентов вспоминал, как на первой лекции в аудиторию вошел маленький, худенький человек с бледным выразительным лицом, начал лекцию тихим взволнованным голосом, но вскоре овладел собой: «Студенты старались не проронить ни одного слова, тщательно записывали; были от него в восторге и ждали его лекции, словно праздника. Между тем, на экзаменах он был строг, требователен – отделаться от него кой-какими ответами, фразами было немыслимо; а любовь к нему и популярность росла с каждым часом... К студентам он был близок, отлично всех знал; они его посещали и пользовались советами и книгами; Мейер вступал с ними в прения и старался выведать в студенте человека». Как полвека спустя писал Н.В.Шелгунов, «источником новых стремлений в обществе были тогдашние университеты: Московский, с Грановским во главе, и Казанский, где кумиром студентов был профессор Мейер...Таких профессоров нынче уже нет».

На втором курсе Дмитрий Иванович обратил внимание на «будущего гения литературы» и поручил ему серьезную самостоятельную работу: анализ двух работ «Наказа» Екатерины 2 и «О духе законов» Шарля Монтескье. Данное исследование не только очень сильно повлияло на Толстого, но и увлекло его так, что он «окунулся с головой в работу: на протяжении трех летних месяцев в Ясной Поляне Толстой посвятил себя заданию профессора. В дневнике юного Льва Толстого мы можем найти момент относительно данного воспоминания: «И я помню, меня эта работа

увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься» [2, с.7]. И действительно, именно в свои казанские годы Лев серьезно занимается чтением. Он прочёл двадцать томов Руссо – всё, до музыкального словаря включительно, он надевает на шею медальон с изображением Руссо, он собирается добиться исправления мира через самоисправление [8, с. 134]. Таким образом, мы понимаем, что Л.Н. Толстой ставил нравственность выше права и закона.

Проанализировав данные работы, граф приходит к неоднозначному выводу: «Наказ» принёс больше славы Екатерине, чем пользы России»[5, с. 232]. Также следует полагать, что под влиянием личности Мейера Толстой среди работы о «Наказе» пишет следующую запись: «Во мне начинает проявляться страсть к наукам, — записывает Толстой 19 марта 1847 года, — хотя из страстей человека это есть благороднейшая, но не менее того я никогда не предамся ей односторонне, т. е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложением, единственно стремясь к образованию ума и наполнению памяти. Односторонность есть главная причина несчастий человека». Это исследование привело молодого Толстого к глубоким размышлениям об истоках права, о государственном устройстве... В дневнике студент Л. Толстой запишет: «Работа с «Наказом» и «О духе законов» открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей» [6, с. 207]. Дмитрий Иванович тоже отметил Толстого, хоть он и не принадлежал к числу его близких учеников. П. Пекарский приводит слова, сказанные Мейером о Толстом: «Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вовсе нет охоты заниматься; а это жаль: у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза, что я убежден, что, при доброй воле и самостоятельности, он мог бы сделаться замечательным человеком» [7, с. 54]. Данное воспоминание полностью заслуживает доверия, поскольку оно появилось в 1859 году, когда Лев Николаевич ещё не стал именитым писателем. Мейер понял, что перед ним

юноша с серьезными общественно-философскими взглядами.

Таким образом, знакомство этих двух великих людей не прошло незаметно для каждого из них. Данная встреча стала судьбоносной для Толстого. Молодой преподаватель смог пробудить жажду знаний в своём студенте. Позднее Толстой в беседе с А. Б. Гольденвейзером скажет, что именно под влиянием Мейера он захотел заниматься и поэтому бросил институт, который мешал ему в этом деле[3, с.27].

Невозможно не признать, что Мейер оказал на Толстого неизгладимое впечатление. Писатель, как и многие другие ученики этого профессора под воздействием его лекций, наполненных осуждением системы крепостничества, уехав в своё имение, предпринял ряд мер по улучшению жизни крепостных. Бросив Казанский университет, он прибыл в Ясную Поляну - свою усадьбу, которая досталась по наследству, Л.Н. Толстой задумал проект коренного переустройства социально-экономического уклада жизни крепостного крестьянства. С этой целью он углубленно изучает юриспруденцию, особенно в части, касаемой плана всеобщего государственного образования, открыл школу для детей крестьян. Более того, весной 1849 г. Толстой отправляется в Петербургский университет для сдачи экзаменов на степень кандидата права, хотя незадолго до смерти в 1909 г. граф изложит, что в 18 лет считал, что «занятие юриспруденцией свыше моих умственных способностей». Таким образом, Толстой, обучаясь в Казанском университете, познакомился с прекрасным преподавателем, из-за которого он поменял свой взгляд на многие вещи и который привил ему интерес к юриспруденции. Да, Лев Николаевич не стал юристом, но именно в Казанском университете на юридическом факультете граф выбирает «область самостоятельного умственного труда», благодаря чему оставил след в литературе как гениальный писатель-реалист. И в этом, несомненно, была доля заслуги профессора правоведения Мейера.

### Список литературы:

1. А.Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, Гослитиздат, М. 1959. С. 148.
2. А.Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, Гослитиздат, М. 1959 С.79.
3. А.Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, Гослитиздат, М. 1959 С.231.
- 4.«Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета» ч. 2 Казань 1904. С. 456.
- 5.Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855г. М. : Изд-во Акад. Наук СССР,1954. С.225.
- 6.П.И. Бирюков, Л.Н. Толстой, Т.1 С.138.
- 7.П. Пекарский, Студенческие воспоминания о Д.И. Мейере. С.217.
- 8.Эйхенбаум Б. Из студенческих лет Л.Н. Толстого С.3.



**Дудорова Алина Витальевна,**  
*студентка Тульского филиала Международного юридического института*

## **«Золотая молодежь». Вчера, сегодня... Завтра?**

Мы часто слышим по телевидению эти слова, когда речь идет о молодых людях, считающих, что им все можно, что они не обязаны подчиняться закону на тех же самых принципах, что и все остальные люди - это так называемая «золотая молодежь». Это понятие появилось во Франции после французской революции 1789 г. Так стали называть себя дети внезапно разбогатевших родителей. Молодые люди ставили перед собой единственную цель - наслаждаться жизнью.

Роман-эпопея «Война и мир» написан Л.Н.Толстым в 1868- 1869 годах. Огромен охват изображаемых событий, показ жизни различных слоев общества, отдельных людей. Уже в самых первых главах он рассказывает о жизни «золотой молодежи» Петербурга. Рассказывая о поведении и развлечениях молодых людей высшего общества, Толстой опирается на свой собственный печальный опыт казанского пребывания. Учась в Казанском университете, Л.Н.Толстой сам принимал участие в подобных пирушках. Опирался он на рассказы Ф.И. Толстого («Американца»), своего дяди, который и являлся прототипом Долохова. Неслучайно Толстой дает ему имя своего дяди. Жажда развлечений, стремление испытать всевозможные удовольствия отличали Ф.И. Толстого, этими чертами обладает и Долохов.

Л.Н. Толстой знаком с французским термином «золотая молодежь», но не использует его для характеристики молодых людей, думающих, что им все позволено. О безобразиях, которые творит в Санкт-Петербурге «золотая молодежь», мы узнаем в первом томе романа. Князь Андрей предупреждает своего молодого друга Пьера Безухова: «... перестань ты ездить к этим Курагиным, вести эту жизнь. Так это не идет тебе: все эти кутежи и гусарство, и все...». Опытный князь Андрей, понимает, что общество людей, которые пренебрегают общественными устоями и законами, ничего хорошего Пьеру дать

не может. Ахросимова Марья Дмитриевна, которую все глубоко уважают и с чьим мнением все считаются, говорит Пьеру: « - Хорош, нечего сказать! Хорош мальчик!.. Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает. стыдно, батюшка, стыдно!» Что же вызвало такое негодование столь благородной дамы? Об этом происшествии мы узнаем в 6-ой главе I тома. Пьер приезжает в общество молодых людей в самый разгар ночного кутежа. Все играют в карты, пьют вино и развлекаются: от скуки Долохов на спор пьет бутылку рома, сидя на окне третьего этажа, спустив ноги наружу. Федор верит в свои силы, не любит проигрывать и очень любит рисковать, поэтому выигрывает спор. Пьер тоже хочет повторить этот трюк, но все против, а Долохов с усмешкой его подбадривает, хотя уверен, что у Безухова ничего не получится. Это могло закончиться для Пьера смертью. Что грозило бы Долохову, если бы Пьер разбился? Ничего. Если бы подобное произошло сейчас, то доказать виновность кого-либо из присутствующих в смерти Пьера было бы невозможно. Статья УК РФ о доведении человека до самоубийства не могла быть использована, и все списали бы на несчастный случай.

О том, что происходило потом, мы узнаем из восьмой главы романа. Во время приёма в доме Ростовых. Гости обсуждают происшествие в городе с участием представителей «золотой молодежи». «Можете себе представить: они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина со спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем...» Как анекдот рассказывают этот случай гости Ростовых. И даже удивительно, что добрый хозяин дома, Илья Ростов, смеётся над этим: «Хороша фигура квартального,- закричал граф, помирая со смеху». «Насилу спасли этого несчастного», - добавила гостя». Как мы видим, высшее общество не сочувствует несчастному квартальному надзирателю. Он для них - ничто! Разберемся более подробно с тем, что произошло в данном эпизоде, с позиции закона. Ночью группа молодых людей устроила беспорядки. Нарушена ночная тишина... Можно представить, какой ужас испытали молоденькие актрисы, к

которым ввалились Курагин, Долохов и Безухов, притащив еще с собой озверевшего медведя. Сейчас бы эти действия были названы хулиганскими. Однако, тогда это слово еще не было в ходу. История его появления связана с английским семейством Хулиган, которое жило в 17 - 19 веках в городе Саусворк. Под руководством Патрика Хулигана, попирая все юридические и нравственные нормы, представители этой семьи разбойничали, безобразничали и воровали. Сейчас понятие хулиганство внесено в законодательство и является одним из юридических терминов. Хулиганство – это действия граждан, в основе которых лежит мотив противопоставления себя обществу.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. №45 хулиганство рассматривается как явное неуважение лица к обществу, выражающееся в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

Но, на наш взгляд, самым ужасным является то, как эти богатые бездельники поступили с полицейским. Квартальный - с 1782 г. до середины 19 века - это должностное лицо в городской полиции, следящее за порядком в определенном квартале. В 1782 г. был принят «Устав благочиния или полицейский». В статье 147 данного устава говорится, что квартальный надзиратель назначается частным приставом и городничим. Он должен обнаруживать «наличие здравого рассудка в деле и доброй воли к службе общей», он должен пройти аттестацию. Единственным обязательным условием является предварительное пребывание в должности квартального поручика (статья 26) – а эта должность выборная народом, то есть квартальный надзиратель - это очень уважаемый человек, который исполняет сложную, тяжелую и ответственную службу. Что же испытывал квартальный надзиратель, которого герои романа, издеваясь, привязали к медведю и бросили в реку, откуда его чуть живого достали только утром?! Наверное, он просил пожалеть его, как один из героев рассказа Толстого: «Братцы, помилосердствуйте!» Какое же наказание последовало? За

данное преступление: «Долохов разжалован в солдаты, а сын Безухова выслан в Москву. Анатоля Курагина - того отец как-то замял».

В современной России должности «квартирный надзиратель» нет, но есть участковый. Я сравнила обязанности полицейского надзирателя и участкового инспектора полиции. Большой разницы нет, единственное, чем отличаются их функциональные обязанности - это тем, что к квартирному надзирателю приводили детей и подростков, которые недостаточно уважительно относились к старшим, и он их наказывал розгами, т.к. «имел попечение об уважительном отношении к старшим младших». Если бы подобный случай, описанный Толстым, произошел в наше время, то можно было бы применить две статьи уголовного кодекса: Статья 317 УК РФ «Покушение на жизнь сотрудника правоохранительных органов», статья 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителей власти». Каждый из них получил бы от 12 до 20 лет лишения свободы! Ура! Воскликнем мы. Сколь прекрасен уголовный кодекс современной России! Как серьезно наказание безобразников! Но так ли это в действительности?

Москва, 16 октября 2015 г. Водитель Ferrari, спровоцировавший ДТП на Зубовском бульваре в Москве, вероятно, избежит уголовной ответственности. Как сообщает РИА «Новости» со ссылкой на источник в правоохранительных органах, это связано с тем, что в аварии никто не пострадал и не погиб. В полиции отметили, что 17-летний студент МГИМО достиг возраста, в котором может нести уголовную ответственность, то есть 16 лет. «Дела после ДТП возбуждаются по статье «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», только если авария привела к причинению тяжкого вреда здоровью человека или к смерти. В данном случае подобного не случилось, и уголовного дела, вероятнее всего, не будет», - сказал источник агентства.

Другой пример. Мара Багдасарян, любительница дрифта, участница многих гонок по улицам Москвы. Она неоднократно бывала в различных по тяжести ДТП. Когда Багдасарян задают вопрос, сколько у нее было в жизни аварийных ситуаций, она отвечает, что всего четыре. На программе, посвященной проблеме

улиц - недобросовестным отпрыскам современных госслужащих и олигархов, гоняющих на дорогих иномарках без соблюдения скоростного режима,- инструктор Мары по вождению назвал ее убийцей на дороге. Опасное поведение на дороге уже давно окрестили стритрейсингом. У данного увлечения с каждым годом возрастает число поклонников, в основном среди «золотой молодежи». И это неспроста, ведь за такое удовольствие приходится дорого платить. Последствия аварий, в которых побывала Мара, крайне неприятны и трагичны: погибли люди. Но какое состояние нужно иметь отцу, чтобы содержать внушительный автопарк своей любимой дочери и оплачивать ее приключения, которые становятся трагедией для окружающих? К тому же, наглое поведение Мары и уверенное утверждение перед стражами порядка, что ее папа - прокурор, заставляет полицию отступать от своих претензий.

Серия задержаний произошла из-за скандального инцидента в мае 2016 года, когда группа молодых людей устроила гонки с полицейской машиной по улицам Москвы. Это происшествие в реальном времени группа молодых людей транслировала по интернету, сопровождая нецензурной лексикой все комментарии. В тот вечер «мажоры» нарушили в общей сложности около 20 правил дорожного движения. Участников хулиганства задержали, поместив их в следственный изолятор на 15 суток, хотя по статье 213 УК РФ их ждало возбуждение уголовного дела со сроком наказания в исправительной колонии до 5 лет. Но дети топ-менеджеров нефтяных компаний отделались штрафами.

200 лет...2 века прошло со времени событий, описанных Л.Н. Толстым. Мир изменился, поменялись законы, но мы по-прежнему бессильны перед маленькой частью общества, называющей себя «золотой молодежью»! Что же делать? Ужесточать законы в отношении «мажоров»? Мне кажется, необходимо формировать общественное мнение, осуждающее подобных бездельников. А еще...Может вернуть участковым право использовать розги для более доходчивого воспитания молодого поколения?

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.2006 "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018).
2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 90 т. М., 1935 г.,
3. Гольденвейзер А.А. «Сборник статей» (Толстой и наука права), <http://bookre.org/reader?file=78097>.
4. Устав благочиния 1782 г.// Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. / Под ред. Е. И. Индова - М.: Юридическая литература, 1987.

**Полонская Инна Евгеньевна,**  
*заведующая читальным залом Тульской областной  
детской библиотеки.*

## **Жизнь Толстого как пример добровольческой деятельности**

Добровольчество, благотворительность, меценатство, филантропия, человеколюбие и, наконец, волонтерство – эти понятия известны в России с незапамятных времен. Представители династических фамилий, духовенство, интеллигенция всегда с энтузиазмом участвовали в благотворительных акциях и даже являлись их организаторами. При Екатерине II возникла сеть воспитательных домов для детей-сирот. Одним из крупнейших в российской благотворительности было Императорское человеколюбивое общество, образованное в 1802 году по инициативе Александра I и призванное оказывать помощь нуждающимся "без различия пола, возраста и вероисповедания, при всех проявлениях их нужд от младенческого возраста до глубокой старости". Во времена Льва Николаевича Толстого, о котором пойдет речь, благотворительность приняла светский характер. Личное участие в ней воспринималось обществом как морально-нравственный поступок и считалось неотъемлемым делом каждого. Создавались городские участковые попечительства о бедных, собирающие добровольные пожертвования и средства для оказания адресной помощи. Успешно развивалась система различных социальных служб, средства которых шли на создание учебно-воспитательных учреждений, содержание домов для бедных детей, ночных приютов для бродяг, народных столовых, амбулаторий и больниц. Представителям русской интеллигенции также не были чужды идеи благотворительности и добровольчества. Ее деятельность была направлена не только на помощь неимущим, но и на формирование положительного отношения к благотворительности. Одно из любимых изречений Толстого, было «Живут лишь те, кто творит добро», и жизнь великого писателя являлась подтверждением этого афоризма.



И. Репин Толстой на пашне

Вся общественная жизнь и добровольческая деятельность Л.Н. Толстого были направлены на то, чтобы разрешить проблему взаимоотношений «мужика и барина». В 50-е годы он задумывается над проектом освобождения крестьян от крепостного права. В 60-х годах, когда реформа 1861 года решила вопрос о дальнейшей судьбе крестьян, волна общественного возбуждения подхватила и самого писателя. Он всегда относился к простому народу с должным уважением, не смотря на то, что сам происходил из знатного дворянского рода и имел графский титул. Считал, что простой русский мужик духовно сильнее и чище, чем многие из господ дворян. Он был не просто человеком передовых взглядов, но и обладал душевной широтой и добротой.

Во время военной службы на Кавказе Лев Толстой уступил простому солдату свою награду Георгиевский крест. Его поступок объяснялся тем, что солдат был безродным и бедным, а наличие такой награды давало право на пожизненную пенсию в размере стандартного солдатского жалования.

Будучи человеком состоятельным и имея дворянские корни, Толстой все равно был почитателем тяжелого физического труда. Он считал, что праздная жизнь не красит человека, она ведет к разрушению личности, как физическому, так и моральному. Лев Николаевич ходил с простыми мужиками пилить дрова, ежегодно помогал крестьянским семьям, в которых по тем или иным обстоятельствам некому было пахать, сеять или собирать урожай. И не смотря на всеобщее неодобрение среди своего благородного окружения, постоянно принимал участие в покосах.

Лев Николаевич очень любил обходиться без помощи прислуги. И когда семья его на зиму переезжала в Москву, и он оставался в Ясной Поляне совсем один, тогда он сам себе ставил самовар и делал горячую пищу, говоря, что из поставленного самим самовара чай несравненно вкуснее.

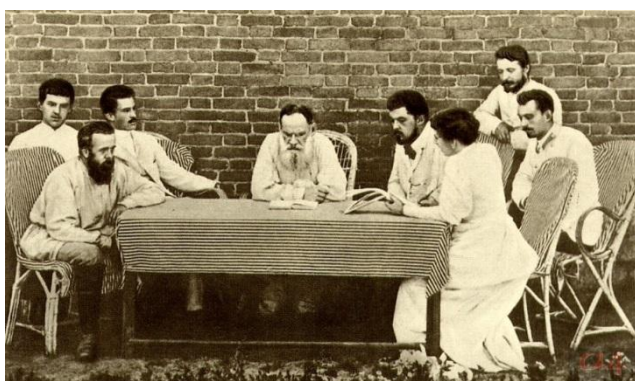


Любил он и всякого рода ручной труд. Получал удовольствие от процесса создания вещей своими руками, особенно если это приносило пользу и радость друзьям и близким. Одним из его увлечений было шитье сапог. Первые свои сапоги Толстой сшил в 1884 году. Именно тогда он, признав писательство занятием бессмысленным, решил овладеть каким-нибудь "настоящим" ремеслом и нашел в Ясной Поляне сапожника, согласившегося его обучать. Созданные пары обуви писатель с огромным удовольствием дарил родственникам, друзьям и знакомым. Его зять даже писал о таком презенте в своих мемуарах, придавая подарку большое значение. Он отмечал, что будет хранить сапоги на одной полке с изданием «Война и мир».

В 1891 - 1892 гг. Рязанскую, Тульскую губернии постигло страшное бедствие - неурожай и голод. По просьбе своего давнего знакомого Ивана Ильича Раевского Толстой поехал в голодный край, чтобы с наибольшим знанием дела написать статью о голоде. Учитель детей Раевского и Толстого А.М. Новиков отмечал: «Поехал на 1-2 дня, а остался там на 2 года» (Н.И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л. 1951.). Лев Николаевич предложил Раевскому организовать бесплатные столовые для голодающих. И как вспоминает сам Толстой: « Раевский не только одобрил мой план устройства столовых, но взялся помогать мне в этом деле, со свойственной ему любовью к народу, решительностью и простотою приемов..... Прием, употребленный им, состоял в том, что он по самым бедным деревням предложил вдовам или самым бедным жителям кормить тех, которые будут ходить к ним, и выдал им от себя нужную для того времени провизию. Староста же с уполномоченными составили список детей и старых людей, подлежащих кормлению в столовых» (Раевский С. П. Пять веков Раевских. - М. : Вагриус, 2005 – 592 с. : портр., ил.). Благодаря неутомимым стараниям Л.Н. Толстого, его семьи и их активных помощников, владельцев ближайших имений: И.И. Раевского, Н.Н. Философовой, Р.А. Писарева, И.Н.

Мордвинова,- к концу 1892 г. в уезде было открыто около 1000 бесплатных столовых для 15000 человек.

Среди помощников Льва Николаевича были и две его дочери — Татьяна Львовна и Мария Львовна, племянница Вера Александровна Кузминская, три сына Ивана Ильича Раевского. Жена писателя, Софья Андреевна Толстая, шила поддевки из пожертвованного сукна. Большую радость доставляли эти поддевки и полушубки крестьянским детям.



Толстой с помощниками составляет списки крестьян, нуждающихся в помощи

После статьи Л.Н. Толстого в московских газетах десятки людей откликнулись на призыв семьи Толстого оказать помощь голодающему народу. Среди них была врач Вера Михайловна Величкина. Полтора года Вера Михайловна прожила в Бегичевке

Данковского уезда Липецкой области. Работала, не покладая рук. Вместе с местным врачом объезжали деревни, оказывали больным медицинскую помощь, открывали новые столовые. На призыв семьи Толстого откликнулся и шведский журналист, писатель Ионас Стадлинг. Он приехал в Бегичевку в 1892 г. в качестве главного представителя американских благотворительных обществ. Помогал Толстому открывать столовые, исполнял различные поручения великого писателя по закупке продовольствия, топлива и лекарств. Незадолго до смерти в 1935 г. Стадлинг писал Т.Л. Толстой-Сухотиной: «Никогда не забуду до гроба Вашего отца і его верных друзей-помощников, которые спасли от голода и смерти тысячи и тысячи людей» (Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая ; [сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Шифмана]. — М.: Худож. лит., 1976. — 541 с., 9 л. ил. — (Серия литературных мемуаров). О пребывании Л.Н. Толстого в Данковском уезде, напоминает обелиск, открытый в 1978 году в Бегичевке на месте, где находился дом И.И. Раевского. Художник А.И. Плотш написал

замечательную картину «Л.Н. Толстой в Данковском уезде 1891-1893 гг.», которая хранится в местном краеведческом музее.

Похожая ситуация случилась в 1898 г., в близлежащих уездах случился неурожай, а в деревнях не осталось еды. Толстой лично объехал дома и разузнал, где обстановка наиболее сложная. После этого были составлены списки продуктов и розданы семьям. В самой Ясной Поляне готовили горячие блюда и дважды в день организовывали раздачу обедов. Все это очень не нравилось властям, которые даже устроили слежку за действиями Толстого.

Как известно, Лев Толстой учился, но не окончил юридический факультет Казанского университета. Путешествуя за границей, Толстой в Париже в 1857 г. посещал лекции в Сорбонне, в том числе лекции по правоведению. На этом юридическое образование было окончено, но интерес к праву не ослабевал. И на протяжении всей последующей жизни столкновение писателя с юстицией было неоднократным. Первое такое столкновение произошло в 1861г., когда Толстой был назначен в своем уезде на должность мирового посредника, должность, учрежденную после отмены крепостного права для разрешения спорных дел, возникавших между помещиками и крестьянами.

Дел, которыми занимался Л. Толстой, было великое множество. Так помещик Костомаров отнял у крестьян наделы, переименовывая их из крестьян в дворовых, т. е. безземельных. Толстой заступился за



В. Курдюмов Л.Н. Толстой в роли мирового посредника

них и, после многих мытарств, настоял на том, чтобы крестьяне остались при земле. Помещики, стесненные в средствах, придумывали всякие хитрости, чтобы дать крестьянам земли как можно меньше и как можно хуже. Как только Толстой замечал подобные стремления, он не утверждал уставных грамот и добивался их уничтожения.

В 1864 г. произошло новое столкновение Толстого с властями. На этот раз он выступал в качестве защитника ротного писаря Московского пехотного полка Василия Шабунина, который ударил по лицу офицера Яцевича, систематически зло издевавшегося над ним. Шабунин был представлен военному суду. Ему грозила смертная казнь. Узнав об этом, Толстой выступил в качестве защитника Шабунина. Ознакомившись с делом, побеседовав с обвиняемым, Толстой пришел к убеждению, что Шабунин действовал в состоянии умоисступления. В своей речи на суде, проникнутой глубоким чувством, Толстой дал блестящий анализ фактическим и правовым обстоятельствам дела. Просил о применении к Шабунину статьи, предусматривающей значительное понижение наказания для лиц, совершивших преступление по своей тупости, глупости и слабоумию. Но Военный суд не согласился с Толстым, Шабунин был приговорен к смертной казни и расстрелян. «Случай этот,— писал он впоследствии, — имел на всю мою жизнь гораздо более влияние, чем все кажущиеся важными события жизни, потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей» (Л.Н. Толстой / Собр.соч. в 22тт./ Т.17).

Еще один процесс, в котором участвовал Л. Толстой в 1890 г. Суть взволновавшего его дела заключалась в том, что четыре яснополянских



Толстой среди крестьян

крестьянина были обвинены в убийстве своего односельчанина - конокрада Гавриила Болхина. Граф Лев Толстой прибыл в Крапивну, где проходил суд, и с разрешения прокурорского надзора отправился в тюрьму для свидания с обвиняемыми. В городе тотчас же узнали о приезде графа, и на другой

день вся крапивенская интеллигенция устремилась в залу суда, ожидая, что

граф Толстой будет защищать обвиняемых. Но, увы, граф еще с вечера долго беседовал с защитником и передал ему план защиты, а сам остался наблюдателем. Благодаря участию Толстого был вынесен мягкий приговор: "Одного совсем оправдали, а трем очень смягчили приговор» (Толстой Л. Н., ПСС, т. 65.).

Толстой во всех спорах был неизменно на стороне крестьян, разрешал дела в их пользу. В деле департамента полиции «О писателе графе Льве Николаевиче Толстом» значилось: «При эмансипации 61 года граф Толстой был мировым посредником и при разверстании всегда держал сторону крестьян в ущерб помещикам, чем вызвал неудовольствие как владельцев, так и мирового института» (Дело департамента полиции № 349 за 1898 г. «О писателе графе Льве Николаевиче Толстом» // Былое. – 1918. – № 9. – С. 209.).

Симпатии Толстого к крестьянам были крайне неприятны для помещиков, которые заявляли, что Толстой бросил между крестьянами и помещиками "семя раздора" и окончательно разрушил "патриархальные" отношения между ними, что он производит волнения среди крестьян. Среди простого народа подобное поведение мирового посредника вызывало доверие к нему, и это еще больше злило дворян-помещиков. Толстому становилось все труднее и труднее вести свою линию, и, в конце концов, он вынужден был оставить должность мирового посредника, но у него на всю жизнь осталось самое отрадное воспоминание об этой работе. В 1901 г. он записал в Дневнике: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям: школы, посредничество...» (Толстой Л. Н., ППС, т. 54).



Толстой среди яснополянских детей

Общественная деятельность Льва Николаевича проявлялась в начале 60-х годов главным образом в двух сферах: в сфере административной - в

должности мирового посредника, и в сфере педагогической как учителя, устроителя народных школ и педагога-писателя.

Толстой охотно пошел навстречу народному желанию получить образование и как мировой посредник содействовал открытию школ в деревнях своего участка; к осени 1861 г. возникла 21 школа. Толстой старался определять учителями в открываемые им школы студентов Московского университета, исключенных за участие в студенческих волнениях. В отношениях Толстого с учителями не было никаких проявлений «графства», снобизма. Толстой был очень доволен студентами-учителями. «У меня 11 студентов, – писал он 7 августа 1862 г. С. А. Рачинскому, – и все отличные учителя. Разумеется, наши совещания и журнал содействует этому, но, право, сколько я ни знал студентов, такая славная молодежь, что во всех студенческих историях обвиняешь невольно не их». (опубликовано в «Русских прописях», 1916, II, стр. 264—265).

Толстой-педагог ставил во главу угла не дисциплину, а наоборот поддерживал теорию свободного воспитания, дети на его уроках сидели, как хотели, определенной программы не было, но занятия при этом были очень плодотворными. Толстой не только лично занимался с учениками, но также выпускал детские книги, в том числе собственную «Азбуку» (Толстой Л. Н., ППС, т. 22).

В 1882 году в Москве прошла перепись населения. В ней на добровольных началах принял участие Лев Николаевич Толстой. Граф хотел узнать нищету в Москве, посмотреть, как живут здесь люди, чтобы хоть как-то помочь бедным горожанам деньгами и делом. Толстой лично обходил ночлежки и заполнял переписные карточки, и кроме того поднимал проблемы неустройства бедняков в прессе и Городской Думе. Итогом стали его статьи «Так что же нам делать?» (Л.Н. Толстой Собр. соч. в 22 тт. Т. 16) и «О переписи в Москве» (Л.Н. Толстой Собр. соч. в 22 тт. Т. 16) с призывами о помощи и поддержке малоимущим.

Толстой, отличаясь общительностью, не упускал случая побеседовать с новыми людьми, которые часто приходили в Ясную Поляну, чтобы попросить милостыню или "книжечек почитать", или за юридическим советом, или поговорить с писателем о вопросах нематериальных, духовных. Лев Николаевич бывал рад желавшим побеседовать с ним, особенно, если встречал не легкомыслие и пустое любопытство, а потребность получить совет. Расспрашивал посетителей о прошлой жизни, уговаривал не пить, не курить; охотно давал народные книжки; крестьян удерживал от бессмысленных тяжб; всем вообще старался напоминать о высших интересах жизни. Иногда Толстой давал нуждающимся рекомендательные письма к своим знакомым с просьбой помочь им. В Туле у него был знакомый адвокат Б. О. Гольденблат, специально осуществлявший юридическую помощь обращающимся ко Льву Николаевичу за советом крестьян.



Толстой с крестьянами в Ясной Поляне

Толстой не любил подавать милостыню, предпочитая узнавать у своих многочисленных просителей конкретные обстоятельства их бед и кроме денег предлагать помощь вещами, материалами или даже работой — например, переложить чужую печь, отремонтировать сарай или помочь в сборе урожая.

Очень хорошо высказал свою мысль о писателе ямщик, который однажды вез Толстого, и, не узнав его, стал рассказывать о барине Льве Толстом:

«Добрейший человек... Всегда поможет бедному... Крестьяне живут у него хорошо... <...> Помогают деньгами, лесом, дровами, всегда скажут доброе слово. Нужна солома — солому дадут, лес — лес. Нынче летом шесть изб сгорело, и граф приказал выдать из усадьбы лес, солому; дал денег, и погорельцы выстроили избы лучше прежних... И народу же к графу ездит;

летом каждый день по несколько человек» ( И. И. Попов Из записной книжки туриста (Ясная Поляна) 1903г.).

Неизвестно понравился бы Толстому современный термин - волонтерство, но слова - добровольчество, добровольческая деятельность и взаимопомощь были для писателя большой ценностью.

### **Список литературы:**

**Басинский П.В.** Лев в тени Льва : история любви и ненависти / Павел Басинский ; [худож. Андрей Рыбаков]. - М. : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. - 509, [2] с., [16] л. фот.

**Ломунов К.Н.** Жизнь Льва Толстого / К. Н. Ломунов. - М. : Худож. лит., 1981. - 254 с. : ил

**Никитина Н. А.** Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне / Н. А. Никитина. — М.: Мол. гвардия, 2007. — 395,[5] с.: ил., фото. — (Живая история: повседневная жизнь человечества)

**Новиков Н. И.** Избранные сочинения / Н. И. Новиков. - М. : ГИХЛ, 1951. - 787 с.

**Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. В 22 т. – М. : Художественная литература, 1978-1985. – Т. 16.

**Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. В. 22 т. – М. : Художественная литература, 1978-1985. – Т. 17.



**Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. В. 90 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1928-1958. – Т. 65.

**Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. Т. 22 : Азбука, 1871-1872 / Толстой, Лев Николаевич.; подгот. Текста и коммент. В. С. Спиридонова, В. С. Мишина – репринт. воспроизведение изд. 1928-1958 гг. – М. : изд. центр «Терра», 1992. – 793 с. : ил.

**Толстая С. А.** Любовь и бунт: дневник 1910 года / Софья Толстая; [сост., вступ. ст. и коммент. Н. Г. Михновец]. — Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2013. — 413, [1] с., [32] с. ил. — (Персона).

**Сухотина-Толстая Т. Л.** Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая ; [сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Шифмана]. — М.: Худож. лит., 1976. — 541 с., 9 л. ил. — (Серия литературных мемуаров)

**Человеколюбивое общество** // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. : - В 86 т. – СПб, 1890-1907. – Т. 82 и 4 доп.

**Луневская Ксения Игоревна, Чеботов Евгений Павлович,**  
*студенты 1 курса Тульского государственного университета*  
*Института права и управления.*

Научный руководитель - профессор кафедры ИГиП Соломатин Е.Н.

## **Влияние российской правовой науки на творческую деятельность графа Л. Н. Толстого**

Граф Лев Николаевич Толстой являлся одним из тех, кто прославлял русскую литературу в мировых масштабах, однако, мало кто знает, что еще в молодости любознательный граф пытался связать свою жизнь с юриспруденцией. Будучи студентом восточного отделения философского факультета казанского университета, Лев Николаевич после года обучения подает прошение о переводе на юридический факультет, объясняя свои действия тем, что применение юридической науки к повседневной жизни намного легче и естественнее любой другой науки. Но на втором году успешного обучения, Толстой покидает университет по собственному желанию со словами: «Я решил, что занятия юриспруденцией выше моих умственных способностей...»<sup>1</sup>[1, с.60]. Но, восхитившись во время обучения работами известного русского общественного и государственного деятеля М. М. Сперанского и других известных личностей, граф даже после переезда в Ясную Поляну продолжает заниматься изучением юридической науки, в том числе и при создании проекта полного переустройства социально-экономической сферы жизни крепостных крестьян. Но как решить вопрос до конца с крепостными, он не знал. А свою любовь к родине Лев Николаевич сохранит до конца своих дней. Следует отметить, к Толстому многие обращались за советом как к квалифицированному специалисту. Из воспоминаний Николая Васильевича Давыдова, известного русского юриста и общественного деятеля: «С просьбами о помощи обращались к Льву Николаевичу местные и дальние крестьяне и крестьянки, попавшие так или иначе в беду: приговоренные в

тюрьму или к другому наказанию, отыскивающие свои права, кем-либо нарушенные, мелкие служащие, потерявшие почему-либо место, родственники приговоренных судом, всего чаще административно к высылке или тюрьме за деяния, квалифицированные «политическими».

На протяжении всей жизни Толстой продолжает общаться с видными юристами своего времени А. Ф. Кони, Д. И. Мейер, Н. В. Давыдов, А. С. Гольденвейзер, отражая в литературных произведениях свои религиозно-философские взгляды, а также упоминая в работах случаи из юридической практики, в которой удалось поучаствовать самому графу. Одним из таких «друзей-юристов» Толстого как раз и был Николай Васильевич Давыдов, который не только являлся хорошим другом Льва Николаевича, но и вдохновил его своими историями, а также сам звал писателя в свои приключения, которые потом отражались в произведениях.

Таковыми произведениями стали «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп». В работе «Власть тьмы» Толстой с добавлением некоего художественного вымысла и своих идейных взглядов, преподносит историю детоубийства, рассказанную Давыдовым из его прокурорской практики. Пьесу «Плоды просвещения» Лев Николаевич пишет по просьбе своих дочерей после поездки семьи Толстых и Давыдова в Москву, где они посетили спиритический сеанс одного знакомого Николая Васильевича, который, к слову, очень хотел посетить, и сам писатель, чтобы доказать свое мнение о ложности таких явлений.

Николай Васильевич Давыдов являлся не только идейным вдохновителем, но и человеком, которому великий писатель доверил корректировку некоторых юридических деталей в романе «Воскресение», идею для которого дал писателю другой именитый русский юрист А.Ф. Кони. Лев Николаевич охотно соглашался с исправлениями своего друга, но один момент романа так и остался неизменным, а именно приговор присяжных заседателей по делу Масловой, оставив наличность судебной ошибки, по которой «Катюшу» отправили лишь в ссылку, хотя приговор должен был быть куда

строже.

Сам Давыдов вспоминает, что Л.Н. Толстой всегда очень критично отзывался о судах и их роли в правоприменении. Свои взгляды Толстой описывал отсутствием у какого-либо лица возможностей судить и решать судьбу другого человека, а также применять к нему насилие в любой форме. «Лев Николаевич признавал допустимость суда для гражданских дел и даже для уголовных как исход из создавшегося вследствие какого-либо спора или столкновения трудного положения, вызывающего распри и недоразумения. Суд этот Лев Николаевич допускал в виде выборного («старики», «лучшие люди»), совершенно не формального, помогающего лицам, обратившимся к нему, разобраться во взаимном споре, исправляющего учиненное зло и вознаграждающего потерпевшего или восстанавливающего его права, наконец, высказывающего истину в каждом данном случае, но отнюдь не применяющего такие меры, как насильственное лишение свободы, ссылка и т. п.»<sup>2</sup> [2, с.267-272]. Исходя из вышесказанного, мы видим, что Л. Н. Толстой довольно часто и являлся тем самым «выборным», к которому за помощью обращались люди, попавшие в затруднительное положение.

Интересная история случилась и с драмой «Живой труп», идею для которой Лев Николаевич также взял из юридической практики своих друзей. После опубликования произведения к Толстому явился мужчина, который стал прообразом одного из главных героев этого произведения. Сам писатель очень великодушно отнесся к гостю, взял с него слово завязать с алкоголем и помог с трудоустройством, попросив помощи у Н.В. Давыдова.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что та сторона жизни графа Толстого, которая соприкасалась с юриспруденцией, очень велика. Однако, Лев Николаевич никогда не отказывался от своей философии, одними из основных идей которой являлись: непротивление злу насилием, всепрощение, всеобщая любовь и нравственное самоусовершенствование личности, опрощение. И через видоизменение некоторых моментов настоящих дел пытался донести до народа свои мысли касательно права. А также можно сказать, что не недостаток

умственных способностей мешал Толстому в изучении юридической науки в университете, а скорее наоборот, чрезмерный ум и еще не до конца сформулированное мировоззрение. Но мы можем только предполагать, как повернулась бы жизнь писателя и смог бы Лев Николаевич помочь такому огромному числу людей, став юристом.

---

<sup>1</sup> [Л.Н. Толстой. «Письмо студенту о праве». 12, т.38, с. 60.]

<sup>2</sup> [Н. В. Давыдов. Из прошлого. Изд. 2-е. М., 1914, с. 267—272.]

**Сафонов Владислав Александрович,**  
*студент Тульского филиала Всероссийского государственного университета  
юстиции (РПА Минюста России)*

## **ЛИЧНОСТЬ Л.Н. ТОЛСТОГО В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ**

В большинстве своем Льва Николаевича Толстого знают как великого русского писателя, создателя замечательных произведений художественной литературы. Вместе с тем, личность нашего земляка значительно многограннее, поскольку Л.Н. Толстой был также и юристом, участвовал в судебных заседаниях, вставал на защиту крестьян. И право, и литература фиксируют степень развития общественных отношений и являют собой отражение фактического положения вещей.

Лев Николаевич обосновывал идею ответственности не государства с его законами и даже не церкви с ее наносной обрядностью и мистикой, а личности. Только каждый человек, начиная с себя самого, может что-то изменить в обществе. Только нравственное совершенствование – путь к прогрессу общества в целом.

На юного Льва Толстого произвели сильное впечатление лекции А.Г. Станиславского по энциклопедии права и Д.И. Мейера, с именем которого связывают зарождение русского гражданского права, диспуты профессора Г.Л. Фогеля о смертной казни и о суде присяжных. Невольно на память приходит бессмертный роман Л.Н. Толстого «Воскресение» (1889 — 1899). Как психологически точно в нем воспроизведен автором процесс с участием присяжных. Присяжные забыли в своем вердикте указать главные слова – «заслуживает снисхождение» и обрекли героиню романа Катюшу Маслову на долгие годы каторги. Казалось бы, слово, а как много оно значило в судьбе осужденной. Впрочем, юрист Лев Николаевич понимал, что принципы справедливого судопроизводства попирались во все времена.

На юридическом факультете Казанского университета формировались правовые взгляды и гражданская позиция юного графа. Здесь первокурсник Толстой провел анализ двух работ: «Наказ» Екатерины II (1767) и «О духе законов» Шарля Монтескье (1748). Это исследование привело молодого Толстого к глубоким размышлениям об истоках права, о государственном устройстве, о нравственных началах в судопроизводстве. Л.Н. Толстой справедливо считал, что к профессии юриста во все времена предъявляли высокие нравственные требования.

В дневнике Л. Толстой запишет: «Работа с «Наказом» и «О духе законов» открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей». Толстой пришел к выводу, что положительные законы должны соответствовать нравственным, наказание от имени государства должно быть соразмерно содеянному (преступлению) и, вообще, «Наказ» принес больше славы Екатерине, чем пользы России».

Прибыв в Ясную Поляну, в усадьбу, которая досталась по наследству, Л.Н. Толстой задумал проект коренного переустройства социально-экономического уклада жизни крепостного крестьянства. С этой целью он углубленно изучает юриспруденцию, особенно в части плана всеобщего государственного образования.

В концепции антиправового морализма имел место целый спектр позиций, наиболее радикальной из которых была позиция Л.Н. Толстого. Позиция русского мыслителя по отношению к праву представляла собой правовой нигилизм, возникший не вследствие неприятия социальной природы правосознания, что было характерно для радикального течения русской общественно-политической мысли, а в результате духовного абсолютизма, в котором нравственность занимает не просто более иерархически выраженное положение перед правом, но и самым прямым и непосредственным образом ассимилирует его социальную функцию. Толстой отстаивал позицию моралистического антилегализма, основанную на неизбежности антагонизма

права и нравственности. В своем неприятии права русский мыслитель шел дальше позиции радикализма, видя порок юридических законов в том, что это не божественные законы, а законы, установленные людьми. А поскольку нет непогрешимых людей, то не может быть и справедливых законов, ими установленных. Итак, отрицание Толстым права вытекало из его завышенной оценки нормативного аспекта нравственности, вывода, что все государственные законы должны быть полностью заменены нравственным законом, имеющим божественное происхождение.

Как писал П.И. Новгородцев, Толстой утверждал, что все усилия, результатом которых явились конституции и декларации прав, были напрасными и ненужными; это был неправильный и ложный путь. Не оппонировав великому писателю, а пытаясь его понять, надо сказать, что в его рассуждениях была своя логика. Действительно, для чего писать Конституцию, если ее нормы не выполнялись и не собираются исполняться. А жить можно и без Конституции, но руководствуясь при этом совестью и нравственностью. Л.Н. Толстой своим высказыванием в общем-то и отразил нашу ментальность. Единственное, что по совести и нравственности в России живут не все и не всегда.

Некоторые особенности правовой системы современного Л.Н. Толстому периода отражены в художественных произведениях писателя. Так, например, роман «Война и мир» может рассматриваться и анализироваться не только как художественное отражение реалий того времени, но и как материал для исследований правоведческого характера. Одновременно отражается отношение действующих персонажей к праву (т.е. их правосознание). В данном произведении внимательный читатель обнаруживает нормы семейного права. В событийное время романа «Война и мир» основным регулятором указанных отношений было церковное право, а основным законодательным документом была «Кормчая книга» – сборник греко-римских законов, постановлений вселенских соборов и мнений авторитетных лиц церкви. Андрей Болконский и Пьер Безухов стояли на пороге второго брака – «прощения». Также в романе



рассматриваются вопросы, пользуясь современным юридическим языком, процедурной действительности заключения брака. При заключении брака с 1764 года делались записи в метрическую книгу – табель; при этом главное внимание уделялось семейному положению лиц накануне венчания. Необходимо было занести в табель имена венчавшихся, дату венчания, имена поручителей и священников. Табели велись приходскими священниками и хранились у них же, поэтому никаких записей о венчании Анатолия Курагина и Наташи Ростовской не могло быть даже при совершении обряда (венчание происходило не в своем приходе), т.е. норма закона оказывалась нарушенной.

Сюжету романа «Воскресение», вошедшего в мировую сокровищницу литературы, автор обязан известному юристу А.Ф. Кони, рассказавшему случай из своей судебной практики. Описывая эту встречу с Толстым в Ясной Поляне, Анатолий Федорович отметил в нем «проницательный взгляд судьи и мыслителя». Лев Николаевич уважал Кони как «слугу правосудия», не стремящегося обратиться в «лакея правосудия».

Согласно сюжету романа «Воскресение», в окружном суде по делу о краже денег и отравлении, повлекшем смерть человека, обвиняется мещанка Екатерина Маслова. Дело рассматривается с участием присяжных заседателей, одним из которых является дворянин Дмитрий Иванович Нехлюдов, который узнает в подсудимой девушку, с которой у него около 15 лет назад был роман. Маслова оказывается невиновной, но в результате судебной ошибки её приговаривают к четырём годам каторги в Сибири. Чувствуя свою вину перед Масловой, Нехлюдов решает защищать ее права, сначала подав кассационную жалобу в Сенат, а затем отправляясь вместе с осужденной в Сибирь. При этом Нехлюдов, помимо интересов Масловой, пытается добиться восстановления прав десятков простых людей от воров-рецидивистов (Охотина) до революционеров-народников (Крыльцова, Симонсона). Дмитрий Иванович – князь, обладающий познаниями в различных отраслях права, однако помогает людям простых сословий.

Следуя за сюжетной линией романа, считаю возможным произвести сопоставление деятельности Дмитрия Ивановича Нехлюдова и работы омбудсменов в наше время. Так современные ученые-конституционалисты выделяют следующие признаки института уполномоченных по правам человека:

— обеспечение законности и надлежащего уровня деятельности органов управления, особенно в тех областях, где решения принимаются по свободному усмотрению;

— осуществление посреднической функции в связи с усилением непонимания гражданами сложности управления;

— независимость омбудсмента и субсидиарность (он не заменяет, а лишь дополняет существующие правозащитные учреждения, такие как административные и судебные инстанции);

— отсутствие у него исполнительной власти.

Убедительность созданных Л.Н. Толстым в своих произведениях художественных образов и идей являют нам обоснование общечеловеческих ценностей, осознание которых позволяет не только разобраться в сущности происходящих политико-правовых трансформаций, но и помогает понять тенденции развития различных институтов государства и общества в будущем.

Литература и право находятся в глубинной, хотя и не всеми признанной взаимосвязи, являя собой ветви одного древа – национальной культуры.

#### **Список использованной литературы:**

1) Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 томах. М., Гослитиздат, 1928-1958гг.

2) Гусев А.А. Концептуальные основания культуры / Состояние и перспективы развития научных исследований в социальной, экономической и правовой сфере: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции [Электронный ресурс] – Тверь: ЦНиОТ, 2015. С.74-79.

3) Шкловский В.Б. Лев Толстой. Жизнь Замечательных Людей. М.: Мол. гвардия, 1967. С. 513–530.

4) Толстой Л.Н. Воскресение // Собр. соч.: в 22 т. М., 1983. Т. 13.

**Стародубцева Юлия Андреевна, Пармухина Ксения  
Владимировна,**  
*студентки 1 курса Тульского Государственного Университета  
Института Права и Управления*  
Научный руководитель - профессор кафедры ИГиП Соломатин Е.Н.

## **Влияние деятельности Н.В.Давыдова на литературное творчество Л.Н.Толстого**

В творчестве великого русского писателя Льва Николаевича Толстого прослеживаются события современной ему эпохи, его взгляды на государственную деятельность и политико-правовые идеи того времени. Большое влияние на его литературную деятельность оказали знания и опыт юриста и общественного деятеля Николая Васильевича Давыдова, который был младше писателя на 20 лет.

Николай Васильевич Давыдов родился 6 (18) декабря 1848 года в Москве в дворянской семье. В 1865 году, окончив Тамбовскую гимназию, Николай Васильевич поступил на юридический факультет Московского университета. По его окончании в 1870 году он был назначен мировым посредником в провинцию.

В 1878 году Н.В.Давыдов стал прокурором Тульского окружного суда и оставался на этом посту до 1893 года, в 1893-1896 годах был председателем этого суда. [6, С.74] В том же 1878 году П.Ф.Самарин, бывший тогда в Туле губернским предводителем дворянства, представил Давыдова Льву Николаевичу Толстому. Именно с этого момента началась дружба Николая Васильевича с великим писателем.

Н.В. Давыдов, сразу же после переезда в Тулу, вызвал большой интерес у жителей города. Его гостями были Лев Николаевич Толстой с супругой Софьей Андреевной, член губернского по делам присутствия князь Г.Е.Львов, заместитель прокурора В.Е.Матохин, уездный член Тульского окружного суда в Черни А.А.Цуриков, член Тульского окружного суда граф Б.П.Баранов, князь М.Р.Долгоруков, писатель Ф.К.Сологуб.

Статус серьезного судебного деятеля не мешал Н.В.Давыдову всерьез увлекаться театром. В 1891 году он поставил на сцене Тульского Дворянского благородного собрания пьесу Л.Н.Толстого «Власть тьмы».

Дружеские отношения между писателем и прокурором не ограничивались обмелами визитами, домашними концертами и театральными постановками. По просьбе Льва Николаевича Давыдов разрешал ему присутствовать на судебных заседаниях, собирать материалы для своей литературной деятельности. Реальные истории из залов Тульского окружного суда легли в основу драмы «Власть тьмы», пьесы «Живой труп», комедии «Плоды просвещения». [4, С. 203]

Сюжет драмы «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» взят из судебной практики. Он почти целиком воспроизводит обстоятельства уголовного дела крестьян деревни Сидорово Чернского уезда Ефрема и Марфы Колосковых, которых Лев Николаевич посетил в тюрьме. Впоследствии Толстой рассказывал: «Фабула «Власти тьмы» почти целиком взята мною из подлинного уголовного дела, рассматривавшегося в Тульском окружном суде... В деле этом имелось именно такое же, как приведено и во «Власти тьмы», убийство ребенка, прижитого от падчерицы, причем виновник убийства точно так же каялся всенародно на свадьбе этой падчерицы» [7, С. 492]

По воспоминаниям Н.В.Давыдова мысль о создании комедии «Плоды просвещения» зародилась во время первого по времени переезда семейства Толстых в Москву. Благодаря стараниям Николая Васильевича, Лев Николаевич, мечтавший когда-нибудь поприисутствовать на спиритическом сеансе, оказался на таком сеансе в доме отца известного члена Государственной думы Н.А.Львова на Смоленском бульваре. Но сеанс не удался. Николай Васильевич впоследствии писал: «...Мы сели, как оно полагается, за круглый стол, в темной комнате, медиум задремал, и тут начались стуки в стол и появились было фосфорические огоньки, но очень скоро всякие явления прекратились; Самарин, ловя в темноте огоньки, столкнулся с чьей-то рукой, а

вскоре медиум проснулся, и дело этим и ограничилось» [5, С. 205]. Комедия была написана в 1890 году и поставлена в Ясной Поляне.

В 1889 году Лев Толстой начал работу над романом «Воскресение». Изначально он назывался «Коневской повестью» [8, С. 690], потому что в основу сюжета легла реальная история Розалии Онни и присяжного заседателя, рассказанная Толстому прокурором Петербургского окружного суда А.Ф.Кони во время его визита в Ясную Поляну в начале июня 1887 года. Сам Анатолий Федорович вспоминал, как в первой половине 70-х годов XIX века к нему с просьбой передать письмо осужденной Розалии Онни обратился молодой человек, бывший присяжным заседателем в процессе, где «чухонку-проститутку судили за кражу у пьяного «гостя» ста рублей». Узнав в подсудимой соблазненную им в юности девушку, присяжный решил жениться на несчастной. Но этому браку не суждено было состояться. Девушка заболела тифом и умерла, а её жених пожертвовал приготовленное для неё приданное в пользу приюта арестантских детей женского пола. [1, С.377-381]

Сначала Лев Толстой предложил Кони самому написать рассказ по обстоятельствам дела для его журнала «Посредник». Но тот убедил графа «написать на этот сюжет произведение, которое, конечно, будет иметь глубокое моральное влияние». [2, С. 382]

В ходе написания романа Лев Николаевич неоднократно обращался за помощью к Н.В.Давыдову. Николай Васильевич внимательно изучал рукопись и даже пригласил Толстого на судебный процесс в Тульский окружной суд по делу о покушении мещанина на убийство молоденькой проститутки. Свидетелями по этому делу были вызваны и давали показания сама потерпевшая, её товарки и хозяйка дома, в котором знакомый «гость» ударил девушку ножом в бок. Присяжные признали мещанина виновным в нанесении раны, хотя пострадавшая девушка настаивала на том, что подсудимый хотел убить её. Н.В.Давыдов в своей книге «Из прошлого» вспоминал: «По окончании заседания Лев Николаевич подошел к потерпевшей и стал ей говорить о том, что лучше бы она сделала, если бы простила своего обидчика,

особенно теперь, когда он приговорен к тюрьме, что злоба к нему лишь тяжесть для нее самой. Но хорошие слова незнакомого странного старика не произвели на девицу надлежащего впечатления; она, кажется, даже обиделась, приняв их за насмешку, и ответила Льву Николаевичу грубо, резко и именно со злобным тупым выражением». [3, С. 198—199.]

Работая над «Воскресением», Толстой старался полнее и глубже изучить судебно-уголовную процедуру на всех её стадиях, вплоть до приведения приговоров в исполнение. Благодаря активному содействию Давыдова писатель присутствовал на заседаниях суда, читал судебные протоколы, изучал быт тюрем, беседовал с подсудимыми и заключенными.

Николай Васильевич Давыдов дал толчок к созданию последнего большого драматического произведения Льва Николаевича Толстого – «Живого трупа». К сожалению, произведение так и не было закончено автором. В период пребывания Льва Николаевича в Москве в конце 1890-х годов Давыдов, бывший в то время председателем окружного суда, познакомил его с обстоятельствами одного оригинального дела. Супруги, жившие заработком интеллигентных людей, разошлись ещё в молодости. Причиной этому послужила склонность мужа к злоупотреблению спиртными напитками. Муж, проживая без семьи, опускался все больше и больше и, наконец, очутился на «дне». В это время жену, которая уже нашла заработок, способный поддерживать её существование, полюбил сослуживец и предложил выйти за него замуж. Препятствием браку служило отсутствие развода между супругами. Жена и её сослуживец разыскали несчастного, он выразил полное согласие на развод и подал прошение о расторжении брака, которое было отвергнуто консисторией. Тогда госпожа придумала достаточно необычный способ получения статуса вдовы: муж написал ей письмо, в котором уведомлял, что решил покончить жизнь самоубийством; письмо это госпожа передала полиции, а вскоре на льду Москвы-реки была найдена одежда и паспорт, а затем из реки был извлечен чей-то труп, который был принят за тело; жене его был выдан вдовый вид, и она вышла замуж за своего сослуживца. Но, в

конечном счете, истина обнаружилась, супруги были отданы под суд судебной палаты с участием сословных представителей по обвинению её в преступлении, предусмотренном 1554 ст. Уложения о наказаниях, а его в пособничестве к совершению этого преступления, и приговорены Палатой к лишению особенных прав и ссылке в Сибирь. Лев Николаевич Толстой заинтересовался материалами этого дела и тогда же решил использовать его обстоятельства для литературного произведения.

Последняя встреча Н.В. Давыдова с Л.Н. Толстым состоялась летом 1910, за несколько месяцев до ухода писателя из Ясной Поляны и последовавшей вскоре после этого его кончины. Смерть Льва Николаевича стала для Николая Васильевича ударом и тяжелым испытанием. В 1911 году Давыдов стал председателем «Толстовского общества», которое в дальнейшем стало основанием для открытия Государственного музея имени Л.Н. Толстого.

#### Литература

1. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях/Сост., вступ. ст. и комм. Г.М.Миронова и Л.Г.Миронова. – М.: Правда. 1989. – 656 с.
2. Там же.
3. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А. Макашин. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. Н. М. Фортунатова.— 691 С. - (Сер. лит. мемуаров).
4. Там же.
5. Там же.
6. Русские писатели. 1800-1917: Биограф. Словарь. Т. 2: Г – К/ Гл. ред. П. А. Николаев. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1992.- 624 С.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 22 т., т.11. Драматические произведения 1864—1910 гг. - Москва, «Художественная литература», 1978—1985.
8. Шкловский Виктор Борисович. Лев Толстой. Жизнь замечательных людей. - М.: Молодая гвардия, 1963. – 864 С.



**Тулаева Ольга Олеговна, Кальтюгина Полина Степановна,**  
*студентки 1 курса Тульского государственного*  
*университета Института права и управления*  
Научный руководитель - профессор кафедры ИГиП Соломатин Е.Н.

## **Право в понимании Л.Н. Толстого**

В «Письме студенту о праве», Л. Н. Толстой подвел итог своим многолетним размышлениям касательно права в жизни людей. В 1909 году студент Петербургского университета Исаак Крутик, который представился Л. Н. Толстому как «горячий поборник нравственного совершенствования в духе Вашего учения», прислал писателю письмо, где было упомянуто, что учение Толстого является примером анархии. Он обратился к писателю «за разрешением сомнений», находясь под впечатлением книги профессора Л. И. Петражицкого «Теория права», где критиковались взгляды Льва Николаевича. В письме высказывалась просьба студента: «Мне неловко просить Вас отвечать мне лично, но Вы могли бы, как-нибудь, высказать несколько слов по этому вопросу в печати (ведь Вас так часто интервьюируют). Этим Вы помогли бы не мне одному, а многим из учащейся молодежи, которые не глухи к голосу Вашей великой совести». Однако, столь резкое заявление не вызвало бурной реакции писателя. К праву он, на самом деле, относился весьма критично. И по сути своей, письмо студента [1,с.117] оказалось всего лишь поводом для упорядоченного изложения собственных мыслей.

Касательно отождествления права с наукой, Л. Н. Толстой писал: «Серьезная сторона эта в том, что вся эта удивительная, так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придуманная и распространяемая не с легким сердцем, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий.» Серьезной проблемой «этого дела» писатель считал, что уровень самосознания всего населения России был недостаточным для «запутанных, неясных»

рассуждений. По мнению писателя, право «смешное» и не заслуженно преподается в вузах и академиях.

Именно в «Письме студенту о праве» Лев Николаевич изложил [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**1] мотивы, побудившие его расстаться в 1847 г. с юридическим факультетом в Казани: «Я ведь сам был юристом. На втором курсе меня заинтересовала теория права, но чем более я вникал в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или что-то неладное в этой науке или я не в силах понять её. Проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из нас двоих должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки. Мне было 18 лет, и я не мог, не признать того, что глуп я, и поэтому решил, что занятия юриспруденцией свыше моих умственных способностей и оставил эти занятия». [1,с.117]

Юридическая наука от этого решения графа, по-видимому, не пострадала, но важно, то, что именно на юридическом факультете Казанского университета, Толстой твердо выбрал для себя «область самостоятельного умственного труда», благодаря чему стал гением в литературе, прославив в веках свое Отечество.

По истечении долгих лет дружбы со знаменитым философом права Б.Н. Чичериным, Толстой осознал, что не может общаться с человеком, настолько противоположном ему самому. Эти мысли давно посещали писателя, и в апреле 1871 г. он написал старому другу: «Мы играли в дружбу. Ее не может быть между двумя людьми, столь различными, как мы. Ты, может быть, умеешь примирять презрение к убеждениям человека с привязанностью к нему; а я не могу этого делать. Мы же взаимно презираем склад ума и убеждения друг друга». [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с.223]

Многие последователи справедливо отмечали, что антиюризм Толстого сложился на благородной почве осуждения российских порядков, особенно это касалось незащитности простого человека перед беспристрастным лицом закона и всемогущей юстиции. Однако не правы те, кто считает, что Толстой

нападал только на отечественные законы, - писатель не щадил и более развитые в демократическом плане правовые системы. В 1904 году, отвечая американской газете, Л.Н. Толстой утверждал, что усилия западных стран, результатом которых стала конституция и декларация прав и свобод. Были напрасными и абсолютно не нужными, это был неправильный и ложный путь. Досталось и юридической науке, которую писатель квалифицировал (всё в том же «Письме к студенту») как ещё более лживую, чем политическая экономия.

Что же для Льва Николаевича есть право и его предназначение? «Если рассуждать не по науке, — пишет он в «Письме к студенту», — т. е. не переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом “право”, то ответ на этот вопрос, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим - выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено».[1,с.117] В понимании писателя, право государственное представляет собой возможность отбирать у людей продукты их труда, посылать их на войны в государственных целях.

Взгляды по поводу равенства и неравенства, способа борьбы с неравенством Л. Толстой изложил в гипотетической истории о переселении богатой семьи, осознавшей грех богатой и праздной жизни, из города в деревню. Сделали они это, так как признали всех братьями равными перед Отцом, но неравными во всех остальных смыслах. Семья «переселенцев» оказывается в безвыходном положении: если дать всем нуждающимся (а русский народ — нуждающийся народ), то средства, сколько бы их ни было, скоро закончатся; можно отдать последнее, но тогда как жить дальше; пустить ли к себе больных и вшивых и заболеть, или не пустить, но тогда поступиться принципом всеобщего братства? Толстой разбирает разные варианты помощи народу, и все они не годятся. Единственный правильный путь заключается

в следующем. «Если мы не можем жить здесь, среди этих людей, в деревне, должны будут сказать себе те люди, которых я представляю себе, — если мы поставлены в то ужасное положение, что мы неизбежно должны зачахнуть, завшиветь и умереть медленной смертью или отказаться от единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходит от того, что у одних скопление богатств, у других нищета; неравенство же это происходит от насилия, и потому, так как основа всего — это насилие, надо бороться против него». Бороться с насилием, конечно, не участвуя в насилии, а проповедью, своим примером, и как раз в этом случае Толстой приветствует **[Ошибка! Источник ссылки не найден..4]** жертвенность. «И потому борьба с насилием не исключает необходимости в нашем обществе человеку, желающему жить по-братски, отдать свою жизнь, завшиветь и умереть, но при этом борясь с насилием: борясь проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы». Как же правильно жить? Братство, равенство свобода — вот главные принципы такой жизни. «Все три составляющие — последствия свойств человека: братство — это любовь. Только, если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство — это смирение. Только если мы не будем превозноситься, а считать себя ниже всех, мы все будем равны. Свобода — это исполнение общего всем закона Бога. Только исполняя закон Бога, мы все, наверное, будем свободны». [1,с.118]

Итак, Лев Толстой считал возможным и нужным заменить право моралью. В России в таком духе рассуждали многие или, по крайней мере, противопоставляли право и мораль. В условиях неразвитого гражданского общества право воспринимается как система запретов и наказаний, как зло. А со злом надо бороться. Л. Толстой избрал свой путь, но не смог дойти по нему до цели.

Лев Николаевич ставил нравственность выше права. Чтобы достичь верховенства морали над правом, чтобы не было необходимости в существовании нормативного регулирования, нужно изменить самосознание людей, но на данный момент это невозможно. В эпоху растущей конкуренции,

высокого уровня стресса и разложения моральных устоев нужно думать не только о собственной выгоде, пользе, достатке, но пора задуматься и о пользе общественной, мировой. И только тогда, когда в сознание каждого проникнет эта мысль, идея Л.Н. Толстого перестанет быть утопичной и станет повсеместной.

#### **Список литературы:**

1. Толстой Л. Н. «Собрание сочинений в 12 томах» Письмо студенту о праве. М.: Современник, 1980.-467с.
2. Розанов В.В. Собрание сочинений. СПб.: [Тип. А.С.Суворина], 1912-122с.
3. Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.: DirectMEDIA, 2016.-888с.

**Ягубова Аиша Асифовна,**  
*студентка Тульского филиала Международного юридического института*

## **Рассказ Л.Н. Толстого « После бала» ( История смертной казни в России в отношении военнослужащих)**

Произведение Л.Н.Толстого «После бала» было написано в 1903 году. Рассказ увидел свет в 1911 году, после смерти писателя. Изначальным названием рассказа было «Дочь и отец».

В основе повествования лежат события, произошедшие с братом писателя Сергеем. В ту пору Л.Н. Толстой, будучи студентом, жил в Казани вместе с братьями. Сергей Николаевич был влюблён в Варвару Андреевну Корейш – дочь военного начальника Андрея Петровича Корейша и бывал у них в доме. Но после увиденного им избиения беглого солдата под руководством отца девушки чувства влюблённого быстро охладели, и он отказался от намерения жениться.

Эта история прочно осела в памяти Толстого, и много лет спустя он описал её в своём произведении. Прежде чем рассказ получил своё окончательное название, он назывался «Дочь и отец», потом – «А вы говорите».

Также Л.Н. Толстой участвовал в работе суда над солдатом, который был приговорен к смертной казни.

Крымская война 1853-1856 гг. вскрыла проблемы, накопившиеся в российской армии: неэффективное управление, плохая подготовка солдат в российской армии, недостаточная оснащённость. Александр II принимает решение о военной реформе и начинает с проверки воинских частей. В 1866 году перед ревизией 65-го Московского пехотного полка случилось неприятное происшествие: писарь Василий Шабунин ударил по лицу ротного командира. По законам военного суда ему грозит смертная казнь. Лев Николаевич Толстой узнает об этом деле от знакомого офицера Григория Колокольцева, он выступает адвокатом Шабунина в суде. Но защита проигрывает, и рядового приговаривают к

расстрелу. Позже Толстой напишет о том, что этот случай оказал на его жизнь огромное влияние...

Вернемся к рассказу «После бала». В нем Л.Н. Толстой повествует о молодости некоего Ивана Васильевича, который был сильно влюблен в Вареньку – настоящую красавицу. Однажды, губернский председатель даёт бал, на который приглашены все, в том числе и Варенька со своими родителями. Иван Васильевич сразу же влюбляется в девушку и старается не упустить шанса потанцевать с ней. Он видит, как она танцует со своим отцом – благородным статным стариком, и умиляется глядя на них.

Всё семейство Вареньки вызывает у Ивана только положительные эмоции, и на следующий день он никак не ожидает увидеть, как её отец требует, чтобы сослуживцы несчастного маленького солдата били его как можно сильнее. Страдающие глаза, истерзанная ударами кровавая спина, беспомощные умоляющие о сострадании глаза маленького солдата, навсегда остались в памяти главного героя.

С этого дня вся любовь Ивана Васильевича пошла на убыль, и даже когда Варенька с улыбкой на лице задумывалась, он сейчас же вспоминал её жестокого отца, холодного к любым стенаниям и мольбам.

Теперь хотелось бы рассказать про физические расправы, касающиеся военнослужащих XIX века в России. В этот период физическая расправа считалась нормой, случаи «дедовщины» были частыми явлениями, офицеры по любому поводу жесточайшим образом наказывали солдат. Неслучайно из четырех призывников до конца службы доживал один.

Смертная казнь как вид наказания предусматривалась всеми уголовно-правовыми актами Российской Империи: Сводом законов Российской империи, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также Уголовным уложением 1903 года.

После восстания декабристов и до революции применялись только два вида казни – расстрел и повешение. Смертная казнь (преимущественно через расстрел) применялась и военно-полевым судом за тяжкие воинские преступления. Вообще в

конце XIX – начале XX веков обычно было два вида казни: расстрел для военных и повешение для граждан. (Кроме того, до реформ Александра II существовали тяжкие телесные наказания: кнут, отменённый в 1845 году, и проход через строй, во многих случаях влѣкшие смерть). На каторге иногда казнили (через повешение) по приговору военного суда убийц-рецидивистов, совершивших новое убийство уже во время отбытия наказания .

Свод законов 1832 года предусматривал назначение смертной казни как исключительной меры наказания по приговору Верховного уголовного суда по карантинному Уставу 1832 года и за воинские преступления по Полевому уголовному уложению.

Уложение 1845 года предусматривало смертную казнь лишь за государственные и карантинные преступления, и только после высочайшего рассмотрения приговора (то есть только после решения царя). Смертная казнь при наличии смягчающих обстоятельств заменялась бессрочной каторгой или каторгой на срок 15-20 лет и не применялась к лицам моложе 21 года и старше 70 лет. Военно-уголовное законодательство устанавливало, что смертной казнью карается умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабѣж, уничтожение чужого имущества. В 1881 году было отменено публичное исполнение смертной казни.

С 1893 года было разрешено применение смертной казни военными судами за убийство работников железной дороги и пассажиров поездов, совершённые «туземцами в Кавказском крае и Ставропольской губернии».

Во второй половине XIX века ежегодно смертная казнь применялась от 10 до 50 лицам. Применение смертной казни расширилось непосредственно после революции 1905 года, она стала применяться в 5 – 10 раз чаще.

В России XX века физические наказания были строго запрещены законом.

Впервые смертная казнь в данный период была применена 21 июня 1918 года революционным трибуналом. Смертная казнь в этот период также часто применялась в порядке внесудебной расправы. Как в этот период, так и в последующие годы, зачастую дела, приводившие к смертным приговорам, являлись сфабрикованными: известными примерами подобного рода являются дела



В. Таганцева (был казнен 61 человек, в том числе 45 мужчин), Н. Гумилева и другие.

Затем Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 года «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» смертная казнь вновь отменяется. Однако уже в приказе Реввоенсовета Республики от 4 мая 1920 года. «О революционных военных трибуналах» революционные военные трибуналы наделяются правом применения смертной казни в виде расстрела.

В ст. 33 УК РСФСР 1922 г. предусматривалось, что «по делам, находящимся в производстве революционных трибуналов впредь до отмены Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, в случаях, когда статьями настоящего кодекса определена высшая мера наказания, в качестве таковой применяется расстрел». УК РСФСР от 1922 года впервые привел полный перечень составов преступлений, предусматривающих смертную казнь в качестве меры наказания:

- за воинские преступления, в большинстве своем совершенные в военное время или в боевой обстановке (неисполнение военным служащим приказаний, сопротивление исполнению приказаний или распоряжений, побег, уклонение военным служащего от несения военной службы, самовольное отступление военного начальника от данного распоряжения, самовольное оставление поля сражения во время боя, военный шпионаж, мародерство);

- за побег красноармейца и лица командного, административного или комиссарского состава (с 1922 г.);

- за содействие переходу государственной границы без соответствующего разрешения (с 1923 г.);

В 1924 г. Постановлением ЦИК СССР были приняты «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», содержащие также «Положение о воинских преступлениях» и включающие 11 составов преступлений, предусматривающих высшую меру наказания — расстрел:

- побег;
- нарушение военным служащим уставных правил караульной службы и особых приказов и распоряжений;

- противозаконное насилие над гражданским населением, учиненное военнотружущим при отягчующих обстоятельствах.

УК РСФСР 1926 года включал почти вдвое меньше статей, предусматривающих наказание в виде смертной казни, чем УК РСФСР 1922 года. Число приговорённых к смертной казни в этот период не превышало 0,1 % от общего числа осуждённых.

Положение «О воинских преступлениях» от 27 июля 1927 года содержит двадцать статей со смертной казнью в качестве наказания:

- неявка в срок без уважительных причин на службу и на сборы;
- уклонение от выполнения обязанностей военной службы путём причинения себе какого-либо повреждения, путём симуляции болезни, иного обмана, совершенное в военное время;
- сдача неприятелю начальником вверенных ему военных сил;
- оставление погибающего военного корабля командиром, не выполнившим до конца своих служебных обязанностей и ряд других.

В этот период смертная казнь также применялась в порядке внесудебной расправы.

В наше время ответственность не только за жизнь, но и за сохранение здоровья солдата несут офицеры, командиры. Все реже мы узнаем о случаях «дедовщины» в армии, о жестоком обращении офицеров с солдатами. Отдельные, единичные случаи недобросовестного исполнения офицерского долга по отношению к солдатам имеют место быть, но они осуждаемы не только законом, но и общественным мнением. Армия стала более открытой. В каждой части созданы «СОВЕТЫ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ». Всегда открыты телефоны доверия, по которому каждый может позвонить и сообщить о нарушениях закона, если таковые имеются. С 1996 года в России действует мораторий на применение смертной казни - это большое достижение в законодательстве РФ. Это то, о чем мечтал Толстой. Его убежденность в невозможности насилия человека над человеком, его осуждение жестокости, которая в армии рассматривалась как одно

из самых действенных воспитательных средств, приводит к изменению общественного мнения и к большому вниманию к армейскому законодательству.

Наше государство идет по пути гуманизации армии. Безусловно, воинский долг - в любой момент встать на защиту своих сограждан - это те основы, которые были и будут всегда. Однако, строгое соблюдение военного законодательства позволяет сохранить жизнь и здоровье нашим ровесникам, исполняющим свой воинский долг. Я считаю, что в этом есть заслуга великого русского писателя, моего земляка Л.Н.Толстого.

### **Список использованной литературы:**

1. Мартышкин В.Н., Юрист Граф Л.Н. Толстой \ \ Юридическая наука. - 2015 - № 3.
2. Подройкина И. Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве. М.: Юстицинформ, 2017.
3. Ривлин А.Л. «Лев Толстой и Царская юстиция» (научная библиотека им. М. Горького СПбГУ).
4. [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5\\_%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5_%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B0).
5. [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F\\_%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D1%8C\\_%D0%B2\\_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D1%8C_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B).
6. [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_2950/3b8924d479a421b78e6cb69fce5fc75330278d65/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/3b8924d479a421b78e6cb69fce5fc75330278d65/).
7. <http://bibliotekar.ru/5-ugolovniy-zakon/11.htm>.